

Наследие пепла

Часть первая

Л.Вегас

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Леон Вегас
Наследие Пепла

«Автор»

2026

Вегас Л.

Наследие Пепла / Л. Вегас — «Автор», 2026

В городе, где даже ветер пахнет гари, а тени помнят крики двухлетней давности, тишина всегда обманчива. Казалось, пожар в Центральном банке забрал всё, что можно было отнять, оставив выживших лишь с пеплом в легких и шрамами на душе. Но огонь не сгорел дотла. Он лишь затаился, ожидая нового топлива. Группа подростков, связанных общей травмой и молчаливым сговором, внезапно оказывается в центре новой бойни. Они думали, что их секреты погребены под руинами старого парка и забытыми архивами города. Они ошибались. Убийца знает, кто они на самом деле. И он использует их самые темные тайны как оружие. Список погибших растет, а город погружается в парализующий ужас, друзья понимают страшную истину: маньяк — лишь исполнитель. Настоящее зло кроется в самой истории Эмбер Холлоу, в проклятии, которое веками скрывали за фасадом благополучия. В игре, где ставкой является жизнь, нет места ошибкам.

© Вегас Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
2 Глава	29
3 Глава	52
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Леон Вегас

Наследие Пепла

Глава 1

В тихом уголке Европы затерялся город Эмбер Холлоу. Здесь жизнь течет медленно, все друг друга знают, а сплетни — главная валюта. Казалось, это место застыло во времени, и ничто не способно нарушить его покой.

Но всё оказалось ложью.

Однажды сгорел центральный банк. И вместе с ним рухнул весь привычный уклад. Идеальная картинка треснула, как дешевое стекло.

Теперь здесь нет прежнего единства. Старички скучают по «тем добрым временам», а молодежь чувствует неладное. Границы стерлись. За красивыми стенами домов теперь прячутся не уют и тепло, а сомнения и страх. Эмбер Холлоу больше не безопасное место. Это город, где у каждого есть секрет, и никто не знает, кто следующий.

Кристиан стоял у окна второго этажа, прислонившись лбом к холодному стеклу. За его спиной мерцали мягкие огни дизайнерской отделки дома — светильники с тонкими металлическими рамами, встроенные в стены, подчеркивали строгие линии интерьера. Дом был просторным, двухэтажным, с большими панорамными окнами, через которые вечером просачивался тёплый свет фонарей двора. В воздухе висела лёгкая прохлада, предвестник наступающей осени — лёгкий ветерок шевелил ветви деревьев во дворе, и где-то вдали поскрипывали ветки.

Кристиан был спортивным и массивным парнем, его фигура говорила о серьёзных тренировках — широкие плечи, развитая мускулатура, крепкий торс. У него был харизматичный вид, привлекающий внимание — идеально вылепленные черты лица с выразительными скулами и крепким подбородком. Его голубые глаза смотрели задумчиво в тёмный двор, в них таилась внутренняя сила и уверенность. У него короткая тёмная стрижка, аккуратно уложенная, что подчеркивало его ухоженность и стиль. Кристиан был популярным в школе — его уважали за силу, характер и лидерские качества. Он был главной звездой среди учеников, и его уважали не только девушки, заворожённые его привлекательностью и уверенностью, но и парни, с кем он быстро находил общий язык и был для них примером. В его присутствии невозможно было остаться равнодушным, его уверенность и харизма привлекали взгляд всех, кто проходил мимо.

Телефон в руке Кристиан вибрировал — это была она, его девушка Мэри, голос которой он так ждал услышать. Они говорили тихо, словно боялись нарушить хрупкое спокойствие вечера. Обменивались короткими фразами, в которых звучала нежность и лёгкая тревога разлуки.

— Я люблю тебя, — сказал Кристиан, его голос был мягким, но уверенным.

— И я тебя, — ответила она, и он услышал в её голосе улыбку.

Он повесил трубку и на мгновение остался стоять, наслаждаясь ощущением тепла, которое приносили эти слова. Его сердце билось ровно, но внутри всё равно сидело лёгкое волнение — что-то в этом вечере было не таким, как обычно.

Вдруг, сквозь окно, Кристиан заметил странное мерцание во дворе. Свет на улице то включался, то выключался, словно кто-то играл с выключателем. Он нахмурился, почувство-

вав, как по спине пробежал холодок. "Наверное, батарейки в лампочках садятся," — подумал он и решил проверить.

Спустившись по лестнице, он вышел на улицу. Тёплый вечерний воздух обдавал его лицо, словно пытаясь принести хоть какую-то утешительную нотку в этот миг, но внутри всё бушевало — беспокойство растекалось по жилам, словно холодная тень, проникающая в самую глубину. Дом, с его строгими линиями и идеально ровным фасадом, вдруг стал казаться чужим, опасным, словно градус его страха возрастал с каждым мгновением. Внутри подавлял ужас и недоумение: как всё могло так быстро повернуться в хаос? Он попытался включить лампочку у крыльца. Свет вспыхнул ярко, почти слепяще, а затем — мгновенно погрузился в тьму. Сердце забилося сильнее, руки дрожали, и он нахмурился, проверяя батарейки, словно надеясь, что проблема в них. В этот момент его охватило ощущение, будто всё вокруг начинает рушиться, будто реальность размывается.

И тут, внезапно — движение позади. Мгновенно его охватил холодный ужас. Всё произошло настолько быстро, что он даже не успел понять, что происходит. На него набросился человек в жуткой маске птицы — лицо искажено, с трещинами, с пятнами, словно из старой корки дерева или мозолистого кожаного тротуара. В маске были злобные, безумные глаза, пронзающие насквозь и вызывающие отвращение и первобыльный страх. Клыки, длинные и острые, как у хищника, выпирали из-под капюшона, а голос, грубый, хриплый, будто сквозь зубы, произнёс:

— На сей раз... тебе не повезет, Уокер...

Кристиан словно онемел. В ужасе он отшатнулся, сердце забилося ещё сильнее, будто собираясь вырваться из груди. Его тело пребывало в полном шоке, пока он инстинктивно не схватил лежавший рядом стакан и с силой разбил его о лицо нападающего. Хруст стекла эхом разнёсся по двору, сопровождаемый криком, и кровь, потекшая из раны на его лице, казалась словно поток боли и страха, охватывающий бойца в безумной битве. Но злодей, словно не заметив боли, сразу же набросился снова, напоминая живого кошмара. Его пальцы сжались крепко, сжали плечо Криса, превращая его попытку сопротивления в борьбу за выживание.

Кристиан отчаянно отбивался, бьёт кулаками, пытаясь найти слабое место, чтобы остановить безумного преследователя. Каждая секунда казалась вечностью — сердце калилось глухо, звон в ушах мешал слышать что-либо ещё. Внутри бушевали одновременно страх, ужас, ярость и надежда — надежда, что всё это закончится, что кто-то придёт на помощь, что всё объединит свою силу, чтобы дать ему силу сопротивляться. Но это было иллюзией. Вся реальность вокруг трансформировалась в кошмар, где боль, кровь и ужас становились частью одного большого непрекращающегося страдания. Он чувствовал, как кровь, сливаясь с его слезами, ползёт по щекам, впитывая безысходность, вытягивая его дух всё дальше и дальше. Его пульс бился так резко, что казалось, его грудь вот-вот разорвётся. Он в панике рванул прочь — его лёгкие жадно вбирали холодный, почти ледяной воздух, который казался единственным спасением. Его ноги несли, словно подчинённые воле самого инстинкта выживания, по гравийной дорожке. Скрип её камней в тишине вечернего двора звучал как крик души, вспыхивающий в ночи безысходности.

Небо над головой было тяжёлым, свинцовым, и редкие проблески заходящего солнца едва проникали сквозь плотные, словно нависшие гроззовые тучи. Листья деревьев шуршали под порывами ветра, создавая зловещий шёпот, который казался эхом чужих шагов.

Маньяк в маске птицы, словно оживший кошмар, преследовал Кристиана, его движения были неестественно резкими и изломанными. Взгляд, скрытый за изуродованной маской, был безжалостен и полон безумия. Его грубый голос разрывал тишину, словно раскат грома:

— Ты давно должен был умереть, Кристиан, не отталкивай судьбу

Кристиан пытался сосредоточиться, его разум метался между ужасом и отчаянной волей к жизни. Он обогнул угол дома, пытаясь запутать преследователя, но тот казался неотступным

— тень, которую невозможно было сбросить с хвоста. Вернувшись к дому, Кристиан вбежал внутрь, захлопнув за собой дверь с таким усилием, что дрожь пробежала по стенам. Интерьер, ранее казавшийся уютным и безопасным, теперь превратился в лабиринт теней и тревожных звуков. Тёплый свет дизайнерских светильников не мог прогнать мрак, который сгустился в углах комнат.

Он поспешно запер двери и окна, сердце колотилось, как молот, а ладони были влажны от пота. Но чувство безопасности оказалось иллюзией — тишина в доме была обманчива. Внезапно, словно из ниоткуда, послышался тихий, скользкий звук — маньяк уже проник внутрь. Не было слышно ни взлома, ни скрипа, только холодное присутствие, которое наполняло всё вокруг.

В темноте коридора появился силуэт в маске, его движения были пугающе бесшумными и точными. Кристиан почувствовал резкую боль в животе — холодный лезвие прорезало плоть, и кровь хлынула, горячая и густая, растекаясь по полу. Боль была невыносимой, но страх — ещё сильнее. Парень пытался бороться, его руки инстинктивно хватали воздух, пытаясь схватить хоть что-то, чтобы отбиться. Маньяк издавал приглушённые хриплые звуки, словно зверь, готовящийся к последнему удару.

— Ты умрёшь здесь... совсем один и тебе снова никто не поможет — прошипел он, голос его был груб и ломок, словно из глубин ада.

Кристиан почувствовал, как холод проникает в его кости, словно ледяной дождь, стекающий по его волосам и коже. В ту минуту, когда он понял, что его силы на исходе, сердце словно сжалось в ужасе и отчаянии. В его глазах зажглись слезы, но он понимал, что уже слишком поздно — жизнь уходит, как песок сквозь пальцы. Волны темных мыслей накрывали его, и он ощутил безнадежность, словно тьма медленно, медленно окутывала его, поглощая всё светлое внутри. Внутри клокотала грусть, горечь и безысходность, ведь он понимал: это конец. Его дыхание стало еле слышным, сердце билось все слабее, и каждое движение давалось с трудом. В душе осталась лишь тень печали и сожалений — о прошедших днях, о людях, которые оставили его одного, о том, что не успеет сказать прощание. В этот момент его охватило искреннее, всепоглощающее отчаяние, что его уже больше нет, что это финальная встреча с бесконечной тьмой. Он упал на крыльцо, кровь растекалась под ним, смешиваясь с холодным камнем...

Мэри подъехала к дому под вечер, когда небо уже было затянуто тяжёлыми свинцовыми тучами, и первые капли дождя начали падать на асфальт, разбиваясь о землю мелкими холодными брызгами. Машина остановилась у ворот, и сердце девушки забило быстрее, предчувствуя что-то неладное.

Дом, который всегда казался ей крепостью и островком спокойствия, теперь выглядел чужим и угрожающим. Окна, где обычно горел мягкий свет, были тёмными, а дверь — приоткрыта, скрипя на ветру. Она вышла из машины, и холодный ветер обдал её лицо, заставляя вздрогнуть. Войдя внутрь, она сразу почувствовала запах — резкий, металлический, густой — кровь. Тишина была неестественной, словно время застыло в ожидании чего-то ужасного. Комнаты были в беспорядке — разбитая мебель, перевёрнутые стулья, следы борьбы на полу. Кровавые пятна, словно жуткие картины, рассказывали о жестоком столкновении. Девушка медленно шла по дому, каждый шаг отдавался эхом в пустоте.

Она звала Кристиана, голос её дрожал, но ответа не было. В глазах появлялись слёзы, смешанные с отчаянием и страхом. Где он? Почему его нет? Всё, что оставалось — это следы его борьбы и ужас, который витал в воздухе. Время словно растекалось, каждый миг казался вечностью. Девушка стояла на крыльце, глядя в темноту двора, где свет то включался, то выключался, словно играя с её разумом. Ветер усилился, и капли дождя начали падать с неба плотным потоком, смывая следы крови, но не страх. В глубине души она знала — Кристиан не просто пропал. Что-то тёмное и злое забрало его, и теперь дом стал ловушкой, в которой никто не может быть в безопасности.

Дом Деймона в тот вечер словно превратился в оазис света и шума. Весь двор был украшен яркими гирляндами, которые ниспадали с веток деревьев и обвивали перила на крыльчке, создавая мягкое сияние. На фоне повысившейся температуры, расставленные на лавочках и столах свечи и фонарики придавали особый уют и романтичность всему мероприятию. Под навесом стояли длинные столы, уставленные разносортными закусками, пищей и конфетами, от чего вся атмосфера становилась еще более оживленной и яркой.

Внутри дома царил суета — в зале лавировалось множество подростков, которые танцевали под музыку двух мощных колонок, расположенных по обе стороны комнаты. Их движения были энергичными и иногда хаотичными, в такт басам, гремевшим из динамиков. Световые эффекты с лазерными лучами и разными прожекторами вращались по потолку и стенам, создавая почти космическое ощущение. В углу стоял стол с напитками: алкогольные коктейли в ярких стаканах, пенные напитки и безалкогольные соки для тех, кто предпочитал более трезвую вечеринку.

В гостиной царил тот особый вид хаоса, который бывает только на вечеринках Деймона Андерсена. Дорогие колонки басили так, что вибрация отдавалась в ребрах, а свет стробоскопов резал глаза, выхватывая из полумрака пьяные улыбки и слишком откровенные наряды. Воздух был густым, пропитанным запахами алкоголя, дорогих духов и скрытого напряжения.

Деймон стоял в центре зала, как хищник, обозревающий свою территорию. Его черная рубашка была расстегнута сверху, обнажая мощную шею и ключицы, ткань облегла широкие плечи и грудь, подчеркивая рельеф мышц, набранных не в спортзале, а в драках. Он двигался с ленивой, но опасной грацией, будто каждый шаг был рассчитан. Серые глаза сканировали толпу, выцепляя добычу. Он подошел к девушке у бара, склонился чуть ближе, чем позволяли приличия, и произнес что-то низким, бархатным голосом.

— Деймон, ты сегодня действительно стараешься, — она усмехнулась, мягко, но твердо отстраняясь. — Но не сегодня.

Уголок его рта дрогнул. Не в обиде, нет. Скорее в легком разочаровании игрока, которому не сдали нужную карту. Он лишь пожал плечами, развернулся на каблуках и двинулся дальше. Отказ для Деймона был не препятствием, а просто частью игры. Он не навязывался — он позволял другим хотеть быть рядом с ним.

В глубине комнаты, на массивном диване, который стоил больше, чем годовая зарплата большинства учителей, разместились «свита».

Джейс Грейвсэнд сидел в углу, словно король, которому наскучило собственное королевство. Его светло-русые растрепанные волосы мешались на лбу, но он не убирал их. На нем была простая черная футболка, которая облегла торс, подчеркивая широкие плечи и массивные руки. Шрамы на костяшках пальцев белели на загорелой коже, напоминая о прошлом, которое он предпочитал не обсуждать. Большой палец лениво скроллил ленту смартфона, а голубые глаза, холодные и отстраненные, скользили по экрану. Он был здесь физически, но ментально — где-то за пределами этой душной комнаты. Иногда на его губах появлялась тень усмешки, когда он ловил обрывки чужих сплетен, но в разговор не вступал.

Прямо напротив него, заняв всё свободное пространство, развалилась Ксения. Её ноги покоились на мощных бедрах Джейса, и он не просто терпел это — он периодически машинально поправлял её стопу, словно это было самым естественным вещем в мире. Тёмные волосы струились по подушкам, а серые глаза блестели опасным огоньком. Она была единственной, кто мог нарушить его личное пространство без последствий.

— Сделаешь сэлфи со мной для моих подписчиков? — лениво бросила она, кивая в сторону компании экрана телефона.

— Слишком много чести для них, — ответил Джейс, не поднимая взгляда. Его голос был низким, вибрирующим в тишине между ними.

Рядом, на краю дивана, устроилась Кейт Торес. Рыжая бестия с бутылкой пива в руке, которую она держала как продолжение собственной руки. Её ноги были скрещены, поза вызывающая, а взгляд — оценивающий.

— Мейсон, — позвала Кейт, не оборачиваясь к парню, лениво развалившемуся в кресле напротив. — Ты хоть видел, что Марк вытворял на той тусовке? Или твоя голова забита только тем, как удобнее спать до обеда?

Мейсон Росси даже не моргнул. Тёмные волосы упали на лоб, карие глаза смотрели сквозь неё, словно он оценивал её слова на предмет скуки. Он сделал глоток пива, медленно, с наслаждением.

— Видел, — его голос был тягучим, словно сироп. — Пытается побить рекорд Эббигейл. Но ему далеко до оригинала.

— Вот именно, — фыркнула Кейт, крутя бутылку в пальцах. — Никто не сможет превзойти Эбби в искусстве превращать вечеринку в поле боя. Это её личный чемпионат.

Лидия Майер сидела прямо, словно проглотила линейку. В руках у неё был стакан с соком — единственный трезвый напиток в радиусе пяти метров. Её зелёные глаза с укором посмотрели на Мейсона, но губы дрогнули в улыбке.

— Это не повод для гордости, — сказала Лидия, её голос был мягким, но стальным. — То, что творила Эбби... это было опасно. И глупо. Марк просто копирует худшие черты, не понимая последствий.

— Жестоко, — Мейсон усмехнулся, откидывая голову на спинку кресла. — А я думал, мы обсуждаем шоу, а не читаем морали.

— Друзья не позволяют друзьям становиться клоунами, — парировала Лидия, но всё же подвинула к нему салфетки, когда он чуть не пролил пиво.

Джейс наконец оторвался от телефона. Экран погас, отражая в себе свет лампы. Он медленно поднял голову, и его взгляд стал тяжелым, давящим. Бицепсы напряглись под рукавами чёрной футболки, когда он сцепил пальцы в замок.

— Эбби хотя бы знает, где граница, — произнёс он тихо, но так, что стихли все разговоры вокруг. — Марк же просто шумный. Шум не означает силу.

Ксения хихикнула, перебирая прядь волос. Она сидела рядом с Джейсом, её ноги покоились на его коленях, и он даже не пытался их убрать.

— А ещё Марк думает, что если накричит громче всех, то станет заметнее, — добавила Ксения, её серые глаза блестели насмешкой. — Но в темноте видно только тех, кто умеет не светиться напрасно.

Кейт покраснела, но не от стыда, а от злости, что её тема для сплетен потеряла остроту. Она залпом допила пиво и с силой поставила бутылку на стол.

— Заткнись, Кровето. Ты просто защищаешь свою подружку.

— Подружку? — Ксения приподняла бровь. — Это когда ты путаешь преданность с защитой. Я просто констатирую факты.

Лидия, чувствуя, что градус накала растёт, решила вмешаться. Она хлопнула в ладоши, привлекая внимание.

— Так, стоп. Давайте сменим пластинку. Хватит косточки мыть.

Джейс медленно поднялся. Движения были плавными, хищными. Он окинул взглядом комнату, задержавшись на пустых бутылках.

— Я на кухню, — сказал он, его голос не терпел возражений. — Будет кто-то что-то?

Мейсон лишь лениво махнул рукой, мол, ему всё равно. Кейт буркнула что-то про то, что сама дойдёт, если приспичит. Лидия вежливо отказалась.

Только Ксения подняла на него взгляд. В её глазах плясали искры, и она слегка наклонилась вперёд, опираясь подбородком на ладонь.

— Принеси мне что-нибудь, — сказала она тихо, и в её голосе прозвучала нотка доверия, которую она не дарила остальным. — На твой вкус.

Джейс усмехнулся, уголок его рта дрогнул. Это было не просто просьбой, это было разрешением выбрать то, что понравится им обоим.

— Как скажешь, — ответил он и вышел из комнаты, оставляя за собой тишину, которая казалась громче любых споров.

Кухня гудела приглушённым шумом вечеринки, но здесь, среди холодильников и столешниц, воздух казался выжженным напряжением. Джейс вошёл первым, словно хозяин территории, которую даже не планировал защищать. Его движения были выверенными, почти механическими: открыл холодильник, достал бутылку, плеснул жидкость в стакан. Лёд звякнул о стекло — единственный звук, нарушивший тишину.

Деймон стоял у дверного проёма, загораживая выход. Его тень падала на Джейса, длинная и угрожающая, но тот даже не повернул головы. Для Джейса существование Деймона в этом пространстве было равносильно шуму за стеной — раздражающему, но не заслуживающему внимания. Он мешал коктейль медленно, наслаждаясь тем, как его игнорирование бесит соперника больше любых слов.

— Так и будешь делать вид, что меня нет? — голос Деймона прорезал воздух, низкий и напряжённый. В нём звенела обида хищника, которого лишили права на укусы. — Или хоть поздороваться найдёшь силы?

Джейс наконец поднял взгляд. В его голубых глазах не было ни злости, ни страха — только холодный лёд, за которым скрывалась сталь. Он усмехнулся, и эта усмешка была острее ножа.

— Ты и сам отлично справляешься с привлечением внимания. Кстати, можешь не скрывать злость — эту натянутую улыбку видно даже в темноте.

Он снова отвернулся, демонстрируя абсолютное превосходство. Деймон сделал шаг вперёд, сокращая дистанцию до опасной. Его мышцы напряглись под тканью рубашки, готовые к рывку.

— Неужели? — Деймон навис над ним, используя рост как оружие. — Значит, ты тут самый зрячий, да?

Джейс даже не дрогнул. Он спокойно взял второй стакан, словно готовился уйти с трофеем, и бросил через плечо, лениво и смертельно опасно:

— У тебя проблемы не только со зрением. Но ладно, не буду перечислять всё сразу.

Он развернулся, чтобы уйти, но Деймон не собирался отпускать. Его рука метнулась вперёд, пальцы вцепились в запястье Джейса мёртвой хваткой. В глазах Деймона вспыхнул азарт — он почувствовал слабость, зацепку.

— Так может, сможешь мне стать лучше? — прорычал он, склоняясь ближе, словно пытаясь прочесть страх на лице соперника.

Джейс медленно поднял голову. Их лица оказались в опасной близости. Он не дёрнулся, не попытался вырваться. Вместо этого угол его губ дрогнул в той самой улыбке, которая предвещала беду.

— Деймон, — голос прозвучал тихо, но чётко, как щелчок затвора. — Если не отпустишь меня сейчас... этот стакан окажется у тебя на лице.

Деймон рассмеялся, нервный звук, полный неверия.

— Ой, да что там в меня полетит...

Он не договорил.

Движение Джейса было быстрее мысли. Запястье вывернулось, и содержимое стакана — липкая смесь алкоголя и сока — плеснуло прямо в лицо Деймону. Жидкость залила глаза, стекла по щекам, испачкала дорогую рубашку.

Деймон замер, ошеломлённый, вытирая глаза тыльной стороной ладони. Когда он снова поднял взгляд, Джейс уже стоял у выхода. Он бросил пустой стакан на столку — тот звякнул, подпрыгнул и замер.

— В следующий раз слушай с первого раза, — бросил Джейс, не оборачиваясь и ушел.

Вернувшись к остальным, он отдал Ксю её напиток. Та с интересом посмотрела на него и спросила:

— Что с тобой?

Джейс лишь пожал плечами, не желая вдаваться в подробности. Ксения, прищурившись в его сторону, будто собиралась что-то сказать, но так и промолчала, оставив атмосферу загадочной и напряжённой.

В этот момент в комнату зашли Сара и Скотт. Высокий и худой Скотт, напоминающий типичного айтишника своими тёмными волосами и сдержанной манерой, заметив возникшую напряжённую атмосферу, с легкой улыбкой спросил, пытаясь разрядить обстановку:

— Что такое, ребят? Почему все такие хмурые? Ладно, Джейс и Мейсон, но девочки-то почему?

Кейт, сохраняющая спокойствие, ответила спокойно, чуть приподняв брови:

— Всё нормально, ничего особенного.

Она непроизвольно подмигнула Лидии, а та в ответ показала ей едкую улыбку и демонстративно показала ей фак пальцами, словно напоминая, что они прекрасно понимают друг друга и не собираются скрывать свои чувства.

Сара — низкая, стройная, но с милыми пухлыми щечками; её волосы, тёмные лишь у корней, мягко рассыпались по плечам, наблюдая за этим обменом, улыбнулась и с легкой иронией сказала:

— Ну что, как обычно. Никаких сюрпризов. Понимаю вас. А вы, кстати, слышали? Актуальная новость — главная парочка школы... угадайте, что?

Все слегка замолчали, проявляя подозрительный интерес и задавая вопросы.

Ксения, чуть удивлённая, спросила, слегка подняв брови:

— Неужели расстались?

На что получила мягкий кивок и улыбку как подтверждение.

— Наконец-то, — добавила Ксения, с облегчением вздохнув. — Я же говорила, что Уилл и Сидни долго не продержатся. Так им и надо, честное слово.

В этот момент в комнату вошёл Деймон. Он, как всегда, владел ситуацией и любил вмешиваться в разговоры. Скотт с радостью поприветствовал его и Сара, а остальные просто кивнули в знак приветствия, кто-то даже улыбнулся. Ксения лишь слегка кивнула, выражая приветствие.

Деймон, улыбаясь, спросил:

— Ну что, как вам вечеринка? Всё по кайфу?

Кейт, уверенно улыбаясь, ответила:

— Улетная!

Затем Деймон предложил организовать игры с алкоголем — «Алкогольную рулетку», «Бир-понг» и другие, чтобы развеселиться. В итоге всем было весело — смех, шутки, и весёлое безумие. К ним присоединились более раскованные Ашер и Ребекка. Сара, Скотт, Ашер, Ребекка и Деймон уже были пьяны в хлам, даже Лидия, которая пьет раз в год, а вот Ксения и Джейс в стороне наблюдали за происходящим и обсуждали, как Ашер и Деймон переросли в настоящих отморожков.

Самой последней игрой стала «Я никогда не».

Кейт заявила:

— Я никогда не встречалась с тремя сразу.

Никто из присутствующих не выпил, хотя тут же последовал вопрос.

Ребекка прищурилась и спросила:

— А, значит, с двумя ты всё-таки была?

Кейт немного задумалась, словно пытаясь выбрать правильный ответ, и качала головой, не давая точного ответа.

Тем временем Лидия внезапно ощутила, как мир вокруг начал стремительно вращаться, словно её закружило в водовороте громкой музыки и чужих голосов. В голове стоял гул, словно звенящая пустота, и одновременно — тяжесть, давящая на грудь. Тошнота подступала, холодная и неумолимая, заставляя сердце биться всё быстрее и нерегулярнее. Тело становилось всё слабее, словно кто-то незримый медленно вытягивал из неё последние силы. Взгляд потускнел, всё вокруг расплывалось и сливалось в неясные пятна — границы между реальностью и хмельным угаром стерлись, и Лидия уже не могла понять, где она и что происходит.

Деймон, который к концу вечера выглядел не таким весёлым, как обычно, заметил её состояние. В его глазах мелькнула смесь грусти, одиночества и тлеющей ярости — словно внутренний огонь, который никто не мог погасить. Он чувствовал себя потерянным, алкоголь делал его чувства острее, а границы — размытые.

— Пойдём, — тихо сказал он, осторожно обхватив её за талию. — Здесь душно. Я помогу тебе выбраться на свежий воздух.

Лидия едва могла стоять на ногах, тело дрожало, словно листок на ветру, дыхание становилось прерывистым и неровным. Она кивнула, доверяя ему, ведь он всегда казался таким уверенным, таким сильным. Они прошли через дверь, но вместо выхода на улицу оказались в тихой спальне на втором этаже — пространство казалось чужим и давящим, освещённое лишь тусклым светом фонарей за окном. Лидия не сразу поняла, как они сюда попали, сознание путалось всё сильнее.

Деймон повернулся к ней. В полумраке его лицо казалось мягче, ближе. Он шагнул к ней, и прежде чем она успела что-то сказать, его губы коснулись её губ. Сначала это было неуверенно, вопросительно. Лидия замерла, сердце ёкнуло. Она не отстранилась. Поцелуй углубился, стал жарче, настойчивее. В голове у Лидии вспыхнуло чувство вины и одновременно странное опьянение от момента. Но когда руки Деймона скользнули вниз, под край её блузки, коснувшись холодной кожи живота, она вздрогнула.

Реальность вернулась резко и больно. Они перешли границу. Ту самую тонкую черту, за которой начиналось что-то, к чему она не была готова.

— Деймон, стой... — прошептала она, пытаясь отвести его руки.

Но он не слышал, или не хотел слышать. Алкоголь туманил его разум, превращая желание в навязчивую идею. Его пальцы продолжали двигаться вверх, дыхание стало тяжёлым, прерывистым. Он прижал её к стене, нависая сверху. И в этот момент Лидию накрыло волной страха. Она была маленькой, хрупкой, а он — большой, сильный, пьяный и неконтролируемый. Быть зажатой между стеной и его телом вдруг стало невыносимо.

— Деймон, хватит! — сказала она громче, пытаясь выскользнуть из его объятий. Она толкнула его в грудь второй раз, сильнее.

Но он лишь крепче сжал её запястья, его взгляд стал стеклянным, чужим. — Ты сама этого хотела, Лид... — пробормотал он, пытаясь снова поцеловать её.

Страх сменился паникой. Её тонкая натура не выдержала этого давления, этого ощущения беспомощности. Внутри неё что-то щёлкнуло. Не желание причинить боль, а отчаянная потребность вырваться.

— Отстань! — крикнула она, и в её голосе прорвалась истерика.

Лидия психанула. Собрав всю волю в кулак, она резко взмахнула рукой и ударила его ладонью по лицу. Звук пощёчины прозвучал как выстрел в тишине комнаты.

Деймон отшатнулся, словно его ударило током. Он выпустил её руки, прижимая ладонь к пылающей щеке. В его глазах читался шок, смешанный с болью и непониманием.

Лидия не стала ждать ответа. Она выскочила из комнаты, едва не споткнувшись на пороге, и побежала вниз по лестнице, прочь от него, прочь от этого дома, прочь от ощущения собственной слабости. Её дыхание сбивалось, слёзы душили, но она не останавливалась, пока шум вечеринки снова не поглотил её, скрыв в толпе таких же потерянных людей.

Лидия медленно ступала по лестнице, каждая нога казалась ей настолько тяжелой, что она едва могла сдержать слёзы, разрывающие её изнутри. Века опухшие и заплаканные, она только крепко зажимала губы, будто боясь дать волю чувствам. Её кофта, давно расстёганная, спадала с плеч, обнажая бледную кожу, словно холодные мерцающие всполохи освещения играли на ней, отбрасывая тихие тени. Волосы растрёпаны и взъерошены — она выглядела так, словно прошла через бурю внутренних страстей и страданий. Взгляд её был мокрым и неустойчивым, как будто в нем одновременно борются растерянность, боль и опустошение, поглощающие всё её существо.

Каждый её шаг отдавался в груди тяжелым эхом, словно сердце разбивалось о камень, и она ощущала, как весь мир вокруг сжимается в черную бездну. Музыка в зале казалась ей далекой, чуждой и бессмысленной, — звуки, которые раньше могли бодрить или радовать, теперь наполняли её ощущением чуждости и пустоты. Она едва держалась на ногах, будто плыла сквозь шум, гул и крики — окруженная людьми, погружёнными в свои собственные миры, ничего не замечая, ничего не видя.

Перед её глазами открылась яркая картина хаоса: танцующие люди, смеющиеся, погружённые в собственные мысли, ничего не подозревая о её страданиях. Никто не обращал на неё внимания, не пытался утешить или проявить сочувствие — только музыка и мерцающая иллюзия веселья создавали иллюзию уединения. Словно чувствуя её внутренний кризис, вокруг было лишь бесконечное море тел, движущихся под ритмы, в которых она чувствовала только свою изоляцию.

Внезапно к ней подбежала Ксения. Её глаза раскрывались полными ужаса и тревоги, словно она увидела в Лидии лицо, которое никогда раньше не видела. Ксю схватила её за руку — крепко, словно боясь, что её сейчас унесет ветер — и потянула в сторону, к более тихому уголку зала. Лид, словно в тумане, не находила слов, чтобы ответить, и лишь молчала, опустив голову, словно надеясь скрыться от мира. Тем временем Ксю не умолкала, задавая вопросы, её голос дрожал, а глаза искрились тревогой.

Когда они добрались до туалета, а её силы вдруг иссякли — слёзы прорвались, и она расплакалась прямо на плече Ксении, крепко обнимая подругу, будто в этом объятии можно было найти утешение даже в самой темной тьме. Ксю, отстранившись чуть, просто держала её, не говоря ни слова, позволяя Лидии выплеснуть всю скопившуюся боль — будто бы каждая её слеза могла стать кирпичиком в кирпичной стене её внутреннего мира. Её тихий голос попросил подругу привести себя в порядок, а сама отошла за помощью, оставшись одинокой, чтобы попытаться собрать осколки своей разбитой души.

Тем временем Ксения шла сквозь плотную толпу — глаза её искали знакомых, нужных людей. Взгляд вдруг наткнулся на хаос: там была Ребекка, почти повисшая на Ашере, Скотт без сознания, раскинувшийся на полу, и Мейсон, развалившийся на диване. Но ничего из этого Ксению не задерживало. Кейт казалась бездарной, лишенной такта, — её слова и жесты были грубы, холодные. Лукас — чуть скованный, его движения неловки, но на фоне Кейт это казалось почти незаметным. Наконец, она заметила Джейса — он был всегда в движении в центре толпы. Их популярность после пожара возрасла, и именно Джейс умел ей правильно пользоваться. Для всей тусовки это был купол среди множества, а для Ксении — он был важнее, чем им.

Она подошла к нему, мягко зацепив за плечо, чтобы привлечь его внимание, затем взяла за руку. Джейс отвлекся, слегка улыбнулся и произнёс:

— Какой черт тебя укусил?

— Сколько ты выпил? — взгляд её смягчился.

Джейс пожал плечами и ответил с размытым голосом — Немного... и то час назад. А что?

Ксю мягко повела его к туалету, тихо рассказывая о случившемся, пыталась найти слова, чтобы выразить всю тяжесть момента, ощутить его чувства, понять, насколько он сбит с толку происходящим. Она чувствовала, что этот вечер — не просто праздник, а испытание их дружбы и сил, ведь даже среди хаоса и боли они всё равно нужны друг другу.

В тусклом и мрачном помещении туалета, их присутствие казалось почти невидимым, сливаясь с темнотой и вызывая ощущение тревоги и внутренней напряжённости. Мягкое, приглушённое освещение, напоминающее тихий крик ветра, отбрасывало длинные тени на грязные стены, пропитанные запахами сырости и мыла. Звук каждого их движения был резко замечен и резонировал в пустоте, создавая ощущение замкнутого пространства, похожего на клетку для чувств и страхов, усиливаемых ощущением уязвимости. В этой обстановке Джейс, с оттенком ответственности и решимости, первым протянул руки в жест поддержки, словно стремясь передать ей свою силу и защиту, укутать её в ощущение защищённости, несмотря на внутренние бури и хаос внутри неё.

Лид, дрожа и сжимаясь в его объятиях, ощущала, как вся её уязвимость словно просачивается через трещины в её сердце. Но, несмотря на страх, она нашла в себе хрупкую решительность и прошептала, голос её звучал как тихий шепот ветра:

— Всё в порядке, Джейс, не стоит так беспокоиться.

Ксения, словно искра, достигнув точки кипения, взорвалась внутренней волной эмоций. Её руки, растрепанные и трясущиеся, прерывисто захватывали сумку Лидии. В её глазах могла читаться смесь гнева, отчаяния и глубокой заботы, и её голос прозвучал с нарастающей напряжённостью:

— В смысле не стоит?! Ты хоть представляешь, в каком состоянии я тебя застала? Почему ты молчишь? Что произошло?

Джейс, внезапно сжав кулак, отразил свою агрессию, сжимая её, как натянутую струну. Его резкий отвратительный жест, подчеркивающий напряжённость, сопровождался голосом, полным гнева и тревоги:

— Что, чёрт возьми, произошло?

Лидия, словно пленник своих собственных воспоминаний, долгое время сопротивлялась раскрытию своих чувств. Слова вязли в глотке, мешаясь с тяжёлым грузом пережитого. В конце концов, её голос, слабый и прерывистый, чуть слышно прозвучал, словно шёпот, от которого зависит всё:

— Давайте уедем отсюда... пожалуйста.

Ксения мгновенно схватила сумку Лидии, её руки, полные волнения и решимости, тряслись, когда она помогала подруге подняться. Джейс, ощущая необходимость поддержать их обеих, аккуратно взял их под руки и повёл к выходу из сумрака, где в воздухе витал свежий прохладный вечерний ветер, насыщенный ароматами мокрого асфальта и увядающей листвы, словно напоминание о прохождении времени и о том, что ничто не остаётся неизменным. Они вошли в их надёжный, хотя и устаревший, автомобиль — Audi A3 2016 года.

Молчание в салоне стало тяжёлым, словно пропитано их внутренней болью. Лидия продолжала погружаться в размышления, её сердце было наполнено тревогой и отчаянием, но Ксения, словно старая машина, загорелась впереди, всё громче и настойчивее выкладывала свои гипотезы и догадки, пытаясь понять происходящее. Это раздражало Лид, вызывая желание закрыться и уйти от всего, но и одновременно наполняя благодарностью к подруге — потому что в этом постоянном и неутомимом волнении она находила те искры заботы, которых так

не хватало ей самой. Джейс, с сжатыми губами, молчаливо управлял машиной, внимая каждому их слову и изменению в их судьбе, ожидая времени, когда Лидия наконец откроется и освободит своё сердце.

Миновала долгая, мучительная пауза. Взгляд Лидии был устремлён через окно, по которому мерцали городские огни — как звёздное небо, отражающееся на мокрой стене её сознания, — будто пытаюсь найти в них искру спасения. Тёплая, тягучая тишина проникла в салон, наполняя воздух невысказанным. Лидия глубоко вдохнула, собрав последние остатки силы, и, произнеся чуть слышно и сдержанно, она обратилась:

— Деймон... он полез ко мне... — голос Лидии задрожал, и слова, словно ледяные осколки, пробили её сердце. В её глазах собрались слёзы — хрупкие и прозрачные, как капли дождя, которые сейчас медленно скатывались по её щекам, вызывая в душе болезненное ощущение потерянной невинности и страха, сочетающихся с отчетливым ощущением безысходности. В этот мгновенный момент ощущалась вся глубина её внутренней боли, забвения, отчаяния и страха перед невероятной мощью пережитого. Ксю, её верная подруга, с трепетом и отчаянием ждала её тонко дрожащую руку, стараясь передать хоть толику тепла и поддержки — как бы говоря: «Я с тобой, я не отпущу».

Джейс, как словно сгусток молнии в ясную погоду, резко нажал на тормоза — машина хлынула в резкую остановку прямо на середине дороги, и вокруг все словно замерло, застыв — будто вселенная почувствовала взрыв эмоций, скрытых внутри каждого из них.

Глаза Джейса распахнулись, наполненные гневом и яростью, словно зажженные пламенем, он разрывало внутренние противоречия и беспомощность, из-за которой он выглядел таким сильным, но в глубине души — уязвимым. Его выражение лица было напряжено, а голос — цепкий и яркий, как раскат грома:

— Как это произошло?

Лидия попыталась заговорить, слова окончательно застряли внутри, мешая ей дышать, будто вся её вера начала разрушаться, а сердце — рваться на куски, страдая в невыносимом разладе. Её голос был слабым, но решительным, когда она наконец произнесла, сдерживая слёзы:

— Мне было ужасно плохо... он взял меня в туалет... и вдруг оказались в спальне... Я совсем не представляю, как всё произошло... — и на мгновение её взгляд потерялся где-то в темноте собственных воспоминаний, к которым она не могла прикоснуться без страха.

Плач захлестнул её с новой силой, и рыдания разрывали её душу, словно бури в океане. Ксю, уже не говоря ни слова, обняла её в крепких объятиях, положив свою тёплую руку на голову Лидии, словно пытаюсь погладить и успокоить, делая всё возможное, чтобы разделить её боль и придать силы. Взгляд Ксю был полон искренней заботы, а её голос — тихий, будто шепот ветра:

— Всё будет хорошо, я рядом. Мы всё исправим. Верь мне. Мы вызовем полицию.

Джейс, не в силах сдержать ярость, сжался, словно его сердце сократилось до крошечных размеров. Его взгляд стал холодным и решительным, будто он решил отомстить за неё любой ценой. Он схватил руль двумя крепкими руками, его лицо — острое, решительное, с выражением, в котором трудно было разглядеть что-то кроме гнева и опасной решимости:

— Да какую? — перебил её Джейс, сжимая руль до белых костяшек, — нахрен полицию! Я перееду его машиной! Хотя нет, машину жалко... Угоню машину Ашера и размажу это самодовольное личико Деймона в асфальт! Этот гандон должен ответить за всё.

Но вдруг из уст Лидии вырвался трепет, полон тревоги и страха: — Стойте, — она вздохнула, пытаюсь обрести равновесие. — Не надо никому звонить и тем более убивать. Если кто-то узнает, я не вынесу... эти взгляды и издёвки — для меня это словно смертельная рана. Пожалуйста, дайте мне время подумать. И особенно... чтобы Мейсон не узнал. Ни в коем случае.

Джейс и Ксения синхронно закатили глаза. Они словно уже пять лет наблюдали за этим бесконечным танцем двух идиотов, которые любят друг друга, но признаться никак не могут. Это было очевидно всем вокруг, кроме них самих.

Джейс, олицетворение решительности, заорал, его глаза сверкали, будто готов был взорваться от гнева: — Ты что, наконец сговорчива? — его голос дрожал от ярости и отчаяния. — И что? Мы просто должны оставить всё как есть и сделать вид, что ничего не случилось?

Ксения тихо вставила своё слово, чтобы унять накал, но не удержалась от главного вопроса: — Он прав. Если мы ничего не сделаем сейчас, — она говорила мягко, но с уверенностью — последствия могут быть необратимыми. Мы не можем просто закрыть глаза. Лид, ты не хочешь, чтобы он узнал... потому что любишь его?

Лидия, глотая слёзы и чувствуя, что силы на исходе, замерла. Она медленно качнула головой, словно отгоняя эту мысль. — Нет, — её голос дрожал, но звучал решительно. — Это случилось со мной, и только мне решать, что делать. — она взглянула на каждого из них, и в её глазах читалась боль. — Всё. Не хочу ничего слышать. Джейс, заведи машину и довези меня домой.

Мотор автомобиля мягко заурчал, когда Джейс безмолвно повернул ключ зажигания, и машина плавно тронулась с места, разрезая ночную тишину. Внутри салона властвовала непроходящая гнетущая тишина, как будто сам воздух пропитался тяжестью недосказанного. Оба пассажира — Джейс и Ксения — погрузились в собственные мрачные раздумья, размышляя о случившемся и пытаясь подобрать в мыслях слова, чтобы понять, что делать дальше, несмотря на усталость и душевную боль, окружавшие их как тёмное покрывало.

Внезапно, словно из ниоткуда, перед ними замерла полицейская машина. Медленно и безшумно она подъехала к Audi, а мигалки мягко вспыхнули в ночной тьме, разбивая мрак маленькими огоньками. Джейс сжимал руль чуть сильнее, сердце словно отбилося от груди, а внутри бушевало смешение тревоги и непонимания. Выйдя из машины, высокий мужчина с уверенной осанкой и суровым взглядом приблизился к их окну — это был Тайлер Оливейра, отец Амаи, человек, чей строгий взгляд казался как ничем не проявленной внутренней борьбой.

Он подошёл и остановился у окна, его лицо было настороженным, а чуть заметная морщина на лбу — признаком усталости и тревоги. Лидия, чувствуя приближение этого человека, с усилием сдерживала слёзы, пытаясь маскировать весь накал переживаний, обречённо надеясь не вызвать лишних вопросов. Её сердце билось быстро, и каждое её движение — напоминание о невысказанной боли.

Джейс медленно опустил окно, его взгляд чуть искривился в улыбке, которая не могла скрыть внутреннего волнения. Он произнёс, с лёгким, немного нахальным тоном:

— Здравствуйте, мистер Оливейра. Всё время, когда слышу вашу фамилию, в голове словно всплывают образы чего-то очень сладкого и прекрасного...

Тайлер улыбнулся в ответ, но в его сухом взгляде мелькнула доля подозрения, и он мягко наклонил голову, словно пытаясь понять — что за игра скрыта за этим невинным вниманием:

— Привет, Джейс. Что вы здесь делаете посреди такой ночи? Не слишком ли поздно для таких прогулок по городу?

Джейс, слегка растерянный, улыбнулся с натяжкой, слегка наклонившись, стараясь показать, что он говорит правду:

— Просто возвращаемся домой, мистер. Ночь длинная, а спать хочется всем. Вот и решили не трогать время зря.

Тайлер кивнул, но его голос стал более настороженным, чуть холоднее:

— Угу, понятно. А ты случайно не знаешь, где моя дочь? Она должна была быть у Лукаса сегодня, но что-то подсказывает мне, что она там не задержалась.

Джейс осторожно отвёл взгляд, чуть приостановился, как бы чтобы скрыть волнение, и ответил:

— Не знаю точно, сэр, честно говоря, уже поздно. Время непредсказуемое, и хочется, чтобы все были дома и в безопасности.

Тайлер нахмурился, его выражение стало серьезнее, голос — почти грозным:

— Джейс, не строй из себя умного. Я знаю, что ты отлично понимаешь, где она сейчас. Не надеясь, что я поверю всякой лжи.

Джейс, вздохнув, сказал спокойно, стараясь не показывать внутренней тревоги:

— Всё хорошо с ней. Она просто немного обиделась, потому что парень её отверг — ничего серьёзного. Бывает ведь такое.

Тайлер заметил слёзы в глазах у Лидии, и из-за ветвистых теней ночи его взгляд задержался на ней — на этой хрупкой девушке, которой, похоже, было трудно сдерживать эмоции. Он посмотрел на неё с мягкой тенью протеста, будто спрашивая себя, почему она молчит и почему она так беззащитна сейчас.

— Правда? — спросил он мягко, чуть помягчевшим голосом. — А что же с ней тогда?

Джейс, чувствуя, что ситуация становится слишком напряжённой, попытался разрядить атмосферу:

— Не стоит к ней придирааться. Она перенесла ужасную травму — ее отвергли, впервые. Просто она слишком близко к сердцу приняла отказ, и вот так вот вышло.

Тайлер отвернулся, смотря на Ксению, и, словно пытаясь прочесть её мысли, медленно задал вопрос:

— Почему же она сама мне ничего не рассказывает?

Джейс резко поднял голос, его тон стал твёрдым и защитным, будто он ощущал угрозу даже там, где её не было. В его взгляде мелькнула искра раздражения, а его лицо внезапно стало более жестким, словно камень, скрывая внутреннюю тревогу и неуверенность. Он с уверенностью и решимостью сказал:

— Мистер Оливейра, я не нарушал правил, не превышал скорость, вы не имеете права задерживать нас здесь. Если вы не против...

Звучание его голоса имело нотки раздражения, его плечи слегка напряжены, а ладони сжаты в кулаки — он чувствовал, как внутри накапливается напряжение, и хотел скорее прекратить этот сюр. Внутри у него боролись чувства — с одной стороны — гнев и обида, что его задерживают без причины, с другой — страх, ведь эта ситуация могла привести к сложностям для всей команды. Он быстро закрыл окно, практически одновременно с этим его взгляд перехватил взгляд Лидии, которая служила ему не только напарницей, но и доверенным человеком. Он знал, что она чувствует себя некомфортно — её рука нервно сжимала ручку двери.

Он резко нажал на газ, и машина мягко тронулась, будто прислушиваясь к его решению. Внутри машины царил гнетущая тишина, тяжесть которую никто не хотел нарушать. Лидия, наконец, не выдержав, тихо спросила:

— Зачем он вообще нас остановил? Казалось, всё было чисто.

Джейс молча пожал плечами, сверкая взглядом в зеркало заднего вида, он избегал глаз собеседницы. В его сердце бушевали смутные эмоции — смесь раздражения, тревоги и чувства ответственности за команду. Его лицо оставалось каменным, словно окаменевшее под напором внутренних переживаний, скрывая бурю, которая начинала расти внутри него. Он понимал, что ситуация не окончена, и у них впереди ещё много проблем, но он не хотел показывать своих слабостей. В груди у него всё сжималось, и он чувствовал, как важно контролировать себя, чтобы не допустить ошибок.

Они подъехали к дому Лидии, окутанному густой темнотой ночи. Глубокая ночь словно поглотила всё вокруг — на улице не было ни души, лишь редкие фонари бросали холодные

пятна света на пустынную тротуарную плитку. Воздух был прохладным, насыщенным запахом свежей росы и лёгкой сырости.

Джейс выключил двигатель и, не спеша, вышел из машины. Он решил остаться у автомобиля — на его лице читалась решимость и готовность в любой момент вмешаться, если потребуется. Он оперся о капот, глаза внимательно следили за домом, где сейчас находилась Лидия.

Ксения же, с лёгкой тревогой в глазах, аккуратно взяла Лидию под руку и вместе они направились к крыльцу. Тишина ночи казалась почти осязаемой, словно сама природа затаила дыхание, ожидая развития событий.

Внутри дома Ксения помогла Лидии подняться по лестнице в её комнату — тихие шаги по деревянным ступеням отзывались в тишине, словно эхо тревог. В комнате царил полумрак, лишь тонкий свет уличного фонаря проникал сквозь занавески, рисуя на стенах мягкие тени.

Лидия медленно опустилась на краешек кровати, её пальцы неуверенно перебирали складки одеяла и разбросанные на подушке вещи, словно пытаясь найти в них опору — какой-то смысл, который помог бы удержаться на плаву в этом море противоречивых чувств. В комнате царил полумрак, лишь мягкий свет уличного фонаря пробивался сквозь занавески, рисуя на стенах длинные тени.

Ксения стояла у двери, не отводя взгляда от подруги. В её глазах читалась нежная забота, смешанная с едва скрываемым беспокойством — она будто пыталась заглянуть в глубину души Лидии и понять, как помочь, но боялась нарушить хрупкое равновесие.

Время растекалось медленно, словно вязкая смола, и наконец Ксения не выдержала. Её голос прозвучал тихо, с лёгкой дрожью:

— Точно всё хорошо? Я могу остаться, если хочешь...

В этих словах звучала не только забота, но и страх — страх услышать отказ, который означал бы одиночество, но и желание быть рядом, чтобы поддержать.

Лидия подняла глаза. В них отражалась усталость, словно тяжёлый груз последних дней давил на неё всем своим весом. Но в этом взгляде была и мягкость, и что-то почти родное. Она улыбнулась — слабая, почти невесомая улыбка, не совсем искренняя, скорее знак того, что она пытается держаться.

— Кс, — её голос был грозным, словно гром, — езжай домой. Всё нормально. Думаю, я выживу одну ночь в одиночестве.

Ксения сделала шаг вперёд, её голос стал теплее, проникнут нежностью:

— Ну хорошо... Если что — звони, ладно?

Лидия кивнула, и между ними возникло молчаливое, но крепкое понимание. Они подошли друг к другу, и объятие, которое последовало, было больше, чем просто жест поддержки — это было обещание, клятва, что в этой буре чувств они не останутся одни.

— Хорошо, — прошептала Лидия, прижимаясь к подруге. Ксения отпустила её руку и тихо вышла из комнаты, закрывая за собой дверь. На улице она глубоко вдохнула ночной воздух, затем направилась к машине, где Джейс всё ещё стоял, погружённый в свои мысли.

Позже, когда дверь тихо закрылась за Ксенией, Лидия осталась одна в комнате. Она медленно опустилась на кровать, почувствовав, как её тело словно отвешивают тяжёлым грузом. Каждая мышца отзывалась усталостью, а глаза закрылись естественным образом, будто пытаясь вырваться из смертельного вязкого болота мыслей, которые начали накатывать на неё с неумолимой силой. Воспоминания о прошедшем дне вспыхивали в её разуме яркими, болезненными фрагментами: боль, пронзающая сердце как острая стрела, горечь, которая словно терпкий уксус разъедала внутренности, тоска, настолько глубокая, что ощущалась, как бездонная пропасть, и унижение, от которого хотелось исчезнуть. Тоска и страдание сплетались в кровавый узор, тесно сжимая грудь и вызывая ощущение, будто сердце вот-вот разорвется. Внезапно появился страх — плотным, мрачным облаком, нависающим, подавляющим. Он начинал казаться неотвратимым, как неизбежная тень смерти, сгущаясь и заслоняя всё вокруг. А рядом

с этим темным нависанием тихо жила любовь — слабая, едва заметная искра заботы и поддержки, которая всё же пробивалась сквозь мрак, напоминая о тепле и надежде. Эти волны эмоций — яркое, болезненное море — накатывали одна за другой: то взмывая вверх с безумной силой, то пропадая в тишине, словно что-то исчезло навсегда. И вдруг, в самый критический момент, пришла пустота. Ничего — ни боли, ни страха, ни радости. Только безмолвие и абсолютный покой, как будто душа, уставшая бороться с ужасами мира и собственными тёмными страхами, наконец взяла паузу, позволив себе воссесть на грани забвения, где больше не было боли, нет страдания — только тишина, пронизывающая до самой сути.

Джейс, спокойно стоя у машины, ждал Ксению. Его лицо оставалось спокойным и уверенным, без намёков на неуверенность или напряжение. Он внимательно наблюдал за её движениями, его взгляд был сосредоточенным и спокойным, словно он полностью контролировал ситуацию. В его жестах не было суеты, он стоял прямо и расслабленно, с лёгким выражением безэмоциональности, которое скорее говорило о внутренней уверенности, чем о тревоге.

Ксения, напротив, переживала внутреннюю тревогу за Лидию. Её лицо выражало обеспокоенность, а глаза — полное волнения. Она постоянно поглядывала в сторону, ожидая появления Лидии или какого-то непредвиденного события. Несмотря на спокойствие Джейса, в её поведении угадывалась забота, страх и беспокойство о будущем. Она нервно переминалась, иногда поправляя волосы или вздыхая, что показывало её внутренние мысли о том, как всё сложится.

В этой ситуации, не дожидаясь её, Джейс просто стоял с спокойным выражением лица, полностью уверенный в исходе. В какой-то момент Ксения, кажется, решила облегчить напряжение, достала из пачки сигарету и закурила. Процесс был тихим и размеренным, она сосредоточенно сделала затяжку, не торопясь, позволяя себе немного успокоиться. Джейс всё это время просто стоял неподвижно, внимательно смотря на неё, не делая никаких лишних движений или комментариев.

В целом, эта ситуация подчеркнула контраст между внутренним состоянием Ксении, переполненной тревогой и волнением, и безмятежностью и уверенностью Джейса, который ждал, терпеливо и в полном контроле.

— С кем переписывался? — спросила она, стараясь сохранить спокойствие, но голос выдавал лёгкую тревогу.

Джейс откинулся на капот, скрестив руки на груди, и с едва заметной ноткой пессимизма ответил:

— Да с сестрой. Спрашивает, где меня «хер носит».

Ксения слегка опустила голову, её плечи расслабились, но усталость всё равно звучала в голосе:

— Ну, она волнуется за тебя. Ты же должен это понимать.

— Понятное дело, что волнуется. Поэтому нам нельзя долго медлить.

Когда он сделал шаг в сторону Ксении, его движения были осторожными, словно он опасался, что любая неосторожность может всё разрушить. Вслед за этим он повернулся к ней и, в голосе, полным вызова и тревоги, спросил:

— Так... мы собираемся обсудить это?

Ксения закашлялась, чувствуя, как у неё поднимается волна эмоций. Её пальцы нервно играли с краем толстовки, она ерзала на месте, отчаянно пытаясь подобрать слова. Её взгляд рассеянно скользил в сторону, а голос дрожащий и нервный, когда она говорила:

— Нууу... — она сделала паузу, собирая всё внутри, чтобы говорить дальше. — Деймон... такой...

Её голос прервался, словно её внутренний голос боялся произнести то, что копилось внутри. В этот момент Джейс, вжавшись в себя, словно ожидая худшего, слушал, неотрывно следя за её лицом. Когда он спокойно попросил:

— Скажи это.

Ксения, сделав глубокий вдох, наконец, выпалила фразу, которая, казалось, сломала последнюю преграду:

— Самовлюблённый, конченный ублюдок.

Эти слова словно взорвали обстановку, и Джейс — будто сорвался — закричал, его голос стал громче, гулким и полным гнева:

— Да, я знаю! — он говорил быстро и яростно. — Я уже всем вам об этом говорю!

Тогда Ксения, со спокойной, но полной решимости произнесла:

— Я не понимаю, каким мудаком надо быть, чтобы так поступить. — Ксения, сжимая кулаки, боролась с эмоциями, ощущая, как вся внутренняя боль вырывается наружу. — Ну правда, что у него в голове творится?

— Я и не знаю. Сегодня мне снова пришлось сталкиваться с ним. — Он повернулся к Ксении, и в его голосе зазвучала ирония, тонкий, чуть насмешливый. — «Помоги мне стать лучше», — проронил он с пародийной интонацией, — а я... — улыбнулся уголками губ, чувствуя, как в душе пробуждается сарказм. — ...вылил стакан ягеря прямо ему в лицо.

Ксения рассмеялась, немного поморгала, и её лицо осветилось облегчением. Её улыбка становилась всё искренней, а глаза — более спокойными.

— Ну, хоть что-то хорошее вышло из этого! — пробормотала она с лёгким смешком, и на её лице появилась легкая грусть. — Иногда кажется, что всё идет наперекор.

Джейс улыбнулся шире, его глаза заиграли игривым огоньком, словно он каким-то образом знал, что сейчас думала Ксения.

— А я только рад помочь. — Он сказал это с легкой уверенностью, подмигнув ей.

Ксения, не выдержав, заметно вздохнула, и, сделав решительный шаг, подошла к нему. Она резко толкнула его плечо, что заставило Джейса соскользнуть с капота и упасть на землю. Весь этот момент, наполненный лёгким сюрпризом, был отражён в её взгляде — искренней игрой в эмоции и злоупотреблением чуть шуточной иронии.

— Ау! — в том же шутовском тоне он воскликнул, пытаясь скрыть неожиданность и немного посмеяться над ситуацией.

Ксения, поправляя растрёпанные волосы и делая вид, будто всё прошло бесследно, сказала с лёгкой насмешкой, её голос звучал мягко и тепло, словно в ночной прохладе ей было уютно в собственной непринуждённой уверенности:

— А вот нечего меня бесить.

Джейс, быстро поднявшись и сев обратно на капот, посмотрел на неё с интересом, улыбка играла у него на губах, он многозначительно вопросительно поднял брови и прищурился, словно хотел понять, что же дальше произойдет. Его глаза, светящиеся в мягком свете луны, наполняли сцену особой тёплой атмосферой дружбы и доверия, в которой царил будто тёплая близость.

Он наклонился вперёд, смотря прямо в её глаза, его выражение лица было добрым и понимающим:

— Домой?

Она кивнула, едва заметно улыбнувшись, словно в ночи нашла утешение и спокойствие в простых, но важных словах:

— Домой.

Молча они подошли к машине — каждый погружённый в свои мысли, но теперь уже вместе, среди мягкого сияния ночных огней. Джейс открыл дверь и сел за руль, Ксения устроилась рядом, напряжение в салоне сменилось теплом и тёплой дружелюбной атмосферой. Машина тихо заурчала, мотор завёлся, и они медленно тронулись в путь.

Тем временем в доме у Деймона гости медленно начинали расходиться. Музыка стихала, и в просторной гостиной оставались лишь самые стойкие. Атмосфера постепенно становилась более непринужденной: многие уже оставили за собой алкоголь и просто общались, стараясь забыть шумную вечеринку.

Ребекка украдкой бросила взгляд на циферблат часов, и её лицо, обычно озарённое живой искрой, сейчас казалось уставшим, словно маска, которую трудно держать всю ночь. Она поднялась с дивана, и движение её было плавным, но напряжённым, будто каждый шаг давался через силу. Ашер сидел в глубоком кресле, почти сливаясь с тенями угла. Он казался недвижимым, застывшим в полумраке, с той самой ленивой полуулыбкой, что никогда не достигала его глаз. Его лицо было спокойным, слишком спокойным для шумной вечеринки, а чуть заострённые черты лица намекали на хладнокровие, скрывающее острое бритвы.

— Ашер, мне пора, — произнесла она, и в её голосе прозвучала нотка лёгкого беспокойства. Она подняла бровь, слегка подталкивая его локтем, пытаясь нарушить его статичность. — Завтра рано вставать.

Ашер лениво повернул голову. Скрип его шеи был едва слышен в гуле музыки, но он не скрывал лёгкого раздражения, проскользнувшего в глубине зрачков. Его лицо оставалось непроницаемым, но лёгкая усмешка предательски выдавала неприязнь к необходимости отпустить её. Он выглядел опасно привлекательным в этом свете: высокий и худощавый, с короткими тёмными волосами, небрежно уложенными, и серыми глазами, которые в полумраке казались почти прозрачными, ледяными.

— Да ладно, оставайся ещё чуть-чуть, — произнёс он с холодной улыбкой, и в его голосе слышалось желание удержать, несмотря на расслабленную позу. — Веселье только начинается.

Ребекка усмехнулась, поправляя прядь русых волос, выбившуюся из причёски. Её лицо было милым, чуть задорным, но в этом жесте читалась привычка контролировать ситуацию, защитный механизм, выработанный годами. Она была ответственная, умела наслаждаться мгновениями, но сейчас каждое мгновение рядом с ним казалось шагом по минному полю.

— Нет, я серьёзно, — сказала она с лёгкой задумчивостью и доброй строгостью. Её взгляд стал выразительным и чуть насмешливым, словно она пыталась убедить саму себя больше, чем его. — Не хочу быть той, кто засиживается до утра, а потом жалуется на усталость. Ты там всех не разорви.

Она чуть подтолкнула его локтем, и он, для вида сдержанно улыбнувшись, слегка поднял бровь. Его лицо — тонкое, с немного заострёнными чертами — выражало одновременно ленивость и скрытую искру озорства, граничащего с непреклонностью.

Ребекка, с её зелёными глазами, сверкающими в полумраке, медленно провела рукой по плечу Ашера, опуская ладонь чуть ниже, на его грудь. Ткань его рубашки была холодной на ощупь. Взгляд её дрожал, но в нём горел огонь — голос был резким и колючим, словно защитная броня, за которой пряталась неукротимая тревога и желание владеть ситуацией, пока она ещё могла.

Ашер ответил лёгкой усмешкой, но в глубине души бурлило напряжение. Он наклонился к ней, почти неуловимо прижимаясь, и его ладонь сжалась на её талии — крепко, но с едва заметной нежностью, как будто боясь разрушить хрупкое равновесие между ними. Его пальцы впивались в её бок чуть сильнее, чем требовало объятие, напоминание о том, кто здесь решает. Их дыхания смешались в горячем ритме, и пространство между телами наполнилось невыносимым напряжением — двумя пульсирующими сердцами, жаждущими выплеска страсти, жёсткой и безудержной.

— Ладно, Реб. Береги себя, — ответил он наконец, с мягкой ноткой в голосе, которая звучала как угроза, облечённая в заботу. Его глаза указывали на его внутреннюю стойкость и чутьё, что эта ночь не закончится так просто.

— И ты тоже, — прошептала она, кивнув и направляясь к выходу. Её шаги были быстрыми, будто она бежала от чего-то невидимого.

Когда дверь закрылась за ней, в комнате повисла тихая тень напряжения. Остальные трое продолжили сидеть, погружённые в разговор, каждый по-своему передавая свои чувства. Сара, с привычной уверенностью и легкой иронией, перебрасывалась шутками с Скоттом, который выглядел немного смущённым, осторожно посматривая на Ашера и Деймона, словно пытаясь понять, что будет дальше. Но в углу, где сидел Ашер, воздух казался гуще, тяжелее, словно сама тьма сгушалась вокруг него, ожидая следующего хода.

— Ну, — начала Сара, кивая в сторону бокалов с остатками напитков, — я думаю, что мы уже достаточно напились, чтобы не говорить глупостей. Или, по крайней мере, чтобы не делать это вслух.

Её лицо было полным непринуждённой улыбки, взгляд — чуть искривлённым, чтобы подчеркнуть иронию.

Скотт хихикнул, ткнув пальцем в стол. Его лицо было милым, немного застенчивым, но в его взгляде — живость и дружелюбие.

— Ты всегда так говоришь, а потом сама первая начинаешь, — ответил он, улыбаясь немного неловко, делая акцент на своей добросердечности.

Сара бросила на него хитрый взгляд, чуть склонив голову, с присущей ей игрой эмоций.

— Может, но я хотя бы знаю, когда остановиться, — сказала она, прищурившись, улыбка у неё — хитрая, чуть озорная.

В этот момент Ашер, который ранее молчал, вдруг резко изменил тон. Его голос стал резким, почти ядовитым, как будто он выплёскивал накопившуюся долгое время грусть и злость.

— Знаете, меня всегда забавлял Мейсон. Такой послушный, как собачка у Лидии. Ни слова против, ни шага в сторону, — произнёс он с холодной и чуть зловещей усмешкой. Его лицо — неподвижное, с чуть заострёнными чертами, в глазах — скрытая энергия и легкое раздражение. Он словно в данный момент полностью вышел из своей привычной спокойной оболочки.

Скотт тут же нахмурился, слегка ткнул Ашера в ребро, — его выражение было обеспокоенным, пытаясь унять его.

— Эй, полегче, чувак, — произнёс он, в голосе слышалась забота. Его лицо — мягкое и тронутый тревогой.

Но Ашер не унимался, его глаз — холодный и скрипящий, словно внутри тлела буря.

— А Амайя... Кто она вообще? Не поймёшь, с кем она — с Джейсом? Вечно где-то там, в тени, как будто играет в какую-то свою игру. — говорил он, его взгляд прикован к Деймону — спокойному, но внутри полному напряжения. Его лицо само по себе — очень холодное, выражение — будто оценивающее, а в глазах — искра агрессии и внутренней борьбы.

Сара нахмурилась, сжав губы, но не прервала его, внимательно слушая.

— И Ксения... — продолжил Ашер, глядя на Деймона, — она как собачка на поводке у Джейса, бегаёт за ним, куда скажет. Его слова наполняли комнату ощущением скрытой угрозы и непредсказуемости, словно он высказывал разочарование и недоверие к окружающим — в его лице было много напряжённости, сильное желание обнаружить истину.

— Ашер, хватит, — сказала она резко, с нотками раздражения в голосе, вставая с кровати. Лицо ее было серьезно и чуть нахмурено, словно она чувствовала, что границы уже переступают. — Не стоит так говорить о людях, которых ты даже толком больше не знаешь. — В её глазах светился вызов, а губы слегка сжались, когда она посмотрела прямо на него.

Ашер, сидя на краю кровати, усмехнулся и чуть приподнял брови, но в его взгляде промелькнуло раздражение — тонкое, почти незаметное, словно он не желает показывать свои

эмоции. Лицо оставалось спокойным, однако его глаза искрились какой-то внутренней яростью, будто он сдерживал что-то большее.

— Я просто говорю правду. Если кому-то не нравится — это их проблема, — сказал он спокойно, но в голосе чувствовалась холодность, он словно бросал вызов. Его губы чуть искривились, а взгляд стал более жестким, когда он произнес эти слова.

Скотт, ещё немного нервный — брови его было немного наставлены, а глаза расплывчаты от тревоги, попытался разрядить атмосферу. Его лицо было напряженно, он мягко постукивал пальцем по столу, будто стараясь отвлечься объяснить:

— Ребята, давайте не будем превращать вечер в поле боя. Лучше расскажите что-нибудь веселое. Его голос был чуть хриплым, а взгляд избегал прямого контакта с обоими, выражая его желание убежать от конфликта.

Деймон, сидя в тени, наконец, собравшись с мыслями, произнес тихо, почти с нотками утомления. Его лицо выразительно выглядело сосредоточенным, брови чуть наморщены, а глаза смотрели прямо перед собой, словно он искал поддержку в тишине.

— Может, хватит уже? Лучше вспомним, почему мы здесь: чтобы отдохнуть, а не раздувать конфликты. В его голосе чувствовалась усталость и желание, чтобы всё закончилось.

Сара, которая расположилась на диване, повернулась к Ашеру, и в её взгляде появилось недовольство. Лицо было немного сгорблено, брови чуть подняты, а глаза — выразительно, полные вызова и критики. — А ты, Ашер, всё еще не замечаешь, как ты меняешься? — произнесла она, голос становился тверже, а волосы аккуратно распущены, придавая ей вид уверенной.

Ашер, нахмурившись, зажмурился чуть и ответил с легкой издевкой в голосе:

— Не смей меня, Сара. Ты всегда была такой — идеальной и безупречной. Но и ты не избежала перемен. — Его лицо было хмурым, глаза горели раздражением, будто он был готов поспорить.

— Я не идеальна, — резче, чем обычно, отвечала Сара, её тон стал холоднее. — Но я стараюсь быть лучше. В отличие от тебя. — Её лицо насушилось, губы чуть дрожали при первых словах, а глаза искрились внутренним огнем.

Скотт, который до этого молчал, заметно поморщился, его лоб морщился, а выражение лица стало более угрюмым, он пытался сгладить ситуацию, слегка пожимая плечами.

— Ребята, давайте не будем ссориться. Мы все разные, и у каждого свое видение. Может, стоит просто принять это? — его голос звучал немного недоверчиво, а взгляд был немного опущен, словно он боялся возражений.

Сара, почувствовав его слова, резко повернулась к нему, её глаза засияли от обиды и разочарования, брови зажмурились в гневе.

— Ты всегда стараешься быть посредником, Скотт. Но иногда молчание — это тоже выбор. И он не всегда нейтрален. — её голос представлял собой смесь упрека и угрозы, а губы были плотно сжаты.

Скотт, ощущая давление, опустил взгляд, показывая свою растерянность и неуверенность. Он казался потерянным, словно не знал, как выйти из ситуации, а его лицо было бледным и растерянным.

Деймон сидел неподвижно, словно отстранённый наблюдатель, его лицо было омрачено тяжелыми мыслями. Глубоко в задумчивости, он вспоминал свои ошибки, свои слабости, как непререкаемый груз, который не отпускал его. Его глаза были полузакрыты, взгляд стеклянный и отрешённый, словно он смотрит в одну точку за границей комнаты. Каждая морщина на его лице — результат внутренних переживаний — отражала всю его внутреннюю борьбу, эмоциональную боль и бессилие перед происходящим. Ему было противно тому, кем он стал, и эта отвергающая ухмылка залегла на губах, словно невидимый вызов судьбе и собственному прошлому. Услышав внутри себя внутренний голос, он почувствовал, будто звонок тревоги

прозвучал в самом сердце: «Хватит. Нужно что-то менять. Иначе я потеряю всё, что когда-то имел». Его рука медленно сжала кулак, пальцы вцепились в край стола, показывая внутреннюю напряженность, но внешне он оставался спокойным, сдержанным наблюдателем всех событий.

Взгляд Деймона медленно переместился на остальных участников разговора. Он принял их в свою тёмную внутреннюю вселенную, стараясь собрать мысли в кучу. Лицо его было суровым, глаза немного сузились, губы сжались в тонкую линию — он будто бы искал в себе силы не разразиться гневом или разочарованием. Запертый внутри, он понимал — это миг либо признания собственных ошибок, либо окончательной утраты себя. Внутренние эмоции боролись за контроль — гнев, разочарование, страх, самоуничтожение. Он хотел сказать что-то, но слова застопорились, словно застряли где-то внутри его горького опыта.

Тем временем, Скотт нерешительно робко попытался вмешаться в разговор. Его лицо было немного заплаканным, а взгляд — искренне обеспокоенным. Он сказал тихим голосом, полным надежды:

— Может, нам всем стоит сделать шаг назад и просто... попытаться понять друг друга?

Его брови чуть поднялись, а глаза выразили готовность к диалогу, хотя в них читалась неуверенность и тревога. Он хотел миру, спокойствия, и его мимика открывала искреннюю заботу.

Сара резко повернулась к нему и улыбнулась с легким оттенком упрека в глазах. В её взгляде читалась решительность и немного раздражения. Она строго сморщила лоб, чуть прищурилась и сказала резко, с ноткой разочарования:

— Понимать — это хорошо. Но иногда нужно и выбирать сторону. Не всегда можно быть нейтральным.

Эта фраза выразила её внутреннее сопротивление невозможности оставаться безучастной. Она стала жестче, губы сжаты, брови подняты — будто бы выражала свою убежденность, что в жизни существуют границы, которые нельзя пересекать.

Скотт опустил глаза, его лицо потеряло прежнюю искренность, его неловкими движениями он пытался скрыть растерянность. Его взгляд упал вниз, и внутреннее раздражение у Скотта прорвалось. Он ощущал, как его попытка сохранить гармонию вызывает раздражение у Сары. Его плечи опустились, губы слегка сжаты, а взгляд — грустный и немного виноватый, словно он чувствовал свою недостаточную силу. Было видно, что он страдает, наблюдая, как она ранима, и его лицо выражало искреннюю заботу, но и безнадежность.

Ашер, натянутый и раздражённый, повысил голос, его лицо было чуть покрасневшим, брови единым жестом выразили его возмущение. Его глаза сверкали, дерзкий и раздражённый:

— Всё это лицемерие. После пожара все стали думать только о себе. Мы потеряли то, что было настоящим.

Он говорил резко, его жесты подражали внутреннему гневу — руки крепко сжаты, глаза наполнили кровь. Его лицо — резкое, брови нахмурены — выражало глубокое разочарование и отчаяние.

— Может, — вставил Скотт, — но это не значит, что всё безнадежно. Мы можем изменить себя, если захотим.

Он старается быть спокойным, его выражение — искреннее, хоть и немного утомлённое. Его глаза мягко смотрели на других, он искал в себе силы надеяться.

Сара кивнула, поддерживая его, её лицо стало более мягким, глаза — теплее:

— Именно. И это касается не только тебя, Ашер.

Ашер, вздохнув, поднялся, его лицо приобрело более серьёзное выражение, а голос — немного громче и настойчивее:

— Вы все слишком наивны! Мир не меняется к лучшему просто так.

Она стала более решительной, брови подняты, губы сжаты — в ней читалась страстность и горячность.

— Может, — ответила Сара, — но если не пытаться, то точно останется таким же.

Зарон спор накаляется, слова становятся всё резче и резче, их лица ожесточаются, жесты — агрессивнее. В этот момент, Деймон, ощущая урон внутренней борьбы, уже не мог слушать. Его взгляд стал стеклянным, лицо — замороженным, он ощущал, что эта дискуссия — пустая игра. Внутри всё кипело, но снаружи он казался спокойным. Он чувствовал, что этот вечер навсегда изменит его внутренний мир. Он глубоко вздохнул, его плечи опустились, глаза опустились вниз, и голос его прозвучал тихо и непроизнесённо, — словно шёпот отошедшей воды:

— Мне нужно немного побыть одному.

Демон заметил, как с сочувствием и пониманием смотрела на него Сара, она кивнула в знак поддержки. Скотт, внезапно встав, был готов подставить плечо. Ашер же, кривя губы, бросил недовольное замечание:

— Как хочешь.

Деймон медленно встал, нехотя направляясь к выходу из комнаты, чувствуя, как накал страстей только усиливается, а бессмысленность сиденья в этом споре мучительно давила на его сердце. Он ощущал, что этот вечер стал для него переломным моментом, и ему нужно было обдумать всё в тишине.

Он последним ушёл, оставляя за собой напряжённую тишину, отдающуюся эхом в душе, — как тяжёлая цепь, разрывающаяся внутри.

Джейс подъехал к дому, чувствуя, как в груди нарастает облегчение и лёгкое возбуждение. Он с осторожностью свернул во двор и остановил машину у входа. Уже на пороге его встретила сестра — Эббигейл. Она стояла, чуть опираясь на косяк двери, с той самой привычной, немного дерзкой ухмылкой, которая, казалось, была неотъемлемой частью её характера — словно она вовсе не замечала ни очередной ссоры родителей, ни хаос в их семье. Её длинные русые волосы, чуть растрёпанные, слегка развевались на ветру, придавая ей какой-то мягкий, притягательный вид. Яркие голубые глаза сверкали, будто бросая вызов каждому, кто задумается о её слабостях. Вся она казалась спортивной, стройной, с грациозной осанкой, внутренне дерзкой и всегда готовой к приключениям, что отлично сочеталось с её активным темпераментом и душой искателя.

— Чё так рано? — спросила Эббигейл, чуть поднимая бровь, улыбка на лице едва скрывала удивление. — Я думала, ты приедешь утром. Надеюсь, у тебя есть хорошая причина портить мой настрой своим присутствием.

Джейс усмехнулся, чувствуя, как внутри кипит смеси спокойствия и легкой насмешки. Его тёмные глаза заискрились, когда он ответил с характерным презрительным тоном:

— Поехала бы со мной, тогда бы не пришлось мне тут ничего объяснять. Было бы проще, честно говоря.

Эббигейл фыркнула, её лицо озарила игривая дерзость, и она, наклоняясь чуть вперёд, с вызовом посмотрела на брата:

— Ехать к тому самодовольному придурку Деймону и бухать всю ночь? Ну, звучит очень заманчиво... для полного идиота. Но я, наверное, останусь дома, чтобы не потерять за одну ночь всю свою репутацию.

Джейс, не теряя самообладания, ответил, чуть повысив голос и с сарказмом в тоне:

— Ты пропустила многое — я обязательно все расскажу.

Они спокойно вошли внутрь дома. вокруг всё глухо шумело, слышалась ругань родителей — тонкая, резкая, полная злобы и оскорблений. Родители словно окружали их, не замечая, что дети уже прибыли, словно их спор был настолько важен, что весь мир подождёт, чтобы услышать о новом конфликте. Вся эта безнадежная, старинная драма мира взрослых казалась Джейсу противной, — он давно привык к этому фоновому гулу, устав слушать всё те же повторяющиеся ругани, унижения. Он сделал короткий вздох и, не желая ввязываться в очередную

ссору, поднялся по лестнице — шаг за шагом, чувствуя, как усталость от семейных дебатов вступает в противостояние с его внутренним желанием найти покой.

Слышался только голос матери, резкий и полный злобы:

— Да ты даже этот дом отобрать не сможешь со своими связями, потому что благодаря мне они у тебя есть, идиот!

Дойдя до спальни, он прошёл мимо шумных, разномастных деталей интерьера — светлых стен, аккуратно развешанных картин и современной мебели — и остановился, чтобы переодеться. Эббигейл, сидя в кресле, смотрела на него с легкой, не скрывающей любопытства и терпения, узнаваемой строгостью и недоверием в глазах. Она словно говорила: «Рассказывай, я слушаю, и мне всё равно, как ты это объяснишь». Джейс, чувствуя, как в его сердце закипает одновременно желание отдохнуть и легкое недоумение по поводу того, насколько всё вокруг было неправильно, уверенно принялся за переодевание, мысленно подготовившись к очередному разговору, наполненному сложными эмоциями и попытками понять, что происходит на самом деле.

Пока Джейс напяливал на себя новую футболку, Эбби тихо и решительно подошла к двери и, делая минимальный шум, аккуратно задвинула её — словно чтобы не отдать ни звука, ни следов своей бдительности. Она сразу же включила фанк на колонке — всё для того, чтобы эхо криков их родителей не проникало в комнату, создавая ощущение уюта и безопасности посреди хаоса.

Джейс, быстро натягивая худи и цепляясь за край кровати, сел, демонстрируя раздражённость и усталость. Его лицо было напряжённым, а глаза — горящими, как будто он бежит среди огня. Он медленно поднял взгляд, и голос его прозвучал словно тяжёлый камень, падающий на пол:

— Дейм сегодня чуть не изнасиловал Лидию...

Эбби застыла, словно статуя — её лицо побледнело, а глаза расширились в шоковой немоте. Внутри всё сжалось, руки задрожали, и она быстро схватилась за край стола, будто надеясь, что не упадёт. Её губы дрожали, пока она не смогла вымолвить:

— Что?! — её голос срывался от боли и возмущения. — Вот же подонок... Я же говорила тебе, что он — козёл.

Джейс, словно потрясённый, сел назад и закрыл глаза, чуть наклонив голову, — его кисти были сжаты в кулаки, пальцы вытянуты, словно он яростно сдерживает гнев. Он молчал — слушая, как сестра начинает тихо, но прозрачно гневно ругаться, её голос становился всё более резким и резким. Эбби слезла с кресла, опустилась вниз, с отрешённым выражением, оперевшись на пол и перевернувшись на бок — ясное проявление внутреннего сопротивления. Её глаза, отражающие её профиль в зеркале, были полны тревоги, но и злости. Она тихо произнесла, голос её стал мягче, будто бы старалась унять бурю внутри:

— Пиздец... Я всё думала, что Ашер — урод, которого сразу можно запомнить и не забыть, а Деймон? Блин, он — ещё хуже...

В комнате настала гнетущая пауза, слышалась лишь тихая музыка, создающая слабый шум, словно фасад спокойствия. Эбби глубоко вздохнула, её грудь поднялась и опустилась быстро, и она, не сводя взгляда с Джейса, продолжила, с твердым и дерзким вызовом в голосе:

— Ты обязан что-то сделать, Джейс. Нельзя просто сидеть и поджигать себя внутри. А если правда? Лидии нужна помощь. И я не позволю, чтобы всё это утонуло в молчанке.

Джейс, сжав кулаки так крепко, что костяшки побелели, опустил голову, будто пытаясь скрыть внутренний ураган. Его голос стал мучительно тихим, но полный решимости:

— Знаю. Но как? Мы не рыцари, чтобы устраивать скандалы и распутывать все эти дерьмовые интриги. Я не хочу сделать хуже.

Эбби поднялась и, подошла к нему на шаг, резко хлопнув ладонью по плечу — это был жест, полный вызова и поддержки одновременно. Её лицо было мрачно, но и решительно — она смотрела прямо в глаза:

— Тогда сделаем по-своему. Вместе. Гарпуном или чем-то ещё — не важно, важно — что мы сделаем. Я — за тобой. Вместе.

— Звучит неплохо, — произнёс Джейс, задумчиво поднимая бровь и слегка наклоняя голову в сторону, словно перебирая в уме разные варианты, — но есть одно «но». Лидия настояла, чтобы мы ничего не делали, пока она сама не разберётся со всей этой историей.

Он говорил очень спокойно, но в голосе слышалась доля сомнения и раздражения, а пальцы его тихо постукивали по кровати, словно пытаясь удержать себя от всяких непредвиденных действий. В его взгляде — решительность, которая меркнет перед её трезвой осторожностью.

Эбби, услышав это, фыркнула и покачала головой, бросая на Джейса цепкой взгляд. Её губы скривились в усмешке, а глаза заиграли вызовом и иронией. Она качнула головой и с лёгким раздражением в голосе произнесла:

— Ты вообще, Джей, когда-нибудь знаешь, что делать по уму? Она тоже упоротая, конечно, но терпеть не может конфликты, любит затягивать всё до предела. Она просто захочет оттянуть всё надолго, чтобы у неё было время «разобраться». Архитектура тупика — её любимое искусство.

Джейс слегка усмехнулся, потеряв подбородок и поднимая бровь, показывая, что его слова — не пустой разговор. Он вздохнул, словно взвешивая свои слова, и вероятно, повернулся чуть-чуть в сторону, показывая внутренние сомнения.

— Не могу поверить, что я это говорю, — сказал он наконец, — но, может, всё-таки правильное было бы чуть-чуть подождать? Если она сама хочет всё выяснить, может, стоит дать ей время...

Эбби, пожав плечами и пренаигрывая гримасу разочарования, махнула рукой и с явной нескрываемой досадой закатила глаза. Она явно не ждала никаких оправданий и уже готова была перейти к более важным делам. Её жесты — бросание волос за ухо, скрещенные руки — говорили о её раздражении и настойчивости.

— Ну, ты, конечно, мастер компромиссов, — произнесла она с ироничной усмешкой, при этом взглянув на Джейса со сверкой, словно бросая вызов. — Ладно, раз ты так терпелив и так заботишься о её чувствах, а есть что-то более интересное в нашей жизни? Иначе мне совсем не интересно слушать ваши долгие раздумья.

Джейс, не спеша, замаялся, будто взвешивая свои слова, и решился — он чуть наклонился вперёд, рука по инерции лежала на кровати. Его глаза остро-насмешливо заблестели, когда он произнёс:

— Лидии, — он сделал паузу, улыбаясь чуть шире, — ей нравится Мейс.

Эбби не сдержалась — она схватила ближайшую подушку и бросила её в брата, смеясь:

— Ты издеваешься? Я же просила что-то действительно интересное!

Джейс, тоже смеясь и ловя подушку, ответил с лёгкой иронией:

— Да, я знаю, что это звучит глупо и очевидно, но для Лидии, видимо, это совсем не так.

— А, — сказала Эбби, прищурившись и подмигнув, — погоди-ка, — она, чуть насмешливо выпячивая нижнюю губу, — сама она признавалась? Или мы только догадываемся?

Джейс, улыбаясь, кивнул и посмотрел ей прямо в глаза — его лицо было уверенным, а в голосе слышался чуть хитрый оттенок.

— Вроде как сама. — Он коротко пожал плечами и чуть наклонился вперёд, словно заигрывая с её любопытством.

Эбби, слыша это, резко перестала улыбаться и, широко раскрытыми глазами, с широкой ухмылкой сказала:

— Тогда это уже совсем другая история! — и с хищной улыбкой добавила, — Завтра я обязательно прикопаюсь к ней в школе, узнаю все подробности, — она быстро встала, хлопая по коленкам, подошла к Джейсу, поцеловала его в щёку и, уходя, добавила с игривым тоном, — Всё, я в кровать. Ты меня сегодня очень вымотал.

Джейс остался сидеть на кровати, улыбаясь и слегка покачиваясь, как бы размышляя. Его лицо выражало облегчение и одновременно внутренний настрой бороться, потому что, несмотря ни на что, у них всегда есть причина улыбнуться, особенно рядом с Эбби.

Джейс перевернулся на бок, ближе к окну, и невольно стал листать ленту в TikTok, не предчувствуя, что это будут самые безнадежные, самые мучительные испытания в их жизни. Детишки пережили ужасы, о которых взрослым трудно даже подумать — и это было лишь подготовкой к более страшным зрелищам, к тем, что будут испытывать их душу до предела. На улице стояла мертвая осень: листья жёлтые, словно разгоревшаяся кровь, малевшие под холодным, пронзительным ветром, который извивался сквозь туман, как зловещий живой шепот.

Туман, скрывавший что-то зловещее — дом Уокеров, в окне которого мерцали тусклые огоньки, словно затухшие надежды, или глаза мертвецов, наблюдающих за мраком. И вдруг — дикий крик, раздирающий тишину ночи, пронзительный и судорожный. В центре этого ужасного звука — Кристиан, лежащий безжизненно на полу, его тело было покрыто кровью, казавшейся густой, как тёмный сироп, протекала из-под его ран, капая на холодный пол. Он уже не шевелился, не реагировал на новые порезы, словно его душа ускользала в никуда, растворяясь в темноте. Перед ним стояла фигура — мрачная, тёмная, одетая в капюшон, — и, только когда изо рта Кристиана потекла тёмная лужа крови, эта фигура повернулась и посмотрела прямо в лицо своей новой жертвы.

И тут, даже в отвращении и ужасе, Ксения проснулась, окованный кровавым потоком и слезами, запрокинув голову, задыхаясь, с криком, чей рёв эхом пронзил комнату. Мама ворвалась в ее комнату, стараясь её успокоить, но сердце девушки билось так отчаянно, словно собиралось вырваться из груди. Ксения зажмурилась, цепко сжав веки, пытаясь избавиться от ужасных образов кровавого кошмара — маски, подобно жутким звериным оскалом, пряталась в этой бездне, — и ужасающей формы чудовищного человека. В маске присутствовала готическая непредсказуемость, живой ужас, будто в её сердце билась тёмная душа, злобная и безжалостная. Эта маска казалась не просто предметом — она была проекцией самой тьмы, злом, висящим на его лице, скрывающим его истинное лицо и превращающим в чудовище. Все это — вихрь страха, боли и безысходности, тёмная змея, проникающая понимание и ощущение безопасности, будто сама тьма проникала в каждую секунду её жизни, не оставляя ни капли надежды.

2 Глава

На рассвете в тихом уголке Эмбер Холлоу мгновенно расплзлись зловещие слухи о исчезновении Кристиана, словно тёмная тень проникла в его уютную жизнь. Город, хоть и не большой — узкий лабиринт из узких улиц, чарующих дворишков и старых особняков, — казался теперь оживлённым призраками. Её улицы, ранее наполненные шумом шагов и оживлёнными разговорами, окутались тонким слоем тумана, медленно поднимающегося из мрака. Он казался живым и зловещим существом, которое поглощало всё вокруг, скрывая опасность и неопределенность. Такой туман, густой и сырой, казался неестественным — как будто грозное существо, скрытое в его облаках, наблюдает за городом, готовое внезапно обернуться в непредсказуемую опасность.

В школе имени А.С.Грейс царил мертвая тишина. В школьных коридорах ученики шептались, боязливо поглядывая по сторонам, словно каждое слово могло разбудить что-то ужасающее и необъяснимое. В мгновенья, когда Мэри появилась, её лицо было бледным, а глаза — полными страха, смотрели в пространство, будто ожидая услышать голос Кристиана — голос, что исчез так же внезапно, как и он сам в тени густого тумана.

Кристиан был яркой точкой в их жизни — добрым и очаровательным, он обладал лёгкой улыбкой, что могла растопить даже самое холодное сердце. Но сейчас его образ был размытым, как в черно-белых фотографиях, оставшихся во мраке памяти. Его девушка, Мэри, казалась израненной душой — её руки дрожали, а глаза, полные слёз и страха, излучали боль и бессилие. Она вызвала полицию, её голос дрожал, словно порванная струна, и в каждом её слове чувствовалась трескучая тревога. Весь дом — их единственный, скромный уголок — казался мёртвым и запертым под тяжестью таинственного присутствия. Обычные комнаты, где раньше звучал смех и радость, ныне пропитаны ощущением необъяснимой опасности. Все входы были запечатаны, словно необычайный страх и натиск тайн остановили всякое движение — дверь, которая когда-то открывалась для друзей и близких, теперь закрыта навечно.

Полиция, по своей неумолимой и холодной работе, обыскала каждую комнату, каждый уголок, каждую щель в доме. Они опросили соседей, чьи глаза были полны недоумения. Каждый вопрос, каждое показание казались тщетными — ни одно свидетельство не давало ясности. Люди, большинство из которых никогда не видели ничего необычного, теперь шептались в тёмных уголках, их голоса казались эхом в густом тумане тревоги. Все были охвачены страхом — ощущением, что что-то ужасное просачивается сквозь толщу этого зыбкого параллельного мира, прячущегося за плотной пеленой.

Когда полиция и свидетели были наконец отпущены, город окунулся в гнетущую тишину. В воздухе витал запах влажной земли и затхлости, а туман, словно живой, шевелился, будто ожидал следующего шага в этом зловещем спектакле. Люди обходили улицы тихими тенями, избегая светлых окон и тёмных аллей, опасаясь выведать невидимое зло, которое нависло над ними. Каждая тень казалась кольцом безысходности, всё дыхание — эхом неизвестности. Природа казалась запечатанной в этом мраке, и, кажется, сама она ждала последней расправы или прояснения — кто же украл Кристиана, и кто стоит за этим ужасом? В этом безумном и зыбком мире, где туман сливался слизыванием опасной тайны, каждый задавался одним вопросом: где он, этот исчезнувший мальчик, и что скрывается за этой жуткой икающей тишиной?

В школьных коридорах Эбби не могла остановиться — она придиралась к Лидии, словно пытаясь обнаружить что-то тайное, скрытое глубоко внутри её характера. Девушки шли втроём: Эбби, Лидия и Кейт. Кейт же, в отличие от них, шла с невозмутимым спокойствием, словно наблюдатель со стороны, её лицо было свободным от эмоций, а глаза спокойно следили за происходящим.

— Эбс, — мягко начала Кейт, обращаясь к подруге, — Может, сейчас её это не особо волнует? Ну посмотри же, она сама явно не знает, чего хочет.

Эбби чуть наклонилась вперёд, её глаза зажглись огнём, а губы скривились в дерзкой улыбке. Она пожала плечами, но её лицо было полно решимости. В её жестах чувствовалось много энергии: она размахивала руками, словно дирижёр, управляющий невидимым оркестром. Её движения были ритмичны, а жесты — выразительны, словно она вливала в слова особую силу.

Лидия же шла чуть отдельно, слегка наклонив голову в сторону, пыталась не обращать внимания на бурю эмоций Эбби. Она закрыла уши ладонями, делая вид, что пытается заглушить шум мира, будто вокруг неё всё гулко и невыносимо. Лицо её оставалось спокойным, почти игривым, но в её взгляде читалась игривая застенчивость — так, словно она не совсем уверена в своих чувствах, иногда чуть улыбаясь, словно делая приличное усилие, чтобы скрыть свою неуверенность.

— Ты когда-нибудь сможешь унять свой пыл? — спросила Лидия, делая акцент на слова, её глаза искрились весёлым огоньком и чуть заметной усталостью.

— Конечно, нет! — не уступая, — ответила Эбби, её голос был дерзким и полным вызова. Она подняла указательный палец в воздух, словно собираясь сделать важный вывод. — Ну что тут такого? Если Мейсон нравится тебе, почему бы не позвать его куда-нибудь?

Лидия вздохнула и, слегка улыбаясь, покачала головой. Её глаза заблестели чуть ярче, как будто она наслаждается игрой, держась за своё чувство с лёгкой улыбкой.

— Ещё раз говорю: то, что он мне нравится, совсем не значит, что я хочу с ним встречаться.

Мимо них прошёл Мейсон. Его шаги были лёгкими, он словно старался не привлекать внимания. Девочки сразу заметили его и, словно по команде, скоординированно улыбнулись. Улыбки были немного натянутыми, ангельские по виду, но при этом в них проскальзывавшая нотка легкой иронии.

— Привет, Мейсон!

Мейсон кивнул в ответ, помахал рукой и быстро исчез за поворотом, не задерживаясь. Коралловые губы Эбби мгновенно сжались в холодную истрёпанную улыбку. Её глаза, холодные и ясные, словно кристаллы, засияли ярче, приобретая почти ледяной блеск.

— Ты — худший романтик — прошептала она, вызовом взглянув на Лидию и чуть закатив глаза.

Лидия, злобно моргнув и слегка хихикнув, посмотрела на неё с возмущением, затем резко подняла брови и продолжила спорить, явно в движении, словно не желая уступать. Вся её фигура излучала смесь веселости и застенчивости — она жадно притягивала к себе взгляд своей лёгкой игрой, улыбкой и рывками в танце слов.

Тем временем у ворот школы остановился дорогой автомобиль, его блестящий кузов отражал солнечные лучи. Из машины вышла девушка — простая, но достаточно красивая, с лёгким волнением на лице. Она оглядела вход и архитектуру здания, которые внушали уважение. Высокие стены и большие окна создавали атмосферу Величия, куда лучше той школы, в которой она училась ранее. Девочка сделала несколько шагов вперёд, и видно было, что ей было страшно. Она не знала, как подойти к кому-то и завести разговор, поэтому просто стояла, теребя край своего рюкзака.

— Привет! — неожиданно раздался голос, привлёкший её внимание. Она повернулась и увидела девушку, стоящую рядом с ней. В её лице было что-то знакомое, но Исабелла не могла понять, откуда она её знает.

— Привет, — робко ответила девушка, её голос дрожал от волнения.

— Я Сара, Сара Луис! — приветливо представилась она, её улыбка была широкой и искренней.

— Я Исабелла Либерти, — ответила девушка, чувствуя себя немного неудобно при таком открытом знакомстве. Её ладони слегка потели, и она старалась не смотреть в сторону.

— Я так понимаю, ты новенькая? — спросила Сара, заметив, что Исабелла немного стесняется. Её тон был мягким и дружелюбным.

На свой вопрос Исабелла кивнула, и Сара, почувствовав, что нужно поддержать её, подхватила:

— Тогда пойдём, я тебе всё покажу! — Она дружелюбно потянула Исабеллу за руку, и та, хоть и с некоторым колебанием, последовала за ней.

Сара повела Исабеллу по холлу, где стены были украшены яркими постерами и работами студентов. Они прошли мимо просторных коридоров, где учащиеся переговаривались и смеялись, и вскоре вышли во двор. Огромный стадион с множеством беговых дорожек окружал их, и Исабелла не могла не восхититься.

— Здесь так круто! — произнесла она, её глаза светились от восторга.

— Да, — согласилась Сара, — большинство коридоров школы имеют панорамные окна. Это так здорово, когда солнечный свет заливает всё пространство! — Она с улыбкой указала на окна, через которые виднелись зелёные деревья за пределами школьного двора.

После этого Сара зашла в главный зал, и Исабелла остановилась, поражённая размерами помещения. Зал был огромным, в нём могло разместиться точно семь групп. Высокая доска и проектор, висящий под потолком, создавали атмосферу настоящего учебного заведения. Ступеньки Велли к местам студентов, и Исабелла почувствовала, как волнение начинает угасать.

— Тут у нас главный зал, — сказала Сара, обводя взглядом пространство. Она заметила вопросительный тон в лице Исабеллы. — Ах, да, надеюсь, ты знала, что программа у нас усложнённая. Мы хоть и школа, но в старшей, и у нас много приколов с университетами и их правилами. Так что... частенько уроки у нас проводятся здесь.

Исабелла кивнула, но её выражение лица выдавало, что она всё ещё не до конца понимает.

— Не переживай, — продолжила Сара, — большинство преподавателей у нас лояльны, и со многими даже можно подружиться.

— Мда... — ответила Исабелла, её голос звучал с лёгкой иронией. — Я, конечно, знала, что программа усложнённая, но не думала, что сразу получу высшее образование, — она рассмеелась, и Сара тоже не удержалась от смеха.

— Ну... высшего образования, конечно, нет, — поправила её Сара, — но эта школа открывает тебе прямой и простой доступ к нему. Пойдём дальше, я тебе немного расскажу и про это.

Они продолжили свой путь по коридорам школы. Сара оживлённо рассказывала о каждом классе, о том, как здесь проходят занятия, и о различных мероприятиях, которые организуются для учащихся. Исабелла слушала с интересом, её страх постепенно рассеивался, и она чувствовала, как начинает привыкать к новой обстановке.

— Наша политика образования гарантирует не просто диплом, а билет в элиту, — завершила Сара, её голос звучал уверенно, словно она зачитывала приговор судьбе. — Выпускники этой школы автоматически зачисляются в Академия «Холлоу» — лучший вуз страны.

Исабелла была приятно удивлена таким бонусом. Она не думала, что самый тягостный переезд в её жизни обойдётся ей вот так. Однако, она заметила, как, пока они шли, многие поглядывали на Сару. Это было странно, и Исабелла пыталась всё усерднее вспомнить, почему же Сара ей так знакома.

— Точно! А я-то думала, почему ты мне так знакома! — крикнула Исабелла, останавливаясь на месте. Сара остановилась чуть впереди, обернувшись на неё с приподнятыми бровями, её лицо выражало лёгкое удивление.

— Ты же одна из тех, кто был на пожаре! Я пока ехала, смотрела новости, и самая популярная новость на всех сайтах — это этот пожар! О боже! Я даже и подумать не могла, что меня будет нянчить популярная личность! — вскрикивала Исабелла, немного подпрыгивая от счастья. Её глаза сверкали от восторга, и она почувствовала прилив энергии.

Сара натянула улыбку и терпеливо ждала, когда это закончится.

— Рада за тебя, — произнесла она с саркастичным оттенком в голосе.

— Прости, что... — Исабелла была немного сбита с толку от данного тона, её радость слегка поблекла.

— Нет, ничего, — резко расслабилась Сара и снова улыбнулась. — Давай я теперь покажу тебе самое волшебное место в нашей школе!

Она открыла две большие двери перед ними, и Исабелла, недоверчиво приподняв брови, немного задумавшись, что, возможно, перегнула палку, пошла за Сарой. Они вошли в небольшой коридор с панорамными окнами по обе стороны стен. С левой стороны находился женский бассейн, а справа — мужской. Лестницы Вели вниз, но девушки остановились в коридоре, не собираясь спускаться.

— Итак, ты, возможно, заметила, что у нас огромный стадион на заднем дворе, так что к спорту у нас относятся серьёзно, — начала Сара, её голос звучал уверенно. — Слева женский бассейн, как видишь, а справа мужской. И предупреждаю на всякий случай... стекла не односторонние, — она немного приподняла брови, намекая на подобные случаи.

Исабелла почувствовала, как её щеки слегка покраснели от смущения. Она посмотрела на стекло, но не успела ничего сказать, как Сара продолжила:

— Лестницы ведут в оба бассейна и в спортзал с кучей всяких тренажёров. Там в основном орудуют атлеты, которые готовятся к соревнованиям от нашей школы, но ходить можно.

Сара облакатилась на стекло, чтобы было проще стоять, и Исабелла заметила, как её лицо стало более расслабленным.

— Итак, как я сказала, к спорту относятся серьёзно, и ты «обязана» выбрать секцию по физкультуре, и занятия будут проходить в подобных местах... также после ты будешь продолжать тренировки в Академии, когда закончишь школу разумеется.

— Секцию? — скривилась Исабелла, сложив руки на груди. — А это прям обязательно?

— Да, иначе будут проблемы, — ответила Сара, её голос звучал серьёзно. — Но не обязательно быть в каких-то командах, просто уроки будут своеобразные.

— Чё за секции? — спросила Исабелла, её любопытство росло.

— Плавание, пятиборье, футбол, баскетбол, теннис, бокс и ещё там что-то, короче, их достаточно, но эти самые основные, — перечисляла Сара, её голос звучал уверенно.

Исабелла округлила глаза, поражаясь такому количеству секций. Она подошла ближе к стеклу, прижавшись лицом к нему и внимательно рассматривая женский бассейн. Внутри она заметила девушку, которая плавала под водой с гантелями в руках. Исабелла замерла, поражённая тем, как эта девушка уверенно двигалась по дну, словно это было самым естественным делом на свете.

— Вау, она действительно так может? — произнесла Исабелла, не в силах отвести взгляд от девушки, которая продолжала выполнять свои упражнения.

Сара заметила, как Исабелла залипла на бассейн, и её взгляд сам собой переместился к знакомому силуэту под водой. Она приятно улыбнулась, вспомнив, как Амайя всегда уверенно справляется с любыми заданиями.

— Ах да, те, кто участвует в разных соревнованиях или типа того, — Сара закатила глаза и с улыбкой продолжила, — тем людям повезло с телом или характером, но только не Амайе. Она выше остальных.

Исабелла продолжала смотреть на бассейн, её мысли были заняты лишь тем, что происходило перед ней. Внезапно она повернулась к Саре:

— погоди, Амайя? Она тоже была в том пожаре?

— Да, — ответила Сара, её улыбка стала шире, когда она увидела, как Исабелла начала восхищаться. — Хочешь познакомиться?

В этот момент Амайя — изящная, невысокая девушка с спортивным телосложением, голубыми как небо глазами и длинными волосами с мягким блондом, бросила гантели на дно бассейна и выплыла на поверхность. Она сложила руки на краю бассейна, пытаясь отдышаться после интенсивной тренировки.

— Амайя! — окликнула её Сара.

Услышав знакомый голос, Амайя обернулась и увидела Сару. В этот миг она заметила, что с ней кто-то ещё.

— Привет, Сара, как дела? — поприветствовала Амайя подругу, её мокрые волосы свисали на плечи, а глаза блестели от воды.

— Амайя, знакомься, это Исабелла, она новенькая и... так сказать, наша фанатка, — произнесла Сара, слегка скривив лицо, чтобы только Амайя увидела это. На что та не удержалась и рассмеялась.

— Рада приветствовать в нашей школе! Надеюсь, тебе тут нравится, — обратилась Амайя к Исабелле с искренней улыбкой. — Выбрала уже направление класса и секции?

— О, мне очень здесь нравится, и ты! Ты! О боже! — не могла успокоиться Исабелла, её глаза светились от восторга.

— Да, о боже, — повторила Амайя с лёгкой иронией, не меняя улыбку на лице.

— Извини, пожалуйста! Пока ещё нет, секцию имею в виду, класс математический, думаю, выберу, — ответила Исабелла, смотря на Амайю с восхищением.

— Это будет сложно, но круто, — заметила Амайя, её взгляд переместился на Сару, которая стояла позади Исабеллы. Сара уже не скрывала эмоций и дразняще корчила лицо, не в обиду Исабелле, но тема с пожаром немного подбешивала всех.

— И... я не советую задерживаться. Ты же, наверное, только приехала, а значит, тебе надо к директору, через 10 минут будет звонок, а тебе, Сара, ещё идти на урок.

— Ой, точно! Совсем забыла, какая я тупая, — воскликнула Сара, её голос звучал с лёгким смущением. — Пойдём, Исабелла, я покажу, куда идти.

Исабелла тронулась за Сарой, всё ещё смотря на Амайю и крича ей в след:

— Рада познакомиться!

Амайя лишь улыбалась, глядя на такую картину. Ей искренне было весело видеть, как Исабелла так открыта и восторженно реагирует на новое окружение.

— Ой, а я-то как рада, — ответила Амайя, её голос был полон тепла и дружелюбия. Она быстро вытерлась, переделалась в сухую спортивную одежду и вышла в коридор школы. Внутри неё всё ещё теплилась радость от встречи с Исабеллой, но вскоре её внимание привлекло что-то другое.

В коридоре она заметила Скотта, который медленно шёл в её сторону. Его вид был не самым радостным, и это настораживало. Амайя сразу ощутила, как в груди у неё заволновалось предчувствие. Скотт всегда был энергичным и весёлым, но сейчас его лицо было нахмурено, а глаза полны тревоги.

— Скотт, всё в порядке? — спросила Амайя, подходя ближе. Она старалась говорить спокойно, хотя сама чувствовала, как волнение нарастает.

Скотт остановился, и его плечи слегка опустились, словно он несёт на себе тяжёлый груз.

— Эм, Амайя, — начал он, его голос был низким и серьёзным. — Ты не слышала, что произошло?

Амайя ощутила, как её сердце забилося быстрее. Она покачала головой, не зная, что ожидать.

— Нет, что случилось? — спросила она, стараясь сохранить спокойствие.

— Ходит слух, что Криса больше нет, его убили... — голос Скотта чуть задрожал. Эта новость обрушила на Амайю волну шока. Она задрожала всем телом, дыхание будто остановилось, и ни один звук не мог выйти из её горла.

К ней подошли Кейт, Эбби и Лидия — их лица выражали сочувствие и тревогу. Но именно Деймон, что стоял в сторонке, тут же, словно будто не замечая происходящего, взволнованно крикнул:

— Нет! Этой какой-то бред! Зачем кому-то его убивать?

— Вернее... Ты хочешь сказать, только они и были в его жизни. — сказала Кейт, спокойно сидевшая на кресле у окна.

Ашер, который всегда отличался своим острым языком и склонностью к сарказму, не удержался и скривился, произнеся:

— Наверное, Кристиана убила его же девушка за измену. Кто знает, может, даже его собственная тень ему отомстила.

Говоря эти слова, он не задумывался о том, что может задеть чувства окружающих, и единственное, что его интересовало — вызвать реакцию. Последствия его тоста были очевидны: многие обернулись на него с неодобрением. Некоторые даже нахмурились, явно раздражённые его грубостью, считая, что он уже переступил рамки приличий. Но Ашер, похоже, лишь улыбнулся про себя, довольный своей дерзостью, и даже такое отношение заметила Ребекка, мягко устроившись в его объятиях. Она, посмотрев на него с легким укором, сказала:

— Ашер, это уже слишком.

Он обернулся к ней, сурово взглянув, и его глаза говорили: 'Ты не понимаешь всего'. Ребекка чувствовала в этом взгляде что-то странное и устрашающее, поэтому быстро замолчала, понимая, что спорить — не в её интересах.

В этот момент к компании подошли Сара и Ксения. Сара, с явным выражением предвзятости в голосе и холодным взглядом, сказала:

— Всем привет, кроме Ашера.

Ашер, улыбаясь, ответил ей с вызовом:

— Что, Сара, снова решила меня игнорировать? — проворчал он.

Она же отвечала спокойно, не отворачивая взгляда:

—А? Никто не слышит этот визг странный? Похоже на дятла.

Ксения, чуть смутившаяся, посмотрела на Деймона с тревогой. В этот момент Деймон, заметив ее, начал нервно жестикулировать, тяжело вздыхая. Её мгновенное восприятие было, будто она чувствует внутреннюю борьбу, ведь ей, как никому другому, было очевидно: сейчас не до Деймона. Она ощущала его напряжение, и ей было страшно — бояться не его, а то, на что он способен. Она подошла к Амайе — самой тихой в этот момент.

— Что с тобой? — спросила Ксения осторожно.

Амайя дернулась, задумчиво посмотрела в окно и тихо ответила:

— Всё хорошо, просто это ненормально.

Амайя задумчиво посмотрела в окно, словно пытаясь понять что-то важное для себя. Её внутренний голос говорил, что это не просто страх, а что-то ещё — та тревога, что переполняла её душу, шла из глубины и казалась бесконечной.

Ксения недоумённо посмотрела на неё. Амайя была человеком энергичным, умным, расчётливым и уверенным в себе, и чтобы ситуация с Кристианом так на неё повлияла — с человеком, которого она толком не знала — это казалось странным.

Ксения хотела продолжить разговор, но Сара мягко, но твёрдо отвела её в сторону:

— Я сама, всё норм, — сказала она, словно пытаюсь убедить и себя, и Ксения одновременно. В воздухе поселился мрачный тост, напряжённый, тревожный и наполненный неясной опаской, пока тени прошлого и настоящего переплетались, образуя клубок вопросов и подозрений.

Лишь при виде взгляда Ашера, сверкающего в тени, словно в ожидающем предчувствии, реакция Ребекки стала ещё более странной — словно что-то уцепилось за её сознание, и она не знала, чему именно.

Мейсон подошёл к группе, его спокойно приветливое лицо сразу вызывало ощущение, что он всегда в хорошем настроении и настроен дружелюбно. Он махнул рукой всем, кого он узнал за сегодняшний день, с лёгкой теплотой в глазах. Когда он увидел Эбби, она взглянула на него с лёгкой искрой интереса и спросила, не без тени надежды в голосе:

— Мейси, мой брат не пришёл?

Мейсон лишь тихо вздохнул и покачал головой, на лице играла небольшая улыбка, которая больше напоминала уклончивую, чем искреннюю. Он ответил мягко, но его голос звучал чуть по-другому, как будто скрывал внутри какую-то неопределённость:

— Нет, я его не видел. Вы разве не живете в одном доме? — Он добавил это с лёгкой иронией, словно иронизируя над самим собой.

В этот момент подоспел Ашер, услышав разговор, и вставил с ехидной ухмылкой:

— Ну, если он такая же «звезда», как и ты, то, наверное, лучше, что вы не пересекаетесь. — он сказал остроливо, бросив взгляд на Эбби и держа руки в карманах. Его голос звучал легко, чтобы скрыть свои собственные мысли и чувства, но внутри он сдерживал раздражение и зависть.

Эбби заметила, как её напряжённость возросла, и чувство злости зашквырнуло внутри. Она мгновенно напряглась и ответила холодным тоном, словно отвечая на обвинение:

— Ашер, хватит вымещать свой комплекс неполноценности на других. Если тебе так срочно нужен братик или сестра, обратись к родителям — они ведь уже сделали одну ошибку природы в виде тебя.

Она резко отвернулась и, не желая продолжать обидные споры, быстро ушла с площадки, оставляя свою обиду и разочарование в воздухе.

После её ухода группа начала постепенно расходиться. Ашер, чуть посмеиваясь, ушёл вместе со Скоттом, тихо обсуждая что-то друг с другом, не обращая внимания на окружающих. Ксения и Кейт удвоили шаги и двинулись в другую сторону, чтобы не мешать своим друзьям. А Деймон решил оставить компанию и не присоединяться к другим, чтобы найти свой собственный момент.

Он остановился, чтобы подойти к Лидии, погружённую в свои мысли, на лице заметное отражение внутренней тревоги. Он подошёл аккуратно, боясь растерять её ещё больше, и тихо сказал:

— Лид... я хотел извиниться за то, что случилось вчера. Я... я не хотел, чтобы всё так вышло.

Её взгляд сначала был отстранён, она не сразу подняла глаза, будто гармония её мыслей нарушилась. Внутри у неё было столько чувств: и боль, и чувство предательства, и откровенное отвращение к произошедшему. Но внутри она понимала, что есть что-то ещё, — тот самый сон, который всё ещё не отпускал её из памяти. Её глаза закрылись на мгновение, и она попыталась сосредоточиться на словах Деймона, хотя сердце её билось быстрее обычного.

Деймон, всегда сохранявший поверхностное и немного холодное поведение, хотел казаться спокойным и уверенным. Он хотел произвести впечатление уверенного человека, который не позволяет себе показывать слабости и не страдает эмоционально — даже когда

внутри всё сотрясало. Поэтому его извинения звучали скорее формально, деликатно, как часть его имиджа, а не глубокой искренности.

Когда он сказал это, Лидия всё ещё оставалась погружённой в свои мысли, но в её взгляде начали появляться искры — она устала от всё-таки болезненного воспоминания о вчерашнем. Внезапно она заметила, как он тихо приблизился и взял её за руку, будто пытаясь остановить её уход. И тут в её сознании возникла яркая картина — та самая мгновенность, когда Деймон тащил её в ту же самую комнату, и её сердце сжалось, словно сердце вновь догоняло ужасный страх.

Она резко вырвала руку из его захвата, её глаза засияли проявлением решимости, и голос прозвучал холодно, с сильной ноткой напряжения:

— Деймон, в первый и последний раз говорю! Иди нахуй и держись подальше от меня!

Это были слова, полные боли и ярости, — она не могла больше терпеть, не могла забыть вчерашний сон и все чувства, которые за ним стояли. Внутри у неё всё ещё бушевала тревога, неуверенность и отвращение. Но теперь, когда она отвернулась и ушла, внутри зазвучала новая осознанность: она больше не желает терпеть такое отношение, она должна бороться за свои чувства и свою свободу.

Когда Кейт и Ксения уже уходили, Сара заметила, как Амайа медленно отделилась от компании и направилась прочь одна, будто пытаясь ускользнуть от чужих взглядов и вопросов. Её шаги были тихими и неуверенными, плечи слегка согнуты, а взгляд — потускневший и задумчивый. Сара остановилась, наблюдая за ней с растущим беспокойством и тяжестью в сердце. Она знала, почему Амайа так переживает. Эта тема — та, что скрывалась в глубине души девушки, была болезненной и давно не поднималась в разговорах. Сара понимала, что уже два года прошло с тех пор, как Амайа пыталась справиться с этим сама, надеясь, что однажды откроется, но этого так и не случилось.

Джейс подъехал к школе, чувствуя на душе тяжесть от привычной ответственности за опоздание. В этот утренний час он казался немного усталым, отражая внутреннее состояние — смесь вины и спокойного принятия ситуации. Выйдя из машины, его взгляд невольно остановился на охраннике — Бретте Питерсе — добродушном человеке с приветливой улыбкой, который почему-то для Джейса символизировал стабильность и поддержку, пусть и в форме простого приветствия. Этот момент со знакомыми лицами создавал ощущение, что несмотря на собственные сложности, он всегда окружён услышанными в душе добрыми жестами.

На противоположной стороне парковки стояла Эбби — младшая сестра, чья внешняя мимика и жесты говорили о её характере. Её фирменное недовольство выражалось в фирменном надувании губ, словно она хотела сказать: «Опять ты...» Её статус как младшей сестры, которая сама нередко берёт роль старшей, давал её реакции оттенок заботы, иногда с легкой долей раздражения, но всегда наполненной любовью. Как и любой человек в близких отношениях, они обменивались игрой слов, отношениями, где границы между заботой и шуткой были размыты. Эбби чувствовала необходимость контролировать ситуацию, чтобы Джейс не потерялся в этом быстротечном мире, что делало их связь особенной и одновременно сложной.

— Ну всё, приехали, — пробурчала она, подойдя ближе. — Опять проспал? Неужели у тебя будильник сломался или ты просто решил, что школа — это необязательный пункт в твоём расписании?

— Эбби, да брось, — пожал плечами он, стараясь выглядеть невозмутимо, — я же не робот, в отличие от тебя у меня и работа еще есть.

— О, да, работа, — с ехидцей переспросила она. — Ты уже столько пропустил, что скоро аттестат будешь получать заочно. Или собираешься всю жизнь работать, а учёбу забросить?

— Может, и заброшу, — усмехнулся Джейс, — зато у меня есть реальные деньги, а не иллюзия контроля.

— Реальные деньги? — Эбби хмыкнула. — Ну-ну, только не забудь, что без нормального образования ты скоро будешь работать на кассе в супермаркете, а я буду начальницей отдела.

— Слушай, начальница, — Джейс сделал театральный вздох, — хватит уже меня пилить. Лучше скажи, где мой пропуск, а то я, как всегда, без него.

— Пропуск? — Эбби покачала головой. — Тебе бы дай бог хотя бы прийти.

— Ладно, ладно, — Джейс улыбнулся, — ты права, как всегда. Просто не надо меня так встречать, я и так виноват.

— Виноват? — она прищурилась. — Ты вообще умеешь не быть виноватым, или это талант семейный?

— Талант, — согласился он с усмешкой. — А ты — талант контролировать всех вокруг, включая меня.

Эбби рассмеялась, и её суровое выражение смягчилось.

— Ладно, иди уже, тупица, — сказала она, толкая его в сторону двери. — Пока не начался урок, успеешь хоть что-то сделать.

— Спасибо, «старшая» сестра, — Джейс подмигнул

Как только Джейс и Эбби шли по длинному, чуть померкшему коридору, к ним с другой стороны аккуратно и быстро приблизился Мейсон — с лёгкой небритостью, и в глазах его всегда таилась тень усталости, словно он устал от всего на свете, но внутри таилась искра, которая могла зажечь даже самое безэмоциональное сердце. Его лицо было чуть спокойнее привычной ленивой ухмылки, и в его взгляде читалось что-то большее, чем просто безразличие — он скрывал искреннюю заботу и внутренний конфликт, о которых мало кто догадывался.

— Эй, бро, — позвал Мейсон, хлопая его по плечу, как бы делая ему небольшую подсказку, — пошли, тебя на пару забирают.

Джейс закатил глаза, — Просил же меня так не называть. — Он вздохнул, словно он уже знал, что его ждет, и его усталый взгляд на мгновение заиграл иронией. Он не стал возражать, привычно снижая волну раздражения или недовольства, и вместе с Мейсоном они направились к школьному корпусу, словно бы эти минуты — часть их обычной рутины. Эбби, смотревшая в сторону Ксении и Кейт, перехватила их взгляд, и, расхопившись по своим аудиториям, Джейс и Эбби подмигнули друг другу холодными, чуть загадочными взглядами — привычный их жест прощания.

Когда входили в класс, Мейсон сразу занял место у окна, бросив рюкзак на пол так, будто бы как-то сбросил с себя тяжесть, и начал тихо рассказывать Джейсу про домашку.

— Наш препод — он просто помешан на дз, — бормотал Мейсон, не глядя на друга, с усмешкой, которая могла означать и грубое сочувствие, и лёгкую иронию. — Реально он просто псих, если ты что-то пропустил, сразу ловит, не даёт ни шанса — и готов прикончить.

Сзади в классе расположились Ксения и Сара за партой, их разговоры наполняли пространство лёгким шёпотом. Ксения, с её длинными светлыми волосами, распущенными по плечам, казалась сосредоточенной на своих записях, но её внимание всё равно время от времени ускользало к окружающим. Сара, с весёлой улыбкой на лице, пыталась развеселить подругу, рассказывая очередную забавную историю из своей жизни.

Внезапно Мейсон, сидящий впереди, обернулся и, наклонившись, передал Ксении какой-то листок. Его выражение лица было игривым, и в глазах читалось озорство.

— Вот, — произнёс он, подмигнув. — Это тебе.

Ксю, взяв листок, с неохотой развернула его. На бумаге были написаны несколько строк, и, прочитав их, она натянуто улыбнулась. В её глазах мелькнуло недовольство, но она не смогла удержаться от смеха. Слегка покачав головой, она показала фак Мейсону, который, не ожидая такого поворота, только развёл руками, пытаясь выглядеть невиновным.

Их перепалку прервал приход учителя. Дверь класса распахнулась, и в помещение вошёл высокий мужчина с очками на носу и строгим выражением лица. Его появление сразу же при-

влекло внимание всех учеников, и класс наполнился шёпотом и шуршанием, когда студенты занимали свои места.

— Доброе утро, класс, — произнёс Пол Росси, его голос звучал уверенно и властно. — Сегодня у нас много материала для обсуждения, так что, пожалуйста, будьте внимательны.

Пол Росси — учитель математики, мужчина средних лет с доброй улыбкой и живыми, чуть искрящимися глазами. Услышав о домашнем задании, он улыбнулся и протянул руку. Его внимание привлекло присутствие и отстранение Джейса на уроке — парень даже не смотрел на преподавателя и смотрел в окно.

— Здравствуй, Джейс, — говорил он тепло и искренне. — Рад видеть тебя на уроке.

Джейс немного смутился — его глаза заиграли хитро, когда он пожал руку, будто немного удивляясь этому публичному вниманию.

— Здравствуйте, мистер Росси, — ответил он с чуть тягучим, но милым и уважительным тоном.

Обратив внимание на Мейсона, учитель улыбнулся чуть шире и сказал с лёгким сарказмом, глядя на его ленивую натуру:

— И тебе привет, мой любящий сын, спасибо за любезные слова в мой адрес.

Мейсон, зная этот приём, старался избежать неловкой ситуации и быстро ответил, стараясь замаскировать смущение:

— Пап, ну договорились же не в школе — постоянно говорю одно и то же.

Росси внимательно посмотрел на них, чуть усмехнулся и повернулся к доске.

— Ну что, Джейс, расскажи мне о том, что ты сделал по домашнему заданию, — спросил он, улыбаясь, словно хотел услышать не только правильный ответ, но и показать, что для него важно не только знать результат, а видеть, насколько ученик говорит с уверенностью. — Чего добился?

Джейс немного задумался, собирая мысли, и начал:

— Я разобрал кейс из уголовного права: необходимо было определить меру наказания за причинение вреда средней тяжести при смягчающих обстоятельствах. Я опирался на статью 112 УК РФ и учёл, что подсудимая ранее не судима, полностью признала вину и активно способствовала раскрытию преступления. Исходя из этого, я пришёл к выводу, что оптимальное наказание — два года лишения свободы условно.

Ксения, сидя рядом, не удержалась и перебила: — Но ты забыл учесть отягчающие факторы! Если потерпевшая — несовершеннолетняя, а вред был причинён в состоянии алкогольного опьянения, то нужно применять более строгую квалификацию. Ты должен был ориентироваться на часть 2 той же статьи, тогда срок был бы выше.

Джейс, не теряя уверенности, ответил: — Я это учёл, Ксю, но я решил сделать акцент именно на смягчающих обстоятельствах, так как в условии подчёркивалось, что подсудимая раскаялась и возместила ущерб. В данном случае у меня всё равно вышло логично: два года — это справедливый баланс между наказанием и исправлением.

Ксения нахмурилась, но продолжала настаивать: — Но ты мог бы прийти к решению быстрее, если бы просто применил принцип неотвратимости наказания. Если не было важно, что она первая пошла на контакт, то в таком случае ты должен был ориентироваться на максимальную планку — четыре года, чтобы предупредить подобные случаи в будущем.

Пол Росси, заметив их обсуждение, вмешался: — Стоп, стоп! — произнёс он, поднимая руку. — Джейс, ты действительно подошёл к задаче с гуманистической позиции, которую многие упускают, и твой вывод абсолютно верный с точки зрения индивидуализации наказания.

Он повернулся к доске и записал ключевые принципы: — Как вы видите, у нас есть два подхода: реабилитационный, который использовал Джейс, и превентивный, который предложила Ксения. Оба ответа верные: два года — если делать ставку на исправление, и четыре года

— если приоритетом является общественная безопасность и предупреждение рецидивов. Всё зависит от того, какую цель наказания вы ставите во главу угла.

Ксения, хоть и немного смущённая, кивнула, признавая, что Джейс действительно прав. Она всегда была подготовлена и умна, один из лучших учеников школы, и знала, что иногда нестандартные методы могут привести к правильному результату.

— Отлично, Джейс, — похвалил его Росси. — И, Ксения, ты тоже сделала всё правильно, используя классические методы. Это показывает, что у вас обоих есть свои сильные стороны.

Джейс, улыбаясь, посмотрел на Ксения, и они обменялись взглядами, полными уважения к самим себе.

— Спасибо, мистер Росси, — произнёс Джейс, его голос звучал уверенно, и он почувствовал, как его уверенность укрепилась.

— Не за что, ребята! Главное — это умение мыслить и находить разные пути решения задач, — завершил учитель, и класс продолжил урок, наполняясь атмосферой дружелюбия и взаимного уважения.

Во время урока Лидия внезапно почувствовала острое желание сходить в туалет. Вставая со своего места, она двигалась тихо и осторожно, стараясь не привлечь внимания одноклассников. Коридор оказался пустым, созвучным тихому гулу уроков и спокойствию школьных стен. Лидия прошла по нему, её глаза внимательно искали знакомые окна — именно там могла скрываться Мейсон. Она заглянула внутрь и застала момент, как Джейс оживлённо что-то рассказывал отцу Мейсона. Но Лидию это почти не интересовало — её взгляд задержался на Мейсоне — его фигура была распушенной, расслабленной, с привычной тенью ленивой улыбки. Он сидел расслабленно, с привычной ленивой ухмылкой, но в глазах читалась какая-то скрытая глубина. Взгляд его глаз скрывал что-то — какую-то внутреннюю глубину или тяжёлое состояние, о котором она, возможно, раньше не задумывалась. Эта мысль заинтересовала её, и она некоторое время наблюдала за ним, но вскоре отвлеклась и решила продолжить путь.

Датчиком интуиции Лидия вошла в туалет, где сразу увидела Ребекку. Девушка стояла у раковины, уткнувшись лицом в зеркало, словно бы искала в себе силы спастись от слёз. Глаза её были красными и заплаканными, а выражение — выражение отчаяния и уязвимости. Она быстро пыталась вытереть слёзы руками, словно боялась, что кто-то вовне заметит её слабость и позволит себе её увидеть. Лидия осторожно произнесла:

— Ребекка? Ты в порядке? Что случилось?

Ребекка резко повернулась, её лицо засияло яростью и холодным раздражением, словно она не ожидала увидеть её здесь, в этот момент, и не желала делить свои переживания с кем-то другим.

— Не лезь в мои дела, — прохрипела она с нажимом, — Тебе это не интересно, и ты не должна в это вмешиваться!

Лидия почувствовала, что должна проявить терпение, и немного сделала шаг вперёд, чтобы лучше понять ситуацию.

— Я просто хочу помочь.

Но Ребекка, словно не желая делиться чем-то, резко отшатнулась и в голосе зазвучали резкие нотки вызова:

— Отвали! Я сама разберусь, кому говорить, а кому — нет. Не вмешивайся в мои дела!

Закончив, она накинула кофту на плечи, и Лидия невольно заметила, что на её плече было тёмное пятно — кто-то мог бы предположить, что это кровь или синяк. Однако, в спешке или тем более за секунду, она так и не успела рассмотреть это в деталях. Ребекка быстро вышла из туалета, оставив Лидию стоять в одиночестве — с мыслями и волнением. Лидия осталась одна, глубоко вздохнула и почувствовала внутри себя решимость. Она поняла, что Ребекка не просто замкнута или злой человек, а, скорее, несёт в себе что-то очень тяжёлое — воз-

можно, скрывает боль или страх. Несмотря на грубость, на резкий выпад и отстранённость своей подруги, она чувствовала, что должна помочь ей разобраться, что происходит и как ей можно поддержать.

Во время урока Амайя сидела за партой, но всё её внимание было отвлечено от школьной темы. Когда учительница Дана Гилиз — преподаватель истории, женщина около 50 лет с суровым и непреклонным лицом. Она всегда держит дистанцию с учениками и не проявляет особой теплоты или понимание, не любит детей и редко скрывает своё недоброжелательное отношение к ним, считая, что дисциплина и жёсткий контроль — единственный способ добиться порядка и результатов в классе. Дана начала объяснять новый материал, она пыталась сосредоточиться, вникнуть в смысл услышанного, но слова казались расплывчатыми и исчезали у неё в голове. Внутри неё тревожное ощущение сжимало сердце: новость о пропаже Кристиана не давала ей покоя ни на мгновение. Казалось, что весь окружающий мир остановился, а сам урок превратился в пустой фон, чуждый и неважный.

Она украдкой доставала телефон, чтобы просмотреть новости и попытаться найти хоть какую-то информацию о случившемся. Каждое сообщение давало ей дополнительное напряжение, усиливая тревогу и ускоряя сердцебиение. Казалось, что время будто застыло, а она оказалась между двумя противоречивыми чувствами: с одной стороны — желание понять, что же произошло, а с другой — неспособность отвлечься и избавиться от навязчивых мыслей.

В этот момент Мэри Гилиз заметила, что Амайя держит телефон в руках.

— Знаешь, что бывает с детьми, которые не учатся? — строго сказала учительница, подходя ближе. — Потом они работают на заводе или на улице.

Амайя сжала губы, едва заметно улыбнулась и ответила дерзко:

— Получают они все равно больше вас.

В классе воцарилась тишина. Мэри Гилиз нахмурилась, ощутив неожиданное высокомерие.

— Что?! — недовольно прогрохотала она. — Немедленно иди к директору, хамка!

Амайю вывели из класса. В кабинете директора царил мрачная атмосфера. На неё обрушились строгие замечания за поведение, нарушившее правила дисциплины. Её отстранили от занятий на сегодняшний день, объяснив, что ей нужно пересмотреть своё отношение к учебе и дисциплине.

Выйдя из кабинета, Амайя почувствовала груз на душе. Внутри бушевали противоречивые эмоции — злость, обида, тревога и ощущение беспомощности. Она не могла избавиться от навязчивой мысли о пропаже Кристиана. Почему именно это событие так сильно затронуло её сердце? Почему она чувствовала столь сильную ответственность за то, что произошло?

Она достала телефон и позвонила Лукасу.

— Нам нужно увидеться, — тихо сказала она, стараясь скрыть трепет в голосе. Позже, взяв себя в руки, Амайя направилась к дому Уокеров.

Лукас долго не мог понять, зачем они вообще сюда отправились. Ветер беспорядочно разметал его волнистые темно-русые волосы, открывая взгляд усталых серовато-голубых глаз. Он поправил лямку рюкзака на широком плече, чувствуя, как напрягаются мышцы под одеждой — он был неплохо сложен. И не видел смысла в этом походе, ощущая лишь тяжёлое чувство неопределённости и ненужной опасности.

Амайя, как обычно, не говорила прямо. Она искала оправдания, стараясь увильнуть от честного объяснения, потому что она прекрасно понимала, что правда может ему не понравиться. Впрочем, она знала — эта затея рискованная и, скорее всего, бесполезная. Но отказываться не могла.

— Здесь слишком много охраны, — тихо сказал Лукас, заметив её движение. Он оглянулся, по его лицу было видно, что он не понимал, зачем они сюда идут. При этом Амайя всё

время вертелась на месте, внимательно осматриваясь вокруг, будто что-то искала, но не могла сосредоточиться на одном предмете. — Никак не подступиться, даже к воротам. Лучше бы уйти, пока всё не стало ещё хуже.

Амайа ответила коротко, чуть улыбнувшись, но взгляд не отпускал дома:

— Прикрой меня.

Она тихо прошептала это, чуть приподняв брови, и быстро решила переступить через ограду, делая шаги аккуратно и быстро, словно боялась, что кто-то увидит её. Перед тем как взяться за неё, она поцеловала Лукаса в щёку, словно пытаясь передать: «Не злись на меня, всё будет хорошо». Потом она не стала ждать, быстро перебежала через преграду, её глаза — полные скрытой решимости — смотрели прямо вперёд, как будто зная, что опасность всё же есть, но не собираясь уступить ей.

Амайа осторожно касалась стен ладонью, прислушиваясь к шуму в доме. Каждое шуршание, каждое эхо её шагов было слишком громким, словно сама тишина затаилась и ждала, чтобы взорваться. В кухне всё было аккуратно — посуда стояла на тех же местах, окна закрыты, посуда без пыли, будто здесь никто не жил долгое время. В спальне — кровать тщательно заправлена, даже постель казалась свежей, что казалось странным, учитывая общее ощущение запустения и заброшенности. В шкафу — порядок, словно никто туда не заглядывал в последние дни. В ванной — сухо и опрятно, без следов предыдущей жизни или борьбы.

Медленно, почти неосновательно, Амайа шагала по коридору дома Уокеров. Её глаза бегло осматривали каждый уголок — тихий ужас своей кажущейся пустотой и холодом пропитывал всё вокруг. Стены были покрыты потускневшей поблёскивающей краской, а среди мебели в гостиной лежали давно забытые книги, стопки пожелтевших страниц, словно кто-то недавно сюда заглядывал, переверачивая страницы. Всё казалось странным, будто время тут застыло, и кто-то, кто был раньше хозяином жизни, вдруг ушёл, оставив всё как есть.

Амайа шла дальше, всё время поворачиваясь и оглядываясь через плечо. Её нервное движение выдавалось — она боялась, что что-то или кто-то может внезапно появиться из тени. Её движения были нервными, как у пойманной в ловушку птицы: она всё больше крутилась, задерживалась в каждом уголке.

Многочисленные ограждения, казалось, создавали лабиринт, будто хозяин пытался скрыться от глаз. И ни одного признака того, что кто-то недавно сюда проник — ни разбитых стекол, ни выломанных дверей, никаких следов взлома. Всё было идеально целым, словно дом был закрыт на замок или, что более вероятно, похититель прошёл внутри незамеченным, не оставив ни мотка пыли, ни царапинки. Или же — подумала Амайа — тут что-то не так. Возможно, Кристиан — придурок, и он просто забыл запереть дверь. Но больше она верила в другое: кто-то был тут не так давно, и он был внутри этого дома, давно или недавно.

Сам вайб дома — нечто странное и очень отбивающее всякое желание находиться тут. Внутри ощущался какой-то сильный отторгающий, тёмный — невежественный — настрой: каждая комната словно прятала свою тень, стены будто шептали что-то непонятное и опасное. На первый взгляд здесь почти не было следов взлома — всё было слишком аккуратно. Не было разбитых окон или дверей — будто дом сам был внутри, ожидая кого-то. Или, как думала Амайа, похититель тут уже побывал, несмотря на полное отсутствие признаков борьбы.

Самое странное, по её мнению, — то, что всё было так стерильно и тихо. К тому же, глубоко внутри неё росло ощущение, что в этом доме что-то скрывается, что он способен затаить что-то тёмное и очень необъяснимое. Амайа чувствовала, что эта игра опаснее, чем кажется на первый взгляд. И то, что внутри всё ещё было в порядке без следов взлома, ни о чём не говорило — скорее, о наличии незаметных следов прошедших событий, о которых никто не хотел говорить.

Амайа медленно, напряжённо ступала по мрачному коридору второго этажа. Её сердце стучало в груди всё громче и громче, каждая тень казалась зловещей и живой. В самый непод-

ходящий момент в конце коридора донеслись тихие, почти шепчущие шаги — будто кто-то буквально крался к ней. За ними последовал приглушённый шёпот, от которого по спине пробегал холод. Внутри все сжималось от страха: а вдруг это убийца? Вдруг именно он скрывался за темными стенами, ожидая, когда она прибежит прямо к нему? Тревога становилась невыносимой, атмосфера сгущалась, наполняясь мраком и опасностью.

Это было настолько жутко, что казалось, даже воздух в коридоре сгустился, а тени вытягивались, чтобы поглотить её. Каждая секунда казалась вечностью, когда внезапно к концу коридора вышел человек в форме. Неожиданно напрашивающаяся облегчение сменялась новым уровнем страха — ведь этот полицейский выглядел так же сурово и грозно, как самый опасный преступник. Его строгий взгляд и холодное лицо полностью разрушили иллюзию безопасности.

— Стойте! — рявкнул он суровым голосом, резко прервав её мысли. — Вы здесь без разрешения. Это место — место преступления. Немедленно покиньте территорию!

Амайя затрепетала, сердце забило в ещё большей тревоге. Страх охватил её полностью, тело словно сковано. Полицейский шагнул вперёд, не сводя с неё пристального взгляда, готовый применить силу. Вся музыка напряжения достигла своей кульминации. Она тяжело вздохнула, с дрожью в голосе и без вариантов: покорилась, опустила голову и пошла за ним — ведь другого выхода не было.

После того как полиция увезла Амайю домой, в их маленьком дворе воцарилась мертвая тишина, словно вся жизнь вышла из их дома, оставив лишь тень тревоги и непонимания. Младший полицейский Майк Бринстон, подчинённый её отцу, Тайлеру, проявил к Амайе полную строгость. Его голос был мягким и спокойным, когда он объяснял причины задержания, — не потому, что он был слабым или нерешительным, а потому, что он понимал, насколько непростая ситуация сейчас, как никак он поймал дочь своего начальника. При Амайе он вел себя строго и жёстко, выполняя свои обязанности без компромиссов, но стоило появиться отцу девушки, как Майк сразу заметно смягчился, становился нервным и неуверенным в ответах, словно боясь допустить ошибку перед начальником. Тайлер, слушая этого человека, кивнул в знак одобрения и мягко попросил его удалиться, словно чтобы дать себе немного времени, чтобы оправиться от случившегося.

Когда дверь за офицером растворилась в тишине, отец повернулся к дочери с проникновенным и строгим взглядом. Его лицо было сосредоточенным, а голос — низким и твердым.

Он холодно и честно спросил — Амайя, ты понимаешь, что натворила? — его слова звучали не как обвинение, а как тревожное напоминание. Он напомнил ей о двух статьях закона, которые могли бы стать её судьбоносным исходом, — и его серьезность говорила о том, что он знает, как важно для нее понять всю глубину ситуации. Тайлер шагнул ближе, сохраняя строгость, его глаза горели внутренним огнем ответственности. Он был человеком, который чувствует свою задачу — не только защищать своих близких, но и воспитывать их, зачастую жестко, чтобы не дать ошибкам повториться.

Мелинда, мать Амайи, стояла рядом и говорила мягко, но с тревогой, которая ярко светила в её глазах. Её голос был теплым, старающимся поддержать дочь в трудную минуту — она хотела донести до неё, что вся ее тревога исходила из глубокой заботы.

— Пойми, мы просто переживаем за тебя, — произнесла она тихо, словно боясь увеличить напряжение.

Амайя, слушая мать, ощущала, как внутри у неё всё сжимается от непонимания и обиды — как будто все слова, которые ей хотелось бы высказать, застревают у неё в горле. Она чувствовала себя будто изолированной в этом страшном внутреннем пространстве недоразумения и бессилия.

— Вы даже не позволяете мне сказать! — её голос дрожал, но в нем звучало отчаяние и раздражение. — Я пыталась понять, что происходит! Вы же мне ничего не рассказываете о

Кристиане! А вы только кричите и обвиняете меня! — её слова проникли в обстановку как холодный укол. Внутри она ощущала, как её сердце наполняется гневом и разочарованием, потому что чувствовала себя невниманной и непонятой.

Отец, спокойно, но с твердостью, ответил ей — Мы делаем всё, что в наших силах, чтобы найти его. — Эти слова были как утешение, может быть, не прямо, но всё же, в их уверенности ощущалась искренняя забота.

Амайя, с иронией и немного ехидно, пробормотала про себя — По вам видно, как вы стараетесь, — её внутренний диалог был горьким, и эта заметка скрывала её желание понять и принять их усилия, хоть и с трудом.

В ответ, Тайлер, казалось, взорвался яростью — Все, что мы делаем — это ради твоего блага! А теперь — марш в комнату! — его голос был громким, его руки сжаты, а глаза горели энтузиазмом и разочарованием в том, что он не может объяснить всё лучше.

— Тогда перестаньте думать, что знаете всё лучше меня! — в конце концов, в ярости и обиде, Амайя повернулась и ушла в свою комнату, хлопнув дверью громко и резко.

Вскоре к ней пришла её тётя Бри — девушка, которая всегда была для Амайи не только родственником, но и духовным наставником. Её появление стало источником тепла и спокойствия среди этого штормового эмоционального настроения. Бри внимательно слушала юную девушку и сказала тихо и мягко, словно прислушиваясь к сердцу

— Я понимаю, ты была знакома с пропавшим мальчиком. — Её голос звучал словно тихий шепот, который пытался донести важное послание.

Амайя опустила глаза, чувствуя, как тяжесть ответственности и страха накрывает её полностью.

— Тебе не обязательно мне ничего рассказывать, если не хочешь, — с пониманием произнесла тётя и мягко улыбнулась, показывая свою искреннюю заботу. Затем, нежно положив руку на плечо племянницы, она сказала — Не бойся. Страх — это нормально. И тебе, и твоим родителям сейчас страшно. Они переживают, потому что любят тебя. — Эта простая, но искренняя фраза помогла Амайе почувствовать тепло и поддержку, впервые за долгое время она ощутила, что не одна, что рядом есть кто-то, кто её понимает.

В зале с бассейном царил напряжённая тишина, нарушаемая только редкими глухими звуками воды, когда старшеклассники делали разминку и изучали упражнения в воде. Особенно выделялся Деймон — капитан команды, помощник тренера, обладатель статуса претендента на звание лучшего пловца команды. Высокий, сильный, гибкий — он был в блестящей форме, каждое его движение демонстрировало мускулистость и тренировку, словно произведение искусства.

Деймон славился своим дерзким стилем и умением играть словами, а его искры азарта иногда буквально заигрывали в глазах, когда он сталкивался с кем-то, кто ему был интересен. Во время перерыва парни пересекались с девушками, и Деймон не упускал возможность, он подходил к Ксю как бы невзначай, будто грациозно скользя по мокрому полу, и останавливался рядом, не отводя взгляда. Его голос был полон холодной уверенности и легкой дерзости:

— Ты сегодня особенно сосредоточена. Думаешь, я не замечаю? — произнёс он, его голос был глубоким, как будто знал он что-то большее, чем говорит, и эта игра слов делала его ещё более заманчивым.

Ксю всячески старалась держаться как можно дальше от Деймона — её сердце было переполнено смесью разочарования, обиды и усталости. После того, что произошло, она воспринимала его слова и жесты с холодом и дистанцией, понимая, что вся эта игра лишь держит её в состоянии постоянного напряжения. После случившегося с Лидией ей было трудно даже смотреть на него.

Деймон, в свою очередь, искренне хотел извиниться перед Лидией и думал, что Ксения сможет повлиять на нее и осознал, что его поведение на людях — зачастую маска, под которой скрывается нечто иное. В компании он мастерски менял стиль общения, превращая всё в деловую или флиртливую игру. Такой стиль помогал ему казаться уверенным.

Позже, во время упражнения на дыхание, он сделал вид, что случайно задел её руку. Он тихо произнёс:

— Извини, если я слишком навязчив. Я хотел поговорить насчет Лидии. — его голос был тих и мягок, но внутри мерцала искра азартной игры, словно он жаждал продолжения.

Ксения ощущала, что его слова — не просто извинение, а часть сложной игры, в которой понять, искренен ли он, невозможно. А она сама — словно на грани, и эти двусмысленные жесты только подогревают внутри желание понять, где же правда, но эмоции брали свое и ей было все равно на него.

К исходу перерыва за этим всем наблюдал Джейс — непосредственный свидетель этого напряжения. Его взгляд был острым, проникновенным, он не мог оставаться равнодушным. Тренер ушёл за пятнадцать минут до конца, оставив Деймона самому продолжать тренировку. Тогда Джейс расправил плечи, подошёл к нему со своей улыбкой, где одновременно угадывалась и насмешка, и вызов.

— Ты, кажется, забыл, что помощник тренера — это не только статус подкатывать к девочкам из другой команды, но и твоя прямая обязанность не быть бесполезным? — резко произнёс он.

Деймон повернулся к нему медленно, словно обнажая себя. Его глаза сверкали, будто в них заигрывала искра провокации. Он смотрел прямо в глаза Джейсу, и в его взгляде сквозила неотразимая внутренняя энергия, уверенность в себе и некое ощущение превосходства.

— Бесполезным? — улыбнулся он, усмехнувшись. — Так ты называешь расслабление? Ты, наверное, забыл, что я в идеальной форме, как и ты. Мне кажется, ты просто боишься, что я отберу у тебя внимание. И, честно говоря, мне это нравится.

Джейс сделал шаг вперёд, их лица оказались на расстоянии вытянутой руки.

— Внимание? — тихо, но с явной горечью произнёс Джейс. — Ты всегда умел играть, Деймон. Но играешь слишком близко к огню.

Их лица оказались всего в нескольких сантиметрах друг от друга, напряжение витало в воздухе — настолько густом, что его можно было разрезать ножом. Атмосфера напоминала игру на грани, где оба понимали, что между ними есть что-то неуловимое, словно скрытая искра, готовая разгореться в любой момент.

Деймон медленно наклонился вперёд, его голос стал мягче, но в нём ощущалась искра азарта и вызова:

— Говоришь слишком близко? А мне нравится, когда кто-то не боится подойти так близко. Ты ведь не просто так здесь стоишь, правда?

Джейс медленно опустил взгляд, его лицо было непроницаемым, словно маска высокомерия и холодной уверенности. Он знал, что его слова — будто тонкая игла, которая способна разбудить уязвимую гордость оппонента, и потому позволил себе произнести вызов с легким недоброжелательством, посмеиваясь внутри:

— Наш помощник тренера давно не был в воде. Может, он уже не такой крутой, чтобы занимать эту должность? — Его голос звучал медленно, точно режущий, а в глазах — искорка дерзости, подчёркивающая его превосходство и желание подсветить слабое место собеседника.

Деймон, в ответ, лишь усмехнулся, натягивая на лицо лёгкую иронию и только намёк на издёвку. Он посмотрел на Джейса снизу вверх, будто прикидывая, насколько тот далеко зашел в своей самоуверенности, и произнёс с лёгким презрением:

— А ты с каких пор что-то понимаешь в спорте, чтобы судить? — Его ответ звучал как вызов, и чуть заметная усмешка на губах добавляла ему харизмы, скрытой чуть ли не под зеркальной поверхностью спокойствия.

Их голоса звучали громче, чем следовало, — словно вызов не только друг другу, но и всему залу. Атмосфера накалялась, словно запятая между двумя разыгравшимися львами. Джейс сдерживал гнев, напрягшись и сжимая кулаки, его глаза полыхали вызовом, а тень улыбки намекала о внутренней игре, которую он всюду затевал. Он не скрывал, что хочет проверить, кто же тут наконец действительно тот, кто способен на что-то.

— Может, я просто хочу разобраться, кто в этом зале действительно сильнее, — произнёс Джейс с холодным оправданием, его голос оказался полон вызова и азартного накала. — Или, может, ты уже слишком самоуверен?

В этот момент взгляд Джейса встретился с взглядом Ксении. Она смотрела на него с едва скрываемой улыбкой — словно они вместе замыслили нечто большее, единая молчаливая месть. Джейс ответил ей тем же взглядом — холодным, но наполненным тайным согласием.

Ксения попыталась остановить Джейса, но, видя решимость Деймона, не смогла удержаться и позволила себе тихое, почти насмешливое:

— Ну что ж, посмотрим.

Деймон ответил с лёгкой насмешкой в голосе, словно в ответ на дерзкую провокацию: — Тогда не мешай мне доказывать. — И с этим он вошёл в воду. Взгляд его был сосредоточенным, его движения — точными и уверенными: он нырнул, сделал отточенный заплыв, словно вода подчинилась ему, а каждое его движение было посылом: «Я здесь не для того, чтобы играть в игры».

Тем временем Джейс, наблюдая, как Деймон борется с собой и водной стихией, только усмехался, наблюдая за каждым его движением. Хоть в глубине души он чувствовал небольшое удивление, он не смог удержаться от удовольствия: всё это было проявлением дерзости — и Деймон, словно демон, неуклонно продолжал закреплять свою репутацию.

Когда Джейс снова произнёс свой вызов, его слова были полны иронии и пренебрежения — Для парня с такой репутацией эта скорость — жалкая попытка Дейм. Ты уже стал, да? Жаль, мальчик я думал ты продержишься еще немного. — в его голосе звучала насмешка, которая оттеняла его харизму; он будто испытывал Деймона, проверяя его пределы.

Деймон, поддавшись вызову, схватился за удачу и рванулся в воду еще раз. Он повторил заплыв не менее пяти раз, стараясь превзойти себя, и делал это с бодрым азартом, словно играя в рискованную игру. Его дыхание с каждым заплывом становилось всё тяжелее, мышцы — горячее, но он не уступал. И почему? Потому что где-то глубоко внутри он начал сомневаться: зачем он так унижается, доказывая кому-то свою силу? С каких пор он позволил кому-то ставить под сомнение свою власть? Но азарт победы был сильнее — и он продолжал гонку. Когда Деймон, устав и почти тонущий, услышал приход тренера, все начали быстро расходиться, боясь получить выговор. Он вылез из воды, тяжело дыша и кашляя, понимая, что сделанный вызов обозначил его слабость — и что Джейс не забудет этого быстро. Он знал: такой поступок навсегда оставит свою отметку, и вскоре предастся новым испытаниям, играм и вызовам, потому что оба понимали — искра между ними ещё долго будет гореть ярко, вызывая в каждом из них желание переиграть друг друга ещё раз и ещё раз.

Спустя почти двадцать минут после инцидента в бассейне, атмосфера на узкой, тёмной улице накалилась до предела. Деймон и Ашер, словно два хищника, загнали Джейса к одинокому дереву. Тот не стал убегать или прятаться; он позволил им прижать себя спиной к шершавой коре, приняв удар первым. Тонкое дерево жалобно скрипнуло под напором трёх тел, подчеркивая неизбежность столкновения.

Деймон, чьё лицо искажала ярость, толкнул Джейса так сильно, что его затылок больно стукнулся о ствол. — Что за херня была в бассейне, а? — прорычал он, нависая сверху. — Ты думаешь, можешь делать что хочешь? Отвечай, придурок!

Джейс медленно поднял взгляд. В его глазах не было страха, только ледяное спокойствие. — Ты прекрасно знаешь, за что это было, — произнёс он тихо, но с такой стальной уверенностью, что воздух вокруг словно замерз. — Не строй из себя жертву.

Деймон склонился ещё ближе, его дыхание было горячим и прерывистым: — Ты ревнуешь? Мне плевать на твои игры. Я делаю то, что хочу, и ты ничего не сможешь сделать.

Он занёс руку для удара, ухмыляясь своей безнаказанности: — Можешь даже попытаться сопротивляться. Всё равно ничего не выйдет. Твои слова — пустота.

В этот момент Джейс нарушил своё молчание. Он не стал ждать удара. Резким, отработанным движением он перехватил запястье Деймона, выкручивая руку с такой силой, что тот вскрикнул и согнулся пополам. Прежде чем Ашер успел вмешаться, Джейс сделал шаг вперёд, сбивая нападающих с их ритма. Его движения были не хаотичными, как у разъярённых подростков, а выверенными, холодными и смертельно опасными.

Ашер, рыча, бросился на него, пытаясь взять массой, но Джейс легко ушёл с линии атаки, подставив подножку. Ашер споткнулся и тяжело рухнул на колени. Джейс не стал добивать их. Он просто выпрямился, поправил сбитую футболку и посмотрел на них сверху вниз. На его лице уже проступали синяки, из разбитой губы сочилась кровь, но осанка оставалась безупречной. В отличие от них, задыхающихся от злобы и теряющих контроль, Джейс дышал ровно.

— Черту перешли, долбоебы, — сказал он, и его голос звучал не как крик обиженного ребёнка, а как приговор судьбы.

Ашер, сидя на земле, смотрел на него с ненавистью, но в этом взгляде уже мелькало сомнение. Деймон, держась за вывернутую руку, молчал, понимая, что проиграл эту схватку не физически, а морально. Джейс был выше их. Не ростом, а духом. Он не опустил до их уровня взаимной ненависти и бессмысленного насилия.

— Вы жалки, — холодно констатировал Джейс, глядя на них так, словно они были лишь досадной ошибкой в его расписании. — Когда научитесь контролировать себя, тогда и приходите.

Он развернулся и пошёл прочь, оставляя их в пыли и тишине. Парни остались сидеть на земле, чувствуя себя не победителями, загнавшими врага в угол, а маленькими, злобными детьми, которых поставили на место. Молчание Джейса говорило громче любых угроз: он был лучше их, и они оба это знали.

Джес шел, погружённый в собственные мысли, холодный ветер шелестил листья, но в душе царил ещё более глубокая буря — борьба с самим собой, которую никто не мог увидеть.

Джейс шел по холодной, безлюдной улице, словно тенью, стараясь скрыть следы крови, что будто впитались в его кожу и одежду. Его рука едва заметно дрогнула, пытаясь избавиться от засохшей жидкости на пальцах, но кровь оставалась, как восклицание о том, что случилось. Ветер хлестал его лицо, режущий и пронизывающий, словно метлой, вытрушивающей из него все тепло и внутреннюю слабость. Он был словно ледяная статуя — холод внутри и снаружи, жесткий и равнодушный, несмотря на внутреннюю бурю, которая бушевала за стеной его сдержанности.

Вдруг издалека он заметил движущийся силуэт — это была знакомая, черная машина, скользнувшая по мокрому асфальту, как хищник. Она быстро сбавила ход и остановилась прямо у его стороны, разрезая ночную тишину мягким гулом мотора. Стекло опустилось, и в зловещем полумраке Джейс увидел фигуру знакомого человека — Виктор Грейвсэнд. Его отец.

Виктор выглядел так, словно время обходило его стороной. Короткая стрижка, подчеркивающая жесткие линии лица, спортивное, подтянутое телосложение, которое угадывалось даже под дорогой курткой. Он был тем типом мужчин, чья привлекательность заключалась не

в мягкости, а в опасной, отточенной силе. Человек, перед которым Джейс всегда старался держать кирпичи холодного равнодушия, какого-то заскорузлого камня, тронуть который было трудно и неприятно. Но сегодня камень казался менее монолитным.

— Джейс, ты в крови... Что случилось? — с тревогой и усталостью в голосе произнёс отец. Его слова были мягкими, но в них звучала не та слащавая забота, которую Джейс привык отвергать, а нечто более весомое. Это был вопрос человека, который знает цену боли.

Джейс застыл, словно ожидая удара. Он хотел огрызнуться, хотел отвернуться, чтобы не показывать слабость, но взгляд отца не давал ему солгать. — Всё нормально. Просто ушибся. — голос прозвучал хрипло, но без прежней язвительности.

Виктор посмотрел на него внимательно, его глаза, такие же холодные, как у сына, скользнули по синякам и крови на лице. Он не стал читать нотаций. Вместо этого он грубым, но уверенным движением протянул через окно пакетик с салфетками. — Вот, вытираем. Ты не должен так ходить. Не потому что слабо, а потому что это лишнее внимание.

Джейс взял салфетки. Его лицо было словно зашитое из бесконечных слоёв холодной брони — неподвижное, каменное, неподдающееся эмоциям. Он начал тщательно счищать кровь с рук, надеясь, что от этого он хотя бы немного почувствует контроль. Внутри его всё равно бушевала ярость, боль и сложная смесь чувств к тому, кто стоял рядом. Но это была не нелюбовь. Это было понимание. Они приехали к кафе, где Джейса ждала Джорджия и Эбби. И отец решил нарушить тишину, в которой они ехали всю дорогу, но на этот раз тишина не давила.

— Знаю, у нас были трудности, — тихо произнёс Виктор, глядя на дорогу. Руки его лежали на руле спокойно, без лишнего напряжения. — Но я всё равно хочу помочь тебе. Ты мой сын. И я знаю, что ты не сломаешься. Но не нужно страдать в одиночку, когда есть тыл.

Эти слова казались Джейсу непривычными, но не фальшивыми. Он сжал губы и посмотрел в сторону, его глаза были наполнены не равнодушной решимостью, а скрытым уважением. Он не ожидал от него тепла, но получил поддержку. И потому ответил он сухо, но без презрения: — Мне... просто тяжело сейчас. Но я справлюсь.

На этих словах он вышел из машины и захлопнул дверь. Но прежде чем войти в светлое кафе, где его ждали мать и сестра, он обернулся к стеклу. Виктор смотрел на него. Он не спросил «кто начал?» или «тебе больно?». Он лишь чуть кивнул на свои кулаки, затем на лицо сына, и в его взгляде читался немой вопрос, который они понимали без слов.

— На них больше синяков? — спросил Виктор тихо, так, чтобы слышал только Джейс.

Джейс посмотрел на свои сбитые костяшки, затем на отца. В уголке его рта дрогнула редкая, искренняя улыбка. — Да, — ответил он, улыбаясь.

Виктор кивнул, и в его глазах мелькнуло нечто, похожее на одобрение. — Тогда горжусь, — ответил отец.

Джейс вошёл в кафе, чуть присподняв плечи, словно пытаясь скрыть что-то очень личное и тяжелое. Его лицо было усталым и по-особенному потрёпанным, с едва заметными синяками и царапинами, которые он отчаянно старался замаскировать — опустив рукава и воротник куртки так, чтобы никто не увидел. В его взгляде читалась усталость, а лицо словно застывшее в маске, скрывающее внутреннюю боль. За ним вошел и отец.

Внутри кафе царил тёплая, но напряжённая атмосфера, которая, словно невидимая нить, держала каждого. За окном сидела Джорджия — женщина 35 лет, с мягко уложенными светлыми волосами, в которых было ощущение аккуратности и заботливости. Её выразительные глаза, яркие и внимательные, мгновенно заметили Джейса, даже несмотря на его попытки скрыться за рукавами и воротником. Внутри её взгляда читалось беспокойство и материнская забота, которая выдавала её чувства мягко, но непреклонно. Она сразу поняла по его синякам — что что-то в его жизни явно пошло не так. Джейс был во всем похож на мать — с чертами

лица, ярко выраженными, будто вылепленными из одного теста. Черты его характера словно переняли материнственный спокойный, немного мягкий, но настойчивый и дерзкий нрав.

Рядом с Джорджией сидела младшая сестра Джейса — Эбби. У неё был характер, что, как отец, так и мать — страстный, вспыльчивый, полный внутренней силы и неуживчивости.

Джейс скользнул на свободное место рядом с сестрой, Виктор занял место напротив жены. — Извините, задержались, — пробормотал Джейс, опуская взгляд. Он всё ещё механически счищал остатки крови с рук, надеясь почувствовать контроль.

Джорджия мгновенно заметила следы борьбы. Её глаза расширились, рука дрогнула, едва не опрокинув чашку. — Джейс... — её голос был тихим, но в нём звенела та самая материнская тревога. — Что у тебя с лицом? Не говори, что снова упал.

Джейс встретился взглядом с отцом. Виктор сидел спокойно, руки лежали на столе без лишнего напряжения, но в его глазах читалась поддержка. — Тренировка прошла неудачно, — отрезал Джейс, уже без прежней язвительности. — Всё в порядке.

Виктор кашлянул, привлекая внимание, но вмешиваться не стал.

— Так, как у вас в школе? — обратилась она к Эбби, приподняв бровь, надеясь перевести разговор в более нейтральное русло. — Почему тебя выгнали из класса?

Эбби, не моргнув глазом и с вызовом поднимая брови, ответила:

— Мам, да потому что препод настоящий козёл. Он просто не выносит меня. Выгнал из класса ни за что!

— Учитель сказал, что ты назвала его сексистом, — уточнила она с едкой улыбкой на лице, бегло поглядывая по сторонам, — преподавателя литературы. Поясни, каким образом? — спросила она, словно уже предвкушая конфликт.

Эбби, с вызовом и чуть с гордостью, ответила:

— По его мнению, во всех произведениях всегда мужики спасают беззащитных девочек... я так не считаю... вот и козёл.

— Окей гадиться — Джорджия вздохнула, понимая — в её детях живут противоречия и внутренние бунты, происхождение которых она чувствовала во многом в себе самой. Она знала, что у ребят свои причины для сопротивления, и старалась держать ситуацию под контролем, чтобы не допустить разгула конфликта, хотя и сама испытывала давление.

Когда разговор окончательно перешёл к Джейсу, Джорджия приподняла брови, взглянув на сына с лёгким упрёком, словно напоминая ему о времени и ответственности:

— Теперь ты — второе мое наказание, — мягко намекнула она, — и опять опаздываешь, пропускаешь школу. Что на этот раз?

Джейс, хоть и казался спокойным снаружи, внутри держал себя с достоинством. Его голос прозвучал ровно, но чуть холоднее:

— Я работаю и посещаю спортзал. А оценки у меня хорошие, что, собственно, не так?

Мать покосилась, чуть криво улыбнулась, и почти строго сказала:

— У нас с отцом есть деньги. Не нужно тебе таскать тяжести или работать в твоём возрасте.

— Окей. — закатил глаза Джейс.

Официант принес заказ. Джейсу — карбонару, родителям — вино, Эбби — колу. Началась та самая тягучая пауза, когда все делают вид, что едят, но никто не глотает. Звук приборов о тарелки казался слишком громким. Джорджия пыталась улыбаться, Виктор — выглядеть строго, но значимым. Эбби же смотрела на эту идиллию с таким выражением, будто ей предложили съесть собственную руку.

Ложка звякнула о тарелку. Эбби откинулась на спинку стула, и звук этот прозвучал как выстрел в тишине. — Ну и сколько это ещё будет длиться? — спросила она, не повышая голоса, но каждое слово упало, как камень.

Джорджия замерла с бокалом на полпути. — Что, дорогая?

— Вы знаете что, — Эбби посмотрела сначала на мать, потом на отца. — Когда вы уже разведётесь? Или разъедетесь? Хватит изображать из себя счастливую семью на публике, когда дома вы друг друга видеть не можете.

Воздух в кафе словно стал вязким. Виктор поперхнулся вином, кашлянул и тяжело поставил бокал. — Эббигейл, — начал он, и голос его стал низким, предупреждающим. — Не начинай. У нас всё нормально. Никто никуда не уедет.

— Да ладно? — Эбби усмехнулась, и в этой усмешке было больше горечи, чем злости. — Вы даже за стол вместе сесть не можете без напряжения.

Джейс, который до этого методично наматывал пасту на вилку, вдруг усмехнулся. Он отпил колы, посмотрел на родителей и спокойно произнёс: — Они никуда не уедут, пока мы не съедим в колледж. Им же нужно поддерживать имидж «идеальных родителей». Пока мы здесь, они будут терпеть друг друга. Ради нас же.

Джорджия вспыхнула, но промолчала. Виктор решил перехватить инициативу. — Кстати, о колледже, — он выпрямился, пользуясь моментом, чтобы сменить тему. — Вы оба уже должны были определиться. Где планируете учиться? Есть варианты?

Эбби фыркнула. Ей явно нравилось видеть, как отец пытается вернуть контроль над ситуацией. — Я не буду учиться, — заявила она, глядя прямо в глаза Виктору. — Открою Онлифанс. Буду зарабатывать своим телом, раз уж образование — это такая трата времени.

Виктор действительно подавился. Он закашлялся, схватился за горло, его лицо покраснело. Джорджия ахнула и приложила руку к груди. Джейс не выдержал. На его лице появилась натянутая улыбка гордости, словно он наблюдал не скандал, а триумф. Ему искренне нравилась эта атмосфера семейной встречи — живая, опасная, лишённая фальши. Он смотрел на сестру с нескрываемым восхищением: только она могла вот так, одним словом, обрушить их хрупкий фасад. В этом хаосе он чувствовал себя частью чего-то настоящего, куда более ценного, чем тихое благополучие.

— Эббигейл! — Джорджия пришла в себя первой. Её голос стал стальным, глаза сузились. — Хватит вести себя как сука.

Эбби не отвела взгляд. Она медленно провела пальцем по краю стакана, вызываясь глядя на мать. — Тогда хватит подавать мне пример, мама, — уверенно сказала она.

Наступила тишина. Официант рядом замер с подносом. Казалось, ещё секунда — и кто-то взорвётся. Виктор смотрел на жену, Джорджия на дочь, Эбби на всех сразу. Напряжение достигло пика, готовое лопнуть... И вдруг Виктор хрипло рассмеялся. Следом, нервно хихикнув, поддалась Джорджия. Джейс уже смеялся во всю глотку, и даже Эбби, хоть и сквозь зубы, улыбнулась.

Это был смех облегчения. Смех людей, которые поняли, что они все застряли в одной лодке, и грести против течения бессмысленно.

— Боже, — выдохнул Виктор, вытирая салфеткой рот. — Ты невозможна, девочка.

— В тебя, — парировала Эбби, но уже без яда.

Джорджия покачала головой, но её плечи расслабились. Она встала, поправляя платье. — Ладно. Кто хочет ещё десерта? Я закажу.

— Мне тирамису, — сказал Джейс, возвращаясь к пасте.

— Я с тобой, — добавил Виктор.

Они поднялись и пошли к стойке, оставив детей за столом. Напряжение спало, но осадок остался. Они были семьёй. Сломанной, громкой, странной, но семьёй. И пока что этого было достаточно, чтобы просто сидеть и дышать одним воздухом.

Эбби, словно не желая терять ни секунды, обернулась к Джейсу с лёгкой, почти насмешливой усмешкой, играющей на губах:

— Знаешь, — начала она, — я всё ещё не могу понять, как они вообще умудряются быть такими... ну, уродами. Деймон и Ашер — просто кошмар. Каждый раз, когда они появ-

ляются рядом, настроение портится моментально, будто кто-то специально готовит затягивающий коктейль из разочарования и раздражения.

Джейс чуть улыбнулся, словно он уже привык к такой реакции сестры, и его глаза сверкали чуть ироничной мудростью. В его выражении читалась холодная уверенность и некоторый сарказм.

— Да, я знаю. Мне никогда не нравился их дуэт, — ответил он, — Но сейчас не об этом. — в его голосе сквозила доза усталости и раздражения: он явно считал эти разговоры бессмысленными, но всё же решил озвучить то, что давно крутилось у него в голове.

Эбби, показушно надув губы и подталкивая брата, чтобы тот продолжил, спросила:

— Ну, рассказывай, — сказала она с вызовом. — Что у тебя на уме? Ты выглядишь так будто задумал что-то особенное.

Джейс глубоко вздохнул, собираясь передать свою мысль. Он понимал, что именно сейчас самое подходящее время, чтобы озвучить свой план.

— Помнишь, наш недавний разговор ночью? — начал он спокойно, чуть прищурившись. — О том, что нужно что-то менять. Что нельзя просто сидеть и ждать, пока всё само по себе как-то наладится. — Его глаза свернулись в серьёзный взгляд.

Эбби, слушая его, закинула ногу на другую, выразительно показывая, что она уже давно предвидела это всё и не верит в чью-то незаметную, почти магическую перемену в их жизни.

— Я сразу говорила, что так всё и будет, — хмыкнула она, показывая на то, что её слова не пустой звук. — Время учит, да? Ну, что ты задумал, Джей?

Джейс вдруг посмотрел прямо в её глаза, в них играла решимость и некоторая доля сарказма, словно он извлек секретную карту из рукава.

— Мне действительно нужна твоя помощь, Эбби, — сказал он с оттенком мрака. — Без тебя я не справлюсь. Этим двоим давно пора преподать очень хорошенький урок. Перефразирую, поможешь ли ты мне унижить и поставить их на место.

Эбби усмехнулась, словно подгоняемая внутренней вызов-игрой, и её глаза наполнились легкой злостью, которая идеально сочеталась с её характером.

— Обижаешь, — сказала она с сарказмом, — думаешь, что я не соглашусь? Что нужно конкретно сделать?

К концу дня, когда солнце уже клонилось к закату и длинные тени заполнили комнату, Кейт и Сара решили навестить Амайу. Они надеялись, что, увидев её в более спокойном состоянии, смогут немного облегчить её душевные страдания. Однако, когда они вошли, то столкнулись с невероятной картиной: Амайа стояла у окна, казалось, склонившись под тяжестью переживаний. Её глаза были налиты слезами, полузакрыты, а плечи тряслись от рыданий, словно в этом мгновении весь ужас мира сжался в её сердце. Она выглядела утомлённой, разбитой и потерянной, будто бы потеряла все опоры в этом мире.

— Амайа? — тихо, с тревогой в голосе, произнесла Сара, осторожно приближаясь к подруге. — Что случилось? Почему ты так?

Амайа резко обернулась, взглянув на подруг с какими-то затравленными глазами. В её голосе прорывалась дрожь, и казалось, что даже сама её речь держится на грани отчаяния.

— Я... я просто не могу больше, — сглотнула она, голос её срывался, — Это всё слишком. Сначала пожар, который поглотил так много всего... А теперь ещё и пропажи людей. Кто-то бродит по городу и, кажется, что-то ужасное происходит. Почему всё так, почему именно с нами? За что? За что всё это?

— Амайа все нормально, пожар пережили и это переживем, все правда обойдется, я тебе обещаю — Кейт и Сара, почувствовав, насколько Амайа потрясена, поспешили подойти поближе, обняв её. Тёплая рука Кейт и мягкий жест Сары словно пытались подарить утешение,

которое так трудно было найти. Они сели рядом на пол, и подруга, обхватив колени руками, снова начала рыдать, не способная сдержать слёзы, разрывающие её изнутри.

— Говоришь, что всё обойдётся? — тихо спросила Амайя, стараясь говорить спокойно, чтобы не усилить тревогу. — Как ты можешь быть так уверена, что всё пройдет? Люди уже страдают. Это ведь не просто слова — они реально страдают, и я не знаю, сколько ещё можно выдержать.

— Амайя... — тихо и мягко спросила Кейт, боясь сделать только хуже — я не понимаю к чему ты подводишь...

Амайя подняла взгляд, чуть отводя глаза вниз. Её лицо было искажено слезами, рваное, разбитое. Она скрывала лицо руками, словно пытаясь защититься от невидимого удара судьбы.

— Я... я не могу больше, — прошептала она сквозь слёзы. — Если скажу, то все между нами изменится, я знаю.

Кейт посмотрела ей в глаза, пытаясь понять, что же скрывается за этим страхом.

— Мы — твои подруги. Это ничего не изменит — сказала она мягко, — Мы всегда будем рядом, независимо ни от чего.

Амайя тяжело вздохнула, её голос стал тихим и звонким, наполненным болью.

— Я не могу избавиться от мысли о Кристиане. Мы с ним когда-то... любили друг друга. Это было очень давно. Но самое страшное — я всё ещё чувствую его присутствие, его голос, его прикосновения, словно ничего не случилось.

Сара, внимательно слушая, подозревала, что между ними было что-то большее, чем просто дружба. И услышать об этом вслух было тяжелым ударом.

— Когда произошёл пожар? — спросила Сара тихо, осознавая, что ей крайне важно понять всю глубину переживаний Амайи.

— Ты... ты знала? — спросила Амайя, чуть дрожа в голосе.

— Только подозревала. — ответила Сара.

Кейт специально замолчала, почувствовав, как сильное потрясение охватывает её. Она никогда не думала, что их история с Кристианом оказалась настолько сложной, настолько глубокой и мучительной. Вся эта ситуация только усиливала ощущение хаоса и безысходности.

— Амайя, — мягко сказала Кейт, — мы здесь для тебя. Всё, что бы ни случилось, ты не одна. Мы вместе справимся.

Подруга взглянула на них, в её глазах еще светилась благодарность, хоть и смешанная с горечью и болью.

— Спасибо вам. — прошептала она, чуть улыбнувшись сквозь слёзы. — Мне правда очень нужна поддержка. Я больше не хочу тонуть в этом, я не могу больше так продолжать.

Они снова сблизилась, чтобы поддержать её, и Сара, положив ладонь ей на плечо, пообещала:

— Мы пройдем через это вместе. И ничего не разрушит нас. Ты не одна...

3 Глава

Сара и Куин, самой яркой и обаятельной девушкой в их классе, с 17-летним юношеским задором снимали вместе квартиру на окраине города. Девушки были одеты в школьную форму — строгие пиджаки, белые блузки и синие юбки, — однако в их поведении чувствовалась легкая тревога, будто что-то важное и ужасное недосказано за эти несколько часов.

— Амайя и Кристиан... Фу, в голове не укладывается! И Амайя нам ничего не говорила! — удивлённо сказала Кейт, заходя в здание. — Я всегда думала, что Кристиан был типа плохишом. Как он мог быть с ней? Я понимаю Амайю, с таким бы и я не прочь была... — Сара косо посмотрела на Кейт.

— Только это тебя интересует? — спросила Сара.

— Да! И как Амайя могла его бросить!? И почему ты мне ничего не сказала? Ты же знала.

— Во-первых, я не знала, а догадывалась, и я не привыкла лезть в чужие отношения, — призналась Сара. — А теперь всё это кажется ещё более подозрительным.

Когда они миновали входные двери, что-то казалось неправильным — словно мгновенно сменённый свет и тишина, которая тут же давила на их сознание. Сара, обычно спокойная и чуть саркастичная, впервые почувствовала застыло в груди. Девушки вошли в квартиру, и напряжение тут же охватило их всё тело: тревожные взгляды, ледяной холод, что пробежал по коже, и пустота, будто вся жизнь из этого места внезапно исчезла.

Первое, что их поразило — беспорядок. Мебель была разбросана, как будто здесь была схватка. Диван стоял вверх дермой, его ткань порвана, а обивка изломана и покрыта пылью и грязью. Книги и предметы лежали по полу, разбросаны, будто их сбросили в панике. Осколки стекла — острые и зияющие — сверкали под освещением, раскиданные по половице, и ягоды девушек от этого становились холоднее. На стенах — царапины, будто кто-то пытался выбить из них что-то или просто с гневом царапал поверхность. Следы грязи и крови тянулись по полу, будто кровавый след, ведущий в самое сердце кошмара. А на стене — страшная надпись кровью: «Вы следующие».

Кейт, которой казалось, что всё это — сон, сжала руку Сары, её глаза расширились, рот открылся в неуверенном шоке, её тело задрожало. Она почувствовала, как внутри поднимается тревога и ужас одновременно. Сара, обычно твердая и хладнокровная, в этот момент казалась чуть шаткой, будто всё, что она знала и привыкла считать безопасным, рухнуло в один миг.

— Что здесь произошло? — шептала Кейт, сжимая руку подруги, её голос срывался, в глазах блестели слёзы страха.

— Я... я не знаю, звони отцу Амайи — тихо ответила Сара, её губы дрожали, а взгляд был направлен в пропасть со страхом. Внутри всё зашумело — мысли, чувства, желание понять — и при этом ни единого ясного ответа.

Девушки побледнели, бросились к нему одновременно. Сара схватила трубку первой, и голос Амайи прозвучал чуть напряженно, с нотками тревоги:

— Амайя? Какого хрена... — начала она, её голос дрожал, — Где твой отец? У нас тут полный разгром!

— Разгром? — зазвучал голос Амайи, в нем смешались удивление и тревога. — Что конкретно случилось? Это что, очередная готовка Куин? Она опять всё сожгла?

Кейт, схватив телефон у Сары, вдруг сказала веселым и дразнящим голосом, находясь в приступе ужаса:

— Какого плана? Знаешь, Пи Дидди устроил в нашей квартире новую вечеринку... Блять, Амайя, если мы звоним твоему отцу — начальнику полиции — какого характера разгром тут может быть?!

— Почему вы все еще там?! — закричала Амайя, в голосе слышалась ярость и страх. — Уходите оттуда живо! — но ярость и страх сменило чувство надежды, и Амайя решила действовать — Не звони никому и никуда, — строго сказала Амайя, резко оборвав разговор, — я скоро буду. Всё исправлю. Просто ждите меня.

Девушки обменялись взглядами — понимание, что ситуация стала гораздо хуже, чем казалась, охватило их. Амайя оставалась спокойной, несмотря на ужас, скрывавшийся за её словами. Её лицо было сосредоточенным, губы сжаты.

Когда наконец пришла Амайя, всё внутри провеззашевелилось от тревоги. Девушки снова собрались у разбросанной мебели, которая хранила малейшие признаки борьбы — поднятые части стены, сломанные предметы, заплесневелая кровь на полу. В глазах у Амайи читалась решимость, страх и какая-то внутренняя тень.

— Где Куин? — спросила Амайя, входя в комнату, и её голос прозвучал тихо, но точно.

— Её нет... — прошептала Сара, показывая рукой на следы борьбы и разбросанные вещи. — Тут явно кто-то сопротивлялся. Посмотри на это.

Амайя опустила на колени, её руки дрожали, когда она внимательно осмотрела пропахший страхом пол. В воздухе витало ощущение разрушения и зловещей незавершённости трагедии. Стены были покрыты царапинами, словно кто-то, в панике и ярости, пытался вырваться наружу или оставить след своего гнева. Перевернутый стул, обломки разбитой лампы — всё это словно отголоски борьбы, которая разыгралась в этом доме. На ковре зияли кровавые пятна, а отпечатки обуви — грязные, расплывчатые, будто кто-то спешил прочь, оставляя за собой неприятный запах страха и крови. В дверях стояла приоткрытая дверь, будто ждущая следующего шага, следующего злодея, ещё не скрытого в тени.

— Кто-то напал на Куин, — прошептала Амайя, её голос звучал грубо, словно издали, сквозь густую пелену тревоги. — И, похоже, её похитили. Я должна быть уверена, что всё было сделано правильно. Мы должны действовать быстро, пока паника не охватила вас полностью и пока кто-то из вас не вызвал полицию. Лучше всего, если я проверю всё сама, — добавила она, более твёрдо и решительно.

Кейт, которая стояла чуть поодаль, начала нервно дрожать, её глаза наполнились слезами, а руки — судорожно сжимались в кулаки. Она чувствовала, как внутри поднимается паника, мешая ей думать ясно.

— Какого хрена ты говоришь "пока паника не охватила вас полностью"? — заикнулась Кейт, её голос дрожал, но в нём звучала решимость. — Меня она уже охватила! Надо вызвать скорую, полицию, что угодно, только не медлить!

Амайя покачала головой, пытаясь сохранять спокойствие, хотя внутри её сердце билось быстро. — Понимаю, твой порыв, Кейт, — сказала она монотонно, — но мы должны действовать ответственно. Сначала я должна удостовериться, что это действительно похищение и кто за этим стоит. Не делайте поспешных выводов.

Сара, которая всё это время тихо наблюдала, сжимала кулаки, её лицо было бледным, глаза — полны отчаяния. Она пыталась сдержать слёзы, тихо моргая, чтобы не дать им просочиться наружу. В её голове крутился один и тот же вопрос: «Где же Куин? Почему этот ублюдок не мог проколоться где-нибудь, оставить подсказки, чтобы мы хотя бы знали, что с ней всё хорошо или что произошло?»

— Мы уже всё заметили, — тихо вставила Сара, пробивая слёзы. — Следы борьбы, кровь, отпечатки... Но ничего конкретного. Всё равно, кажется, будто мы пытаемся искать иголку в стоге сена. Где она, как она могла оказаться здесь? Почему она не ответила? — голос её задрожал. — Я не могу больше... — в голосе прозвучали слёзы, но она всё же старательно сдерживалась.

Кейт, заметив её состояние, вздохнула и чуть улыбнулась сквозь слёзы, пытаясь приободрить подругу. — Мы должны сохранять хладнокровие. Надо найти её. Всё остальное — вторично. Главное — найти Куин.

Сара начала с гостиной — аккуратно перебирала разбросанные книги и бумаги, заглядывала под мебель, открывала ящики комода. Каждая мелочь казалась важной, но ничего не указывало на то, кто мог прийти сюда и зачем.

Кейт тем временем обыскивала спальню. Её руки дрожали, сердце билось быстро. Она пыталась не показывать страха, но мысли о том, что с Куин могло случиться что-то ужасное, не давали покоя. Время от времени Кейт бросала взгляды на Амайю — та казалась спокойной и сосредоточенной, уверенной в своих действиях, будто знала, что делать дальше.

Тем временем Амайя продолжала внимательно осматривать кухню и прихожую. Её движения были точными, будто она носила внутри какую-то строгую программу, настроенную на следствие. Взгляд её был острым, каждое движение — продуманным и осмысленным. Внутри неё бушевала волна ответственности, но она старалась держать лицо твёрдым, несмотря на всё происходящее. Быстро, уверенно, она перекинула взгляд из угла в угол.

И вдруг её внимание привлекла маленькая металлическая монета, лежавшая у порога в ванную. Она была странной формы, чуть асимметричной, с нелогичным узором, словно кто-то старательно старался оставить на ней что-то загадочное. Амайя наклонилась, подняла её и стала рассматривать.

— Смотрите на это, — сказала она тихо, бережно, как будто держала нечто очень ценное. — Маленькая металлическая монета. Она необычная, совсем не похожа на обычную чужую мелочь. На обратной стороне — узор... Что-то вроде облаков или, может, кита. Очень странные линии, — произнесла она, внимательно разглядывая.

Её губы медленно сжались, глаза сузились, она просматривала каждую линию.

— Этот знак что-то значит, — тихо добавила Амайя, её голос был полон внимания и чутье. — Возможно, это зацепка или код. Или просто что-то, оставленное преступником, чтобы сбить с толку. И всё же, — она аккуратно приложила монету к свету, — похожие узоры мне напоминают что-то, но пока не знаю что. Это не случайно.

Девушки смотрели друг на друга, погружённые в атмосферу опасности и безысходности. Каждое мгновение могла измениться чья-то судьба, и этот маленький, странный предмет мог стать их единственной надеждой найти Куин или понять, что случилось.

— Что это может значить? — прошептала Сара, её голос дрожал. — Это всё что у нас есть?

— Возможно, — ответила Амайя крепким голосом, — это зацепка. Мы не знаем, кто это оставил, почему именно она, но у нас есть шанс. И мы его не упустим. Мы найдём её.

Воздух в комнате становился всё тяжелее. Каждая минута казалась безвозвратно наполненной страхом, давлением и безнадежностью. Палитра чувств — от отчаяния до паники — нарастала с каждым моментом. Сара, взволнованная до предела, почувствовала, как внутри всё сжимается, как будто стена невидимой тяжести нависла над ней. Её душа гнулась под внутренним напряжением, и она впервые не стала скрывать свою слабость. Взгляд её был полон решимости, но и страха одновременно.

— Я больше не могу терпеть это ожидание! — вскрикнула Сара, внезапно схватив телефон так сильно, что побелели костяшки пальцев. Она смотрела на экран с жадным, шумным дыханием. — Мы не можем больше ждать, когда всё само разрешится! Нужно что-то делать немедленно. Я вызываю полицию. Они знают, как это остановить.

К её голосу присоединилась тревога, которая дрожала в каждом слове. В её глазах было видно, как дрожь пробирается внутрь, но она быстро подавила её, проявляя решимость. Вглуби души она чувствовала, что это — единственный шанс. Пусть даже и не знает, сможет ли она чему-то помочь, её внутренний голос кричал: "Только так!"

Амайя, стоявшая чуть сбоку, попыталась произнести что-то, чтобы остановить Сара. В её голосе слышалась нежность и обеспокоенность одновременно.

— Сара, подожди... Может, ещё есть другой способ — мы можем попробовать понять, что происходит, прежде чем вмешиваться так резко.

Но слова — будто пошли наперекор времени. Сара уже не слушала, её пальцы быстро нажимали на клавиши, вызывая экстренные службы. В комнате воцарилась пауза, наполненная только щелчками телефона и тяжёлыми вздохами.

Через считанные минуты мощный звук подъехавших автомобилей прервал затянувшееся напряжение. В комнату вошли серьёзные, сосредоточенные полицейские — добросовестные служители закона, у которых лицо не выражало ни капли сомнения. Они быстро осмотрели квартиру, внимательно следя за каждым движением, фиксируя следы борьбы — разбросанные на полу бумаги, беспорядок на столе, разбитая ваза у стены. Пожилой детектив с острым взглядом фотографировал улики, а молодой офицер допрашивал девушек, задавая конкретные, спокойные вопросы. Всё происходило быстро и профессионально, создавая жуткую атмосферу — ощущение, что жизнь каждого из них висит на волоске.

Амайя наблюдала за происходящим с усиленной тревогой. Она понимала, что теперь у нее меньше возможностей действовать самостоятельно. Внутренний голос настойчиво кричал, что настоящий ключ к разгадке где-то далеко — не в этой квартире. Всё указывало на дом Уокеров. Там, возможно, найдутся скрытые подсказки, что ведут к похищению Куин.

— Мне нужно пойти туда, — тихо произнесла Амайя, голос чуть дрожал, но в нём звучала решимость. Она обратилась к Саре и Кейт, которые всё ещё пытались понять ситуацию, охваченные ужасом. — Там есть что-то важное, что может помочь нам понять, что происходит на самом деле. Если есть хоть маленькая надежда — я должна попробовать.

Образы прошедших часов мелькали перед её глазами: тёмные улицы, тишина у дома Уокеров, скрытые вещи, которыми могли воспользоваться злоумышленники. И теперь, когда полиция уже занималась делом в квартире, у неё появилась возможность скаутировать их следы, найти хоть что-то, что сможет привести к Куин.

— Мы должны торопиться, — добавила она, отчаянным голосом. — Чем быстрее мы узнаем правду, тем выше шансы вернуть её.

Обстоятельства накалялись всё сильнее, будто бы стальная рука сжала горло всем надеждам. В воздухе висела безысходность, однако внутри у Амайи всё ещё кипела решимость. Она знала — только найдя ключи к этой загадке, они смогут спасти Куин и выйти из этого ужасного кошмара.

Лидия долго сидела перед экраном телефона, пальцы нервно перебирали край свитера. Внутри неё всё сжалось в тугий узел. После вчерашнего вечера, когда Деймон позволил себе лишнее — его взгляд, его прикосновения, которые должны были быть приятными, но вызвали лишь холодный страх, — она не могла найти себе места. Она не могла отпустить его, чувства ещё тлели, но теперь к ним примешивалось сомнение. И когда сегодня она увидела Ребекку — её синяки, её взгляд, полный загнанной звериной осторожности, — Лидию пронзило догадкой. Это было похоже. Слишком похоже. Та же беспомощность, скрытая за маской силы.

— Привет, — начала она, стараясь говорить спокойно, но голос её звучал чуть тревожно. — Ты говорил, что видел, как Ребекка была сильно расстроена? Мне кажется, там что-то серьёзное. Я не могу оставить это так, как есть. Нужно разобраться, помочь ей, если это возможно.

Мейсон чуть задумался, когда ответил:

— Она выглядит так, будто её кто-то сломал, Лид. Она шарахается от каждого звука. Но она не говорит.

— Мне кажется, ей нужна поддержка, — продолжила Лидия, её голос показывал настойчивость. — Я собираюсь зайти к ней. Может, сможем вместе понять, в чём дело.

— Постарайся быть аккуратной, — предупредил Мейсон, и в его голосе слышалась забота. — Она сейчас не в себе. Может, ей не стоит навязываться, но я уверен, что, если кто и способен ее разговорить, то именно ты.

Лидия вздохнула и положила трубку, чувствуя, что уверенность в своих силах растёт внутри. Её не покидало ощущение, что игнорировать эту ситуацию нельзя. Она должна помочь.

Когда Лидия подошла к дому Ребекки, воздух здесь казался особенно тяжелым. Тишина и неподвижность создали ощущение, будто всё вокруг замерло. Ближе к входной двери стояли родители Ребекки — их лица были немного бледными, а глаза — напряжёнными, будто скрывали что-то важное.

— Здравствуй, Лидия, — сказала мать Ребекки тихо, с натянутой улыбкой, которая, однако, не могла скрыть волнительного трепета. — Ребекка дома. Она сейчас в своей комнате. Если хочешь, можешь зайти.

Лидия кивнула и прошла внутри, ощущая, как напряжение в доме усиливается. В повседневных деталях прослеживалась вся неохотно притаённая тревога. Внутри всё было тихо, словно мир за стенами застыл, ожидая что-то важное. Она поднялась по лестнице, её сердце забилось чуть быстрее, когда подошла к двери.

— Это я, Лидия, — тихо позвала она, аккуратно постучав.

Дверь слегка приоткрылась, и на пороге возникла сама Ребекка. Лицо девушки было бледным, словно вырезанным из мрамора, сидело оно прямо и спокойно, но в глубине её глаз читалась усталость и какая-то отчуждённость, словно она смотрела сквозь Лидию, не распознавая её.

— Привет, — прошептала Ребекка, её голос прозвучал спокойным, почти безжизненным, как будто она не хотела показывать свои чувства. — Че те надо?

Лидия попыталась улыбнуться, чтобы снять напряжение:

— Ну, просто зашла узнать, как ты себя чувствуешь. Всё ли в порядке? Или у тебя есть что-то, что ты хотела бы сказать?

Ребекка коротко кивнула, не приглашая войти, её лицо оставалось чуть холодным.

— Какие у тебя планы на завтра? — спросила Лидия, стараясь сохранить спокойствие и спокойный тон.

Ребекка словно не слышала её. Она сухо ответила:

— Завтра вечером иду на вечеринку к Деймону.

Она сказала это быстро и с нотками безразличия, словно хотела скорее закончить разговор. В её поведении не было ни малейшего желания поддержать диалог, она явно не собиралась делиться своими чувствами или даже проявлять интерес к Лидии. Она словно закрылась в себе, избегая взгляда, и вся её личность казалась отстранённой — здесь её не ждали, и она сама не хотела ни с кем общаться.

Упоминание Деймона резануло Лидию по сердцу. Она вспомнила вчерашний вечер, его руки на своей талии, и ей стало дурно. Она деликатно продолжила:

— А ты уверена, что тебе нужно туда идти одной? Может, я могу тебе составить компанию?

Ребекка коротко качнула головой:

— Нет. Всё нормально. Мне достаточно. Тем более, я пойду с Ашером.

Лидия почувствовала, как внутри у неё заиграла искра разочарования. Она задержала дыхание, стараясь успокоиться, и делала всё возможное.

Она тихо, почти шёпотом произнесла:

— Если что-то случится, если захочешь поговорить, — я здесь. Просто скажи.

— Мне не нужна нянька, Лидия. И уж точно не ты. Всё нормально. — ответила Ребекка.

— Реб, пожалуйста, — Лидия протянула руку, но Ребекка отшатнулась, словно от огня.

— Не трогай меня! — рявкнула она, и в этом крике было столько боли, что Лидия опустила рук — Я сказала, всё нормально. Закрой дверь. — Дверь захлопнулась перед носом Лидии. Она осталась стоять в коридоре, чувствуя, как слёзы подступают к горлу. Она понимала этот отказ. Она сама не могла сказать «нет» Деймону, хотя внутри всё сжималось от страха. Она хотела спасти Ребекку, потому что не могла спасти себя.у.

Лидия осталась стоять в коридоре, чувствуя, как груз тяжести сжал её сердце. Её внутренний голос мучительно говорил: «Она закрылась. Стены вокруг неё возведены настолько высоко, что проломить их почти невозможно». Но она все равно не собиралась сдаваться. Она знала, что истинная дружба проявляется именно тогда, когда ты остаёшься рядом, когда сложно — именно тогда важна твоя поддержка. И хоть она ощущала, как в душе загорается слабое тепло надежды, в голове крутились мысли: «А как дальше? А станет ли она когда-нибудь такой же открытой?»

Ребекка вышла уже одетая, с сумкой на плече. Взгляд — холодный, непроницаемый.

— Я еду с парнями, — кивнула она на улицу. — Ты со мной или нет? Решай быстрее. Из окна черного седана высунулся Ашер.

— Лид! Го с нами! — гаркнул он слишком громко для тихой улицы.

Деймон, сидевший за рулем, резко дернул головой.

— Шшш, — шикнул он, бросая на Ашера предупредительный взгляд.

Ашер непонимающе моргнул, глядя на товарища. Какая разница, кто услышит?

Лидия замерла. Она смотрела на Ребекку и думала о том, что слишком хорошо знала. Синяки, взгляд загнанного зверя, покорность. «Это Ашер. Я видела, как он на нее смотрит. Как на собственность». Ей хотелось кричать, трясти ее, требовать правды. Но ком в горле сдавил слова. Как она спасет кого-то, если сама не может нормально отойти от Деймона? Если сама боится его прикосновений?

— Нет! — крикнула Лидия, прежде чем успела испугаться собственного голоса. — Я хочу прогуляться! Одна!

Ребекка замерла на мгновение, оглянулась. В ее глазах мелькнуло что-то похожее на зависть к этой свободе, но тут же погасло. Она молча села в машину.

Дверь захлопнулась. Лидию придавило тяжестью. Будто все переживания обрушились сразу. Она выдохнула и осталась стоять на тротуаре.

Машина тронулась, оставляя ее одну под вечерним холодом. Лидия обхватила себя руками. Без Мейсона или Джейса рядом она чувствовала себя беззащитной. Казалось, она попала в чужое пространство, где каждое слово могло значить совсем не то, что она ожидала. Но сейчас главное — она не села в эту машину. Не села к ним.

Для большинства учеников Джейс Грейвсенд был просто воплощением школьной популярности: спортсмен с идеальной фигурой, бармен, который знал лучшие места в городе, и тот самый парень, чья улыбка могла растопить любой лед. Казалось, его жизнь состоит из тренировок, смены за барной стойкой и вечеринок, где он всегда в центре внимания. Но мало кто подозревал, что под слоем уверенности и вечной насмешки скрывается совсем другой человек.

На следующий день в разгар урока Джейс сидел, углубившись в тетрадь. Он не слушал учителя, а быстро набрасывал идеи для продолжения своей книги. Это было его тайное убежище, мир, который он создавал в одиночестве, вдали от шумных компаний и ожиданий окружающих. Лицо его было серьезным, взгляд сосредоточенным, будто он решал задачу жизни и смерти. Ведь здесь, среди строк, он был не просто популярным парнем, а творцом, отвечающим за судьбы своих героев. Внезапно, его внимание отвлекла едва заметная касание ноги. Он опустил взгляд и заметил перед собой девушку, которая сидела на соседней парте. Это была Вел — блондинка с яркими зелеными глазами, казавшаяся милой и невинной, словно солнеч-

ный свет в сером классе. Но слухи ходили, что она шлюха. Говорили, что она умеет играть с чувствами парней, словно с перчатками, меняя их по своему усмотрению, не задумываясь о последствиях.

Она протянула ему маленький листок бумаги, аккуратно сложенный, как секрет или завет. Джейс взял его, чуть наморщил лоб и прочитал. В записке было короткое приглашение: «Приходи на вечеринку у Деймона. Будет интересно, обязательно. Ты не пожалеешь.» Он задумался на мгновение, затем, спокойным и чуть отстранённым голосом, ответил:

— Спасибо, но я не смогу прийти. — ответил ей Джейс.

Лицо Вел мгновенно изменилось, на губах заиграла легкая невольная улыбка, но внутри она явно надеялась на другое. Она наклонилась чуть ближе, опуская голос до шепота:

— А почему? Там всегда так весело. Может, всё-таки передумаешь? Тебе ведь скучно одному сидеть.

Она приблизилась к нему еще ближе, словно намеренно сокращая пространство между их лицами. Ее лицо было чуть наклонено, и в глазах играла мягкая, соблазнительная искра, словно она пыталась чуть-чуть подманить его. Затем ее рука неосторожно скользнула, и мягко, по касательной, она провела ладонью по его бедру, вызывая приятное и легкое дрожание в его теле. Ее движение было ненавязчивым, но всё же достаточно заметным, чтобы почувствовать тонкое волнение. В этот момент её лицо стало почти вплотную к его, и она тихо, с легкой улыбкой на губах, произнесла:

— Ты знаешь, иногда стоит немного расслабиться и отдохнуть, не так ли?

Он почувствовал, как её тепло и мягкость отражаются в его коже и как ее близость нарушает его внутренний баланс. Она явно начала играть с ним, вызывая его внутренние чувства и желания.

Джейс вздохнул глубже, стараясь сохранить спокойствие. Он чувствовал, как внутри накаляется раздражение. Внутри будто зажигался огонь, но он каким-то чудом не позволял себе выйти наружу. Он попробовал говорить более мягко, но его голос был холодным и твердым:

— Я уже сказал, что занят. И прошу больше не настаивать.

Вел немного удивилась, но не стала больше сопротивляться. Она слегка отступила, складывая руки на коленях, и еще раз украдкой взглянула на него с укором или, может быть, с подозрением. Джейс, заметив это, немного расслабился, хотя внутри чувствовал легкое напряжение.

Джейс прочитал и спокойно ответил:

— Спасибо, но я не смогу прийти.

Вел удивилась. Она наклонилась ближе, её голос стал шепотом:

— Серьезно? Ты че, гей? Что не так?

— Прости, Вел, но мне кое-что мешает... — задумчиво ответил Джейс, словно наслаждаясь моментом.

— И что же? Потенция? — усмехнулась Вел.

— Наличие вкуса, — грубо ответил Джейс.

После урока, в коридоре, мимо проходил Мейсон, который заметил, как Джейс отказался от приглашения, и, не удержавшись, решил спросить:

— Почему ты ей отказал? Вечеринка у Деймона — это всегда намек на оргию или тройничок. Неужели ты так не хочешь туда пойти? — Он улыбнулся с легкой иронией, подмигнув.

Джейс повернулся к другу, чуть пожав плечами и улыбнувшись, хоть и с легким сарказмом:

— Я и так уже занят этим вечером. Мне это не интересно. Пусть она ищет свободный хер кого-нибудь другого.

Мейсон хмыкнул, одобрительно подняв бровь:

— Ладно, понял. Просто опять же, удивляешь порой.

Джейс посмотрел на него, его лицо стало чуть серьезнее, и он мягко, с легкой усмешкой, ответил:

— Просто у меня есть дела. И я предпочитаю не тратить время на пустые развлечения. Лучше я не буду давать ей ложные надежды.

Мейсон усмехнулся с лёгкой иронией:

— Ха, меня вот редко кто так зовет, тем более Вел, она же самая красивая в нашем классе.

Джейс посмотрел на друга и спокойно сказал:

— У тебя всегда есть выбор, Мейс, можешь не прикидываться. И есть та, кого ты предпочитаешь больше всего.

Он кивнул в сторону Лидии, которая сидела в конце коридора, погружённая в свои мысли.

Мейсон, услышав это, замер на мгновение, осознавая, о ком идёт речь. В его глазах мелькнуло замешательство — он не ожидал, что Джейс так открыто заговорит об этом.

Их разговор прервался, когда в класс вошли Деймон и Ашер. Они сразу заметили новый синяк на руке Джейса и, с ехидной улыбкой, указали на него.

— Эй, придурок, классный синяк, с лестницы упал? — спросил Деймон, явно ожидая реакции, проходя мимо.

Джейс лишь лениво поднял взгляд. Его глаза скользнули по лицу противника, и он заметил на скуле Деймона слабое пятно, замазанное тональником, которое явно выделялось на фоне кожи. Видимо, следы их прошлой встречи всё ещё давали о себе знать.

— Новый тональник купи, этот тебе не подходит, Дейм! — крикнул Джейс, усмехаясь над ними. Он облокотился на стену коридора, не став провоцировать их на что-либо большее, хотя и видел, как напряглись кулаки Ашера. Просто вернулся к своим делам, демонстрируя полное безразличие к их попыткам зацепить его.

Мейсон, наблюдавший за этой сценой из своего угла, даже бровью не повёл. Для него перепалки между Джейсом и этой парочкой стали чем-то вроде школьной рутины, вроде расписания уроков. Он подошёл к Джейсу, спокойно засунув руки в карманы брюк.

— Вы снова? — тихо спросил Мейсон, кивнув в сторону уходящих Деймона и Ашера. — Я уже не удивлюсь, если вы и сегодня подрались.

Джейс лишь фыркнул, отталкиваясь от стены. Внутренне он помнил, что Деймон всё-таки перешёл грань тогда, в доме. Формально он не изнасиловал Лидию, но для нее это стало ударом. Тревога Лидии сейчас читалась на лице даже издали, и Джейс понимал: оставлять её одну в таком состоянии опасно.

— Забей, — Джейс перевёл взгляд на девушку, стоящую чуть поодаль. — У нас сейчас большая перемена. Иди пройдишься с ней. Просто... прогуляйтесь. Смотри какая она нервная... ей нужно выдохнуть.

Мейсон проследил за его взглядом, понимая, о ком речь. Он кивнул, не задавая лишних вопросов.

— Сделаю.

Джейс хлопнул его по плечу и растворился в толпе, а Мейсон направился к Лидии.

Лид и Мейс шли рядом по тенистому тротуару, их шаги раздаются тихими тактами в вечернем воздухе, напоённом лёгким прохладным ветром и звуками вечерних улиц. Время словно остановилось между ними, и оба чувствовали это — так будто мир сузился до их существования. Лид продолжала с тревогой размышлять о случившемся с Бекс, ощущая тяжесть в груди и состояние, словно изнутри распирает необъяснимая тревога.

— Я все еще не могу понять, — начала она почти шепотом, сжимая пальцы в кулак так крепко, что ногти чуть не впились в ладони. — Этот синяк на её руке. Может, мне кажется, или это татуировка? Или родимое пятно... Или кто-то ее ударил?

Мейс чуть было не улыбнулся, стараясь не показывать свою нервозность. Его лицо было спокойным, но внутри билось сердце — он чувствовал, как каждое слово Лидии вызывает у него внутренний встрепетанный отклик. Он искренне хотел её успокоить, взяв её за руку, чтобы показать, что он рядом. Его голос звучал мягко, с тонкой надеждой.

— Может, ты слишком много придумываешь, — сказал он, пытаясь внести в разговор лёгкое успокоение. — Бекс не могла бы так просто скрывать что-то плохое. Наверняка это что-то безобидное. Может, она просто немного ушиблась или кто-то пошутил.

Лид повернула голову к нему, её глаза отражали внутреннюю борьбу. Она походила на человека, которому сложно поверить и довериться, особенно когда её тревога растёт. Её внутренние мысли бурлили: "Может, он прав... А может, всё гораздо серьёзнее, чем кажется". Были моменты, когда она хотела бы поверить Мейсу, потому что чувствовала тепло и искренность его слов. Но сомнения всё равно остаются.

— А что, если нет? — шепнула она, почти испуганно, опуская глаза. — Что, если она — убийца? Что, если этот синяк — след тех, кто ей хоть раз навредил? Может, это её жертва признания или просто слабость? Может, я слишком много придумываю, а всё на самом деле просто?

Мейс внезапно остановился и внимательно посмотрел на неё, его лицо стало серьёзным и немного напряжённым. Он глубоко вздохнул, словно собираясь с силами сказать что-то важное.

— Лид, послушай... — начал он, стараясь подобрать слова так, чтобы не прозвучать навязчиво, — у Дэймона сегодня вечеринка. Может, нам стоит туда сходить? Просто, чтобы отвлечься. Чтобы немного отдохнуть от всего этого, от всего, что гложет нас внутри.

Лид на мгновение замерла, недоумевая, чего он хочет добиться этим предложением. Её сердце забилось чуть быстрее — она думала, что его мотив — просто дружеская попытка помочь ей отвлечься. Так легче было думать: он просто заботится, хочет отвлечься, помочь ей. Но в глубине души она чувствовала, что Мейс говорит не только об этом. В его голосе она заметила что-то большее — искреннее желание разделить с ней этот момент, выразить свои чувства.

— Ты... — произнесла она медленно, — ты хочешь сказать, чтобы я отвлеклась? Чтобы забыть всё? Чтобы хоть на минуту перестать думать о Ребекке?

Мейс кивнул, мягко улыбаясь, — Да, именно так. Мне кажется, иногда смена обстановки помогает взглянуть на всё по-другому. И... — он чуть смутился, — и я просто хочу провести с тобой время. Без всего этого напряжения. Просто быть рядом.

Лид внимательно слушала его, и в её глазах читалась аккуратная доля скепсиса, но в то же время — теплота и тихая надежда. Всё внутри неё говорило, что Мейс искренен. Он говорит не потому, что хочет отвлечь её «по дружески», а потому что он заботится, потому что любит её. И несмотря на свои сомнения, она чувствует, что разделяет его чувства. Просто боится признаться в этом сама.

— Ты правда хочешь пойти со мной? — тихо спросила она, почти шепотом, следя за его глазами.

Мейс мягко улыбнулся, и в его взгляде было что-то такое, что заставляло сердце у Лидии забиться сильнее.

— Конечно, — тихо сказал он. — Потому что я забочусь о тебе. И мне важно, чтобы ты знала: я рядом.

В воздухе повисла тихая пауза, и Лидия почувствовала, как напряжение немного спало. Может быть, эта вечеринка — именно то, что сейчас нужно им обоим — возможность немного передохнуть, сбросить груз тревог, понять, что даже в сложных ситуациях кто-то рядом.

Амайя не уступала, её настойчивость только усиливалась. Она явно чувствовала, что за этими совпадениями стоит что-то большее, и не собиралась оставлять это без внимания. Её глаза горели страстью, когда она вновь и вновь пыталась убедить Лукаса.

— Лукас, это не просто совпадения! — настаивала она, её голос полон убеждённости. — Монета — это не просто случайная фигура. Там есть что-то, что я чувствую на интуиции. Мы с тобой хорошо знаем друг друга. Ты понял бы меня, если бы только слушал.

Лукас, усталый и раздражённый, тяжело вздохнул, откладывая телефон и обернувшись к ней. Он морщился, как будто её слова раздражали его не меньше, чем сама идея, что что-то скрыто за этими совпадениями. Но дело было не только в раздражении. Её одержимость, этот лихорадочный блеск в глазах, резким эхом отозвались в его памяти, возвращая к будням пожара 2 года назад. Тогда он тоже искал ответы, тоже пытался сложить пазл из улик, но в итоге потерял самого близкого человека. Тот огонь забрал у него всё, и шрамы внутри ещё не зажили. Видеть, как Амайя, его двоюродная сестра, добровольно шагает в тот же омут, было для него невыносимо.

— Амайя, хватит уже! — его голос стал чуть ниже, немного уставшим, но в нём прорвалась боль. — Перестань уже строить из себя детектива и уделяй другим хоть немного внимания. Ты заиклилась на этих теориях, как будто это единственное, что у тебя есть. Пора бы уже забыть и жить дальше. Я не хочу снова проходить через то, что было после пожара.

Он повернулся, молча отходя в сторону, и, не оглядываясь, шагнул прочь, растворяясь в коридоре, оставляя её одну с её мыслями.

Амайя осталась стоять, сердце билось быстро, но она не собиралась сдаваться. Вдохновляемая внутренней стойкостью, она пошла дальше по коридору и заметила Джейса — сидел у стены, словно был поглощён своей собственной вселенной. Его сильный силуэт казался в этом моменте особенным, а его стиль — строгость черного поло, аккуратно заправленного в широкие брюки и кроссовки Nike — что отражали его сущность.

Он словно из другой реальности, его взгляд был чуть задумчив, а поведение — слегка бунтарским. На его пальце красовалось кольцо, а в руке — телефон, на экране которого была полузакрывающаяся баночка с несмываемой краской. Она заметила это и, усмехнувшись, остановилась возле него.

— Зачем тебе эта несмываемая краска? — с легкой провокацией спросила Амайя, её голос играл с его сознательным вызовом.

Джейс оперся плечом о холодную стену коридора, скрестив руки на груди. Когда из тени вышла Амайя, его привычная маска безразличия дала трещину. Внутри ёкнуло — неприятно, знакомо. Он привык держать эмоции под замком, быть одиночкой, которому нет дела до чужих проблем. Но рядом с ней его пульс предавал его, ускоряясь вопреки логике.

— Амайя, — он слегка усмехнулся, пытаясь скрыть внезапное напряжение. — Если бы я делился всеми секретами сразу, жизнь стала бы скучной. Не думаешь?

— Может, мне не нужны твои секреты, — она шагнула ближе, сокращая дистанцию до опасной черты. В её глазах горел не тот огонь, который ожидал увидеть Джейс. — Может, мне нужно знать, что ты скрываешь.

Джейс приподнял бровь. Она стояла так близко, что он чувствовал запах её волос — что-то цветочное, живое, контрастирующее с мертвой тишиной школы. На мгновение ему показалось, что он понимает намёк. Что это игра между ними, личная. Сердце предательски кольнуло в груди. Он чуть наклонился вниз, отвечая на её вызов, позволяя себе подумать, что сейчас случится что-то большее, чем просто разговор.

— Опасная игра, — промурлыкал он, и в его голосе прозвучала нотка, которую он редко позволял себе слышать даже самому себе. — Со мной нельзя играть вполсилы.

— Тогда давай играть по-крупному, — шепнула она.

Внезапно Амайя схватила его за запястье. Хватка была крепкой, решительной. Она рывком потянула его в сторону — в пустой, погружённый во тьму кабинет. Джейс не сопротивлялся, позволяя вести себя, всё ещё находясь в плену иллюзии. Он ожидал чего угодно, только не этого.

Она затолкала его в угол комнаты, где свет уличного фонаря едва пробивался сквозь жалюзи. Джейс замер, ожидая её следующего движения. Его взгляд скользнул по её губам, затем снова поднялся к глазам. Внутри кипело смешанное чувство предвкушения и раздражения на собственную уязвимость.

Но Амайя не стала целовать его. Вместо этого она резко отстранилась и достала из кармана что-то маленькое и блестящее.

Иллюзия лопнула, как мыльный пузырь. Джейс моргнул, чувствуя, как адреналин сменяется холодным разочарованием. Конечно. Никакой романтики. Только очередная загадка.

— Посмотри, — её голос стал серьёзным, деловым. Вся игривость исчезла. — Я нашла это в квартире. Зашла без спроса, пока полиция не опечатала помещение.

Джейс перевёл взгляд на монету в её ладони. Металл тускло блеснул в полумраке. Внутри него боролись два чувства: облегчение от того, что не совершил глупости, и досада от того, что его ожидания были неверны. Но профессиональный интерес тут же взял верх.

— Стоп, — он нахмурился, возвращая себе контроль над голосом. — Всё это шоу было ради кусочка металла? Это и есть твой великий секрет?

— Это ключ, Джейс, — тихо сказала она, и в её голосе снова зазвучала сталь. — И теперь он у нас.

— Ладно, ладно. Так что там с медалью? — растерянно ответил парень.

— Монетой! — вприсилась Амайя, её голос стал чуть более гневным. — Ты вообще слушал?

— Да-да-да! Всё слушал, всё прости. Продолжай. — извиняющимся тоном сказал Джейс, стараясь скрыть волнения.

Она кивнула — готовая раскрыть всё, что знает, — и тьма кабинета словно сгущалась вокруг них, превращая их разговор в важное и серьёзное расследование.

— Дом был в полном беспорядке. Полицейские оставили всё как есть, — продолжила Амайя, — затем я узнала о разборке в квартире Сары и Куин — всё было растрёпано, всё вверх дном. И это не было случайностью.

Она сделала паузу, убеждаясь, что Джейс слушает внимательно.

— А потом... — её голос тихо сместился во шёпот, — похитили Куин. И на стене оставили надпись: «Мы следующие».

Джейс медленно перевёл взгляд с монеты на её лицо, его глаза заискрились тревогой и напряжением.

— Ты уверена, что монеты не было в квартире и раньше? — спросил он с напряжением, стараясь спрятать растерянность. — Может быть, ее кто-то из знакомых оставил?

Амайя взглянула на него, её глаза отражали смесь решимости и осторожности, словно она сама ещё не наполнила все тайны.

— Вот почему я должна разобраться. Если эта монета — часть игры, то я должна знать всё сейчас. Абсолютно уверена, что это не Куин, — твердо заявила Амайя, её голос звучал будто бы она сама убедилась в чем-то важном и неопровержимом. Её глаза горели решимостью, а тонкие пальцы крепко сжали монету, которую она держала в руке. На её лице читалось недюжинное спокойствие, словно она уже разобралась в сложной головоломке и знает источник этого послания.

— Тогда логично, — вмешался Джейс, чуть смущенно подтягивая опущенные плечи и стараясь выглядеть более уверенно, — первым делом нужно вернуться к дому Уокеров, всё еще раз осмотреть. Может быть, там есть какие-то детали, которые ты пропустила. Вдруг эту монету

оставил убийца или похититель — кто-то, кому важно оставить свой особый знак, будто бы подчерк.

Амайя застыла на месте, словно ошарашенная этим предположением, и посмотрела на Джейса с выражением, в котором смешались и удивление, и милое раздражение — будто наконец-то кто-то понял её идеи. Её глаза заискрились чуть ярче, когда она произнесла:

— Ну наконец-то! Хотя кто-то здесь обладает хоть какой-то долей ума! — её голос прозвучал чуть хмуро, но внутри чувствовалась гордость за то, что кто-то разделяет её видение ситуации.

— Аээ, спасибо, — пробормотал Джейс, чувствуя себя неловко, словно был уличен в какой-то неуклюжести. — Так это же логичная версия, ведь так? Вроде бы всё просто: ищем монету в доме Уокеров, и тогда, возможно, всё станет яснее. Может, и убийца, и похититель оставляют такой знак, словно подчеркивая, что тут именно их работа. И вообще, какой слабоумный сказал тебе, что это бред?

Амайя кивнула, чуть улыбаясь, и тихо произнесла:

— Лукас... — её голос прозвучал мягким, чуть задумчивым, с оттенком доверия.

— А, ну так я и говорю, слабоумный — с улыбкой ответил Джейс, чуть съехав вправо и потеряв шею, — Твоя теория вполне логична. Всё указывало на то, что тут есть что-то большее, чем кажется на первый взгляд.

Амайя слегка нахмурилась, потом сдержанно сказала, — Вот именно, Лукас мне говорил, что я одержима, что я вижу слишком многое там, где есть только обычная улика. Но не важно. Главное — найти монету в доме Уокеров. Тогда всё станет на свои места. Это — моя единственная надежда, чтобы раскрыть всю правду.

Джейс, чувствуя, что разговор зашёл в важное русло, посмотрел на нее внимательно, его глаза поблескивали с вниманием. Он сделал глубокий вдох, и ощущение холода мгновенно пробежало по его спине, словно предчувствие чего-то важного. Затем тепло разлилось внутри, снизу, в том месте, где точно не должно быть, тем более сейчас, и он чуть склонил голову, смотря ей сверху вниз.

— А нам обязательно вот так стоять, прямо друг напротив друга? — его голос звучал мягко, немного выше, чем обычно, с оттенком игривости, словно он нервничал, пытаясь скрыть своё волнение.

Амайя удивлённо вскинула брови, чуть улыбнулась и ответила, едва заметно смутившись:

— Нет, а что? — её голос прозвучал искренне, явно не понимая, к чему он клонит.

Джейс мгновенно вышел за дверь, бросая взгляд через плечо. Снаружи, казалось, будто оба стоят в необычной позе — словно что-то между дружеской игрой и интимным мгновением, скрытым за легкой неуверенностью. Его сердце забилось чуть быстрее, когда он осознавал, насколько много значит для него эта небольшая, казалось бы, банальная ситуация.

— Ладно, — наконец, сказал он тихо, — поехали сегодня вечером, перед вечеринкой Деймона. Могу отвезти к тому дому, посмотреть там еще раз.

Амайя, сразу же улыбнувшись и слегка растерявшись, крикнула ему:

— Серьезно? Спасибо! — и тут же обняла его, чувствуя лёгкий трепет внутри. Их взгляды пересеклись на мгновение, и в этот момент между ними словно пробежала невидимая искра.

Полицейский участок окутывала мягкая, густая тишина, нарушаемая лишь тихим шорохом движущихся бумаг и тихими шорохами собственной мысли. За окнами уже темнело так, что даже на улицах почти не было видно живого движения. Внутри же комната казалась наполненной неуловимой атмосферой напряжённости и ожидания, словно сама стена могла потерять в себе шорохи и шепоты, скрытые под слоем времени и ночи.

Большинство сотрудников уже давно покинули это место, усталые, разбитые и, возможно, немного подавленные, отдавали свои посты и уходили к себе домой, оставляя лишь несколько последних человек, как роботы, продолжая работу, словно их смена еще не закончена. Среди них был единственный, кто не покидал своего места — Тайлер Оливейра. Он сидел за широким дубовым столом, покрытым кипами бумаг, фотоальбомами и отчетами, и глаза его неотрывно следили за тем, что было перед ним.

Лицо Тайлера было усталым, тонкое, с тонкой тенью тревоги, отражающейся в глубоких глазах. Он будто бы боролся с чем-то внутренним, что не до конца объяснялось разумом. Его рука медленно перелистывала листы — отчёты, свидетельские показания, карты и фотографии, которые, казалось, образовывали сложный узор. Он видел в них что-то большее, чем просто изображения и слова. Каждая фотография: пятна кровавого сока на полу, запачканные кровью ступни, разбитая дверь, разбросанные предметы — всё было словно часть сложной мозаики, связанной между собой невидимой нитью.

На стене прямо перед ним висела огромная доска, испещренная всевозможными фотографиями — места преступлений, улики, следы, следы ног, кровавые следы в лесу, где они нашли загадочные кровавые пятна, и даже размытое изображение человека, снятое камерой видеонаблюдения возле дома Уокеров. Фотографии были прикреплены булавками, а некоторые — соединены нитками, словно Тайлер пытался выявить внутреннюю структуру происходящего, понять кто и зачем всё это делает.

Время от времени он поднимал голову, чтобы взглянуть на доску, словно соединяя последние улики, или пытался разглядеть за этими изображениями нечто большее, чем просто случайные детали. В его взгляде читалась решимость, хотя лицо было усталым, а брови по-прежнему слегка нахмурены.

В этот момент дверь кабинета тихо приоткрылась, и в комнату вошёл молодой полицейский — Майк Бринстон. Его лицо выражало беспокойство, а в руках он держал несколько папок с документами — поосторожно, словно опасаясь нарушить тишину. Он замер в дверях, давая понять, что не хочет мешать, и начал осторожно протягивать руку.

— Не помешал? — спросил Майк тихим голосом, подходя близко, — я принёс вам новые материалы по делу. Всё в порядке?

Тайлер, чуть склонив голову, поднял взгляд, усталую улыбку пробежала по лицу, как луч солнца сквозь тучи.

— Спасибо, Майк, — ответил он мягким, немного усталым голосом. — Просто пытаюсь разобраться. Всё это — как части одной огромной головоломки. Эти фотографии... Они словно собирают вместе какие-то странные куски. Кровь в лесу, следы в квартире и эта тень на камере... всё указывает на то, что кто-то очень тщательно планирует свои действия.

Майк, рассаживаясь рядом и показывая немного напряжённое лицо, кивнул.

— Да, особенно меня сильно тревожит, что следы крови ведут не только к месту преступления, но и уходят вглубь леса. Кажется, словно кто-то там искал что-то или старался что-то скрыть. И эта тень... Ты заметил, как быстро человек покинул дом Уокеров? Не похоже на просто случайного прохожего. Там явно что-то большее.

Тайлер задумчиво потер подбородок, его пальцы чуть сжались в кулак, словно собираясь в самом себе.

— Я тоже это заметил. И кроме того, меня очень беспокоит разгром в квартире. Там явно была борьба. Кто-то явно оставил предупреждение или послание. Это не просто хулиганство — тут явно что-то личное. Всё ощущается как сигнал, как призыв или предостережение.

В комнате повисла гнетущая тишина, наполненная только шепотом мыслей, тревожных догадок и мрачно-игристого света ночных ламп, падающего на бумагу и фото, словно освещающая тайны, которые пытается разгадать сейчас только один человек. Время словно остановилось: за стенами суетилась боль и надежда, а внутри — свет и тень переплетались в сложной

игре. Именно так, в этой атмосфере напряжённого ожидания и скрытых секретов, продолжала сосредоточенно трудиться команда, чтобы раскрыть все слои этой загадочной и до боли запутанной истории.

— Ты думаешь, что всё это связано с Куин? — спросил Майк, слегка наклонившись вперёд, его голос звучал настороженно, словно он боялся услышать ответ, который мог бы подтвердить его худшие опасения. В помещении было тихо, за окнами тихо шел дождь, стекла отражали мягкий свет настольной лампы, создавая ощущение некой необъяснимой загадочности. Майк внимательно следил за выражением лица Тайлера, и в его глазах мелькнула искра тревоги, пока он ожидал ответа.

— Без сомнений, — спокойно отвечал Тайлер, чуть пожав плечами. — Куин была следующей жертвой. Всё указывает на то, что её похищение и последующие события — часть одного и того же плана, тщательно спланированного кто-то, кто хочет, чтобы мы боялись.

Майк нахмурился, его рука медленно поднялась к подбородку, словно он пытался понять всю важность услышанного. В его взгляде читалась смесь опасений и сомнений.

— А как насчет вашей дочери? — внезапно спросил он, делая упор на каждое слово. — Амайя что-нибудь знает? Она ведь очень настойчиво рылась на месте преступления... И на последнем тоже была... Ты ведь знаешь?

Тайлер вздохнул, его лицо стало жестче, и в глазах мелькнула тень усталости. Он медленно отвёл взгляд, словно стараясь скрыть внутреннюю борьбу.

— Амайя — сложный человек. Она многое знает, — произнёс он со спокойной твердостью, — но не факт, что захочет говорить. Я с детства внушил ей чувство недоверия к другим, потому и не удивительно, что она иногда уходит в себя. Но она — вовсе не такая, как я. Её многое досталось от матери...

Пауза затянулась. Майк заметил, как Тайлер жестикулирует, указав на фотографию, лежащую на столе. Это была фотография детей, вызванная при пожаре в банке — изображение в черно-белых тонах, в которых отчетливо угадывались детские лица, искренние и беззащитные.

— И всё же — что это значит? — спросил Майк, указывая на фотографию. — Вы думаете, что всё это связано с этим? Или... или всё это просто совпадение?

Тайлер посмотрел на фото, его взгляд стал мысленным, дальним, и он медленно произнёс:

— Я больше, чем уверен. Всё указывает на то, что за этим стоит кто-то, кто хочет отомстить. Такое ощущение, будто мы уже давно на прицеле.

В этот момент в комнате зазвонил телефон. Тайлер взял трубку, его лицо мгновенно изменилось — в нем появилась серьёзность и холодное напряжение. Он слушал, не перебивая, глаза расширились, и на его лице читалась тревога.

— Что не так? — спросил Майк, заметив перемену.

— Найден труп. В лесу, недалеко от старой тропы, — коротко ответил Тайлер, выдерживая паузу, словно каждый сказанный им слово обходил опасность. — Говоришь не связано?

Они обменялись взглядами, наполненными тяжестью услышанного, и в воздухе повисло густое молчание. Комната будто затихла, словно сама земля затаила дыхание, ожидая следующего удара судьбы, который мог бы всё изменить.

Атмосфера становилась всё более загадочной, зловещей, и таинственное ощущение, что за этим стоит что-то гораздо большее, проникало в каждую клетку их тел.

Вечернее небо рассеивалось мягкими оранжево-розовыми красками, создавая теплую пелену над домом Уокеров. Тихая улица казалась погруженной в спокойствие, только редкие огоньки уличных фонарей нарушали эту идиллию. Перед въездом стояли полицейские машины

— их мигающие огни отражались в окнах, создавая таинственную атмосферу. Немногие офицеры, будто на стороже, внимательно осматривали дворы и тротуары, будто ожидая чего-то.

Джейс медленно остановил свой автомобиль почти у самой кромки тротуара, выключил мотор и повернулся к Амайе. Его темные брови были чуть сдвинуты, а глаза — мельком оценивали ситуацию. Он хлопнул дверцу и уловил в себе искру раздражения, когда заметил, что полицейские всё еще здесь, несмотря на обещания уехать.

— Вот что... — произнес он тихо, почти шепотом, словно боялся нарушить вечернюю тишину. — Почему они всё еще стоят здесь? Они должны были уехать! Всё должно было закончиться, а они — всё так же на своем посту.

Амайя, сидевшая спереди в машине, взглянула на офицеров, затем на Джейса, и чуть улыбнулась. В её взгляде — спокойствие и уверенность. Она машинально поправила пиджак и слегка наклонила голову, словно пытаясь понять расположение сил.

— Всё нормально. Не волнуйся — сказала она мягко, почти шепотом, — они должны уехать. Может, чуть позже, без спешки. Всё это не так уж плохо, как кажется. Просто надо подождать.

Джейс, чуть качнувшись вперед, отпустил рукоять дверцы и вышел из машины. Он мягко потянулся, будто сбрасывая усталость после долгой дороги, посмотрел на улицу, потом на дом, закатил глаза и с интересом взглянул на спутницу.

— Как у тебя дела? — спросил он, садясь в машину, голос его звучал с оттенком иронии, а в глазах, — Вроде бы, мы уже давно не болтали по душам.

— Знаешь, я пытаюсь разобраться с этим делом, хотя бы чуть-чуть — она протянула плечами с легкой усмешкой. — Побывала на всех местах преступления... Там, где похитители минимум двух наших знакомых, разгромили квартиру моих подруг. В общем, ты же понимаешь — всё просто отлично.

Джейс, усмехаясь, скрестил руки и посмотрел на нее с лёгкой иронией.

— Не знаю, что и думать... Ты же сама лезешь туда, куда не надо, — он бросил взгляд на её плечи.

Амайя пожала плечами, слегка отпрянула, чтобы лучше разглядеть его лицо в сумерках.

— Ну, извини. Я просто не умею сидеть сложа руки. И, честно говоря, мне важно знать правду и держать ситуацию под контролем. И ты сам меня в это вовлек, так что — без обид. — Она вздохнула и взглянула в темнеющее небо. — Мои дела не легче. Еще и родители... Эти постоянные скандалы... Извини, просто все это... Как твои дела? Родители все еще ссорятся? Мы редко, когда говорили на эту тему.

Джейс, чуть напряжённо, посмотрел в землю, потом мягко поднял глаза и произнёс:

— У меня не всё гладко. Весь этот семейный утренник, что ни говори... Мои папа и мама — две противоположности. Они даже не пытаются понять, что я и моя сестра — не просто часть этой их возни. Отец... он никогда не был сильно близок. Его день — это работа, его слова — сухие и холодные. В детстве я привык к слезке и недоверию — наверное, это стало частью меня. А теперь, все стало еще сложнее. Все вышло на новый уровень и становится хуже и хуже, мы с Эбби уже привыкли к этому, но не привыкнем к отсутствию отца в доме... — Джейс почесал переносицу, не привыкая говорить о таком

Амайя улыбнулась, искра её искусства и харизмы засияла в темноте.

— Ну, если станет легче, знаешь, иногда я думаю, что хороших семей не бывает. Или, по крайней мере, — даже те, у которых всё вроде бы хорошо, лишь делают вид. Мой отец с детства учил меня недоверию, чувству справедливости, как быть на страже. А теперь сам врет без конца.

Джейс ответил с искрой в голосе, чуть прищурившись:

— Может, он защищает тебя? Чаще любимые люди предпочитают скрыть правду, чтобы она не ранила нас.

Амайя посмотрела на него с лёгкой ухмылкой, прищурилась и ответила:

— С тобой всегда невозможно разговаривать, ты знал?

— Невозможно говорить с тем, кто постоянно прав. — раздался голос Джейса, его голос будто едва заметно прохрипел сквозь ночную тишину. Он смотрел в сторону горизонта, держа руки в карманах тонкой куртки, глаза мерцали в свете уличных фонарей. — Родители не обязаны быть нам друзьями. Их долг — просто уберечь нас... Но кто тогда уберёжет их, когда им это больше всего нужно? — его улыбка была ироничной, словно он сам задавался вопросом, кто защитит его этих сильных и сложных людей.

Амайя сверлила его взгляд с небольшим сарказмом, улыбка скользнула по её губам, прежде чем она ответила, чуть пренебрежительно, словно говоря о чём-то банальном, но при этом — с внутренним холодом и хитростью:

— Можешь, пожалуйста, вести себя почаще как заносчивый идиот? А то видеть тебя в такой сфере... Непривычно. — Её голос звучал мягко, с терпкой ноткой насмешки.

На это момент, словно по команде, в воздухе появился неуловимый стиль шерифа — шляпа опустилась на его лоб, и его резкий голос разорвал ночной покой:

— Вот так лучше... — её улыбка заиграла еще ярче, словно она полностью контролировала ситуацию.

— Пойдём, — наконец произнёс он, поворачивая ключ и глуша мотор, — теперь, всё зависит только от нас.

Дом Уокеров встретил их мертвой тишиной. Казалось, стены впитали весь свет, оставив лишь тусклый огонек лампы, который больше пугал, чем освещал. Тени вытягивались, ползли по полу и потолку, словно живые, словно кто-то невидимый двигался вместе с ними, наблюдая из темных углов.

Под ногами предательски скрипели прогнившие доски. Каждый звук отдавался эхом в пустых коридорах, напоминая о жизни, которая давно угасла. Холод пробирал до костей, проникая сквозь щели в окнах, и этот ледяной ветер казался дыханием самого дома. Где-то в глубине слышался тихий шорох — может, ветер, а может, что-то гораздо хуже. Но этот звук заставлял кровь стечь в жилах.

Амайя шла впереди, и Джейс видел, что с ней происходит что-то страшное. Она избегала его взгляда, словно боялась, что он увидит всю боль, которую она прячет внутри. Между ними выросла невидимая стена. Когда он попытался спросить, что случилось, её голос стал резким и холодным. Она закрылась, заперла свои эмоции на замок, и этот холод обжигал сильнее огня.

Джейс почувствовал, как внутри всё сжалось. Он видел, как бегают её глаза, как она пытается скрыть дрожь. Амайя отошла в тень, растворяясь в мраке, и он остался один на один с нарастающей тревогой. Дом казался живым существом, которое дышало им в спину.

И в этот момент на него нахлынуло прошлое. Воспоминания ударили так сильно, что реальность поплыла. Ему снова привиделись бесконечные коридоры, стены, сжимающиеся вокруг. Мрак, крики вдалеке, полные ужаса и отчаяния. Он пытался идти вперед, к свету, но лабиринт менялся, запутывая пути. Сердце колотилось, дыхание сбивалось. Он чувствовал себя беспомощным, словно тогда, когда не смог защитить тех, кто был ему дорог. Внутри зияла рана — боль и безнадежность прошлого, которое не отпускало.

Но Джейс моргнул, выныривая из этого кошмара обратно в реальность. Воздух здесь был таким же холодным и тяжелым, но теперь он знал: он не может быть просто зрителем. В этом доме скрывалась угроза, и он обязан был раскрыть правду, какой бы страшной она ни была.

Он решил не давить на Амайю. У неё были свои причины молчать, и он решил довериться её чутью. Если ей нужно будет сказать что-то важное — она скажет. Сейчас главное — дело. Он прислушивался к каждому шороху, понимая, что время утекает сквозь пальцы. И время было против них.

— Значит, ищем монету? — спросил он тихо, с напряжением в голосе, оглядываясь по сторонам, как бы не пропустить ничего важного.

Амайя кивнула, взгляд её был сосредоточен, решителен и чуть тревожен.

— Да, но нужно торопиться, чтобы...

— Чтобы что? — перебил её Джейс, ощущая лёгкую тревогу. — Успеть до приезда другой смены копов.

Амайя удивлённо посмотрела на него:

— Да, ведь время их замены составляет...

— Пятнадцать минут, знаю, — снова прервал её Джейс.

Амайя удивлённо посмотрела на него, чуть улыбнулась — в её глазах мелькнул внутренний холод, проявляющийся в решимости и внутренней стойкости. Она очень хорошо понимала, как важна каждая минута.

Крепко обшаривая каждый уголок дома, они по-другому чувствовали напряжение — оно витало в воздухе, тяжёлым шёпотом напоминая о тех темных тайнах, что скрываются в этих стенах. Они проверяли шкафы, ящики, зазирали под мебелью, внимательнее, чем обычно. Ничего не находили. Джейс держал нож наготове, его пальцы сжимали рукоять так, что будто это была единственная опора в этом мраке. Он прислушивался к любым звукам — к скрипам и шорохам, будто дома скрывался страшный зверь, готовый выпрыгнуть из темноты.

— Нам надо уходить, — тихо произнёс Джейс, оборачиваясь к Амайе. — Времени почти не осталось.

Но она не спешила — было видно, что её взгляд и внутреннее состояние отличаются от его. В её глазах читалась решимость, а в движениях — неподдельное спокойствие, словно бы она готова бороться до последнего вздоха. Она продолжала искать, не обращая внимания на панический напор времени.

— Ладно, понял, значит поторопимся — ответил Джейс, закатывая глаза, чувствуя, как напряжение становится почти невыносимым.

Резкий неожиданный звук прорезал тишину. Что-то с другого конца дома заскрипело, словно тяжёлый предмет передвигался по полу, тяжело и медленно. В этот момент всё остановилось — напряжённая тишина, казалось, затянулась на века. Объединив свои взгляды, Джейс и Амайя мгновенно поняли — не один в доме.

Странные звуки усиливались: тихие шаги, приглушённые шорохи, будто кто-то крадётся или шныряет по дому, скрываясь в темных уголках. Сердце Джейса забилось быстрее, словно он слышал смертельный приговор. Он схватил нож, его глаза засияли стремлением защитить и выжить. Медленно, осторожно, он двинулся в сторону кухни, приглушённым жестом приглашая Амайю оставаться позади. Она кивнула, сжав руки, в которых дрожали пальцы — признавая себе, что даже она чувствует страх, кипящий в её груди.

Резко войдя в комнату, Джейс услышал звук, и, не выдержав, закричал. Перед ним стояли две фигуры — Ксения и Эбби, тоже охваченные страхом. Их глаза были широко раскрыты, лицо побледнело от ужаса, как будто они видели нечисть. Их фигуры дрожали, каждый миг казался последним.

— Вашу мать! — прорвал Джейс, пытаясь взять себя в руки, вопль пронзил тишину. — Эбигейл, какого черта! Вы меня напугали до смерти!

Эбби запрыгала от страха, её голос звучал трясущимся голосом:

— О, привет, Джейс, а мы... мы думали, что в доме кто-то есть. Мы услышали шум и решили проверить...

Джейс зарычал, сдерживая гнев и удивление:

— То есть, проходя мимо этого дома поздней ночью, вы услышали шум и решили проверить? Вписка идиотов просто! — его голос звучал жёстко. — Неужели вы наивно полагаете, что я поверю в такую херню?

Эбби, всё ещё напряжённая и словно на грани истерики, быстро объяснила:

— Блядь, стойте! Почему именно вы здесь? Ты же говорил, что у тебя важное дело, и пришлось отложить разборки с Ашером и Деймоном!

Джейс, чье лицо было непроницаемым, словно он уже давно заметил что-то чужое, не мог скрыть раздражения в голосе:

— Так ты сама говорила, что не можешь! Значит, твоё дело — такое же безумное, как и мое!

Ксения, уставшая слушать споры и оправдания, нахмурилась, устало вздохнув:

— Мы расскажем, зачем мы тут, но не уверена, что вы поверите... — и с трудом заставила себя начать. — И Ксю рассказала все с самого начала, не забывая о каждой мелочи про свой сон.

Её голос задрожал, а взгляд стал почти испуганно-прозрачным, когда она делилась своими мыслями. Джейс слушал сдержанно, но его глаза излучали осторожность и внутреннее напряжение — он не верил в случайности. После окончания её истории он поинтересовался:

— То есть ты экстрасенс?

Ксения, мгновенно почувствовав, что разговор уходит в странное русло, ответила с легкой усмешкой:

— Ну, что-то вроде того, я не ебу.

Джейс, осторожно кривя губы, не стал скрывать своего скептицизма:

— Ты понимаешь, как это звучит? Как бредово верить в подобное? И ты сама поверила? — спросил он смотря на сестру.

Эбби вздохнула, слегка склонив голову, и скрестила руки на груди:

— Просто я не исключаю ничего. Кто знает, что на самом деле происходит?

Амайя, уже устала от их бесконечных споров, отрывисто вмешалась:

— Всё! Времени слишком мало. Давайте разберёмся с этим позже, а сейчас — обойдем дом. Быстро, внимательно.

Джейс с трудом успокаивал свой внутренний страх, который всё сильнее захлестывал его. Он чувствовал, что что-то здесь не так — что-то очень опасное. Его голос был тихим, но решительным:

— Да, точно, и только, держитесь вместе и не теряйте бдительности. На сегодня сюрпризов с меня достаточно.

Четверо пошли, напряжённо прислушиваясь к каждому звуку, что прорывался из тёмных углов комнаты. Их взгляды бегали по бездонной тьме, которая казалась живой, словно вдыхая и выдыхая вокруг них. В воздухе витал холод, острый и режущий — как лезвие ножа, которым можно было бы прорезать любой страх. Здесь, в этом доме, каждая тень превращалась в опасную ловушку, а каждый шорох заставлял сердце биться чаще, — словно эта старая постройка могла в любой момент проглотить их целиком. Создавалось ощущение, что стены дышат, а дома скрываются в себе неведомые кошмары, которых ещё никто и никогда не видел до них — только слышать и ощущать их.

Этот дом перестал быть просто зданием — он стал живым существом, в котором каждый шаг мог оказаться последним. Холодный воздух сковал их тела, словно невидимый плен, и только тягостное ощущение, что что-то очень страшное кроется за каждым углом, держало их в этом мрачном объятии.

В доме царила настоящая суматоха и веселье. Музыка гремела в такт бодрим ритмам, наполняя пространство энергией и радостью. Люди шумели, смеялись, кто-то громко распевал любимую песню, кто-то выкрикивал слова в ладоши, подбадривая друзей. Атмосфера была искренне раскрепощённой — настоящая «тусовка», где каждый мог быть собой, забыв о повседневных заботах.

Лидия и Мейсон вошли вместе, и он крепко держал её за руку, с улыбкой приветствуя знакомые лица. Она, в свою очередь, оглядывалась по сторонам, словно подтверждая своё право принадлежать этому миру. В центре внимания стоял Деймон, прижавший Кейт к стене, отчаянно пытаясь выглядеть непринуждённо, хотя в его глазах читалась скрытая напряжённость. Тем временем Скотт и Сара, погружённые в игру с алкоголем, обменивались глухими шутками и ехидными улыбками, добавляя лёгкого торжества к общему веселью.

На фоне этого хаоса Лидия излучала добродушие и человечность, весело наблюдая за разыгрываемыми между друзьями сценами. Мейсон, как всегда, старался оставаться милым и тактичным, несмотря на окружающий беспорядок. Однако его взгляд задержался на Ашере, который не отводил глаз от Ребекки. Эта безмолвная сцена показалась ему странной и тревожной. Решив вмешаться, Мейсон взял в руку стакан с пивом и «случайно» пролил его прямо на Ашера.

— Ашер, друг, прости, пожалуйста! — произнёс он, стараясь звучать непринужденно.

Ашер обернулся, его лицо стало холодным, а выражение — неподвижным, даже немного жестким.

— Мейсон, что ты тут делаешь?! Какого хера?! Сука! — вспыхнул он, его голос звучал ровно, но с оттенком заметной строгости.

— Не сердись, просто мне кажется, что тебе нужно передохнуть и остыть, — попытался успокоить его Мейсон, чувствуя, как внутри него поднимается волнение.

— Мейсон, иди нахер отсюда! Мне не нужно ничего. Не мешай мне! — проговорил Ашер, его слова были как нож, разрывающий атмосферу веселья.

Мейсон поднял руки в жесте, будто на него наВели пистолет, его страх отразился в глазах. Он чувствовал, как сердце бьётся быстрее, а ладони слегка вспотели.

— Может, найдём что-то, чем можно вымыть пиво с одежды? Не хочу, чтобы всё напрасно испортилось, — тихим тоном произнёс он, стараясь скрыть растерянность.

— Пошли, утырок, — холодно бросил Ашер, направляясь к лестнице, ведущей на второй этаж.

Мейсон кивнул, чуть улыбнувшись, и последовал за ним, хотя внутри него росло беспокойство. В этот момент Лидия, заметив их разговор, почувствовала, как тревога сжимает её сердце. Даже её добросердечность не могла скрыть беспокойство за друга.

Она перевела взгляд на Ребекку, которая стояла неподалёку, сжимая в руках стакан с недопитым пивом. Лидия сделала шаг вперёд, пытаясь заговорить, но Ребекка резко повернулась, мгновенно уловив, что что-то не так. Бекс, в отличие от Ашера, давно научилась читать между строк — и сейчас она ясно понимала, что эта гостиная не случайное место встречи.

— Что тебе нужно? — прямо спросила Ребекка, подняв бровь и глядя прямо в глаза Лидии.

Лидия, немного заикаясь, попробовала объяснить:

— Я, э-э... я просто хотела поговорить... о тебе.

Бекс нахмурилась и резко перебила:

— О чём конкретно? Или ты просто так решила на этом заварушку устроить?

Лидия нервно вздохнула, сжимая руки:

— Я заметила синяки на твоём теле. Скажи честно, тебя кто-то избивает? Пойми, я просто боюсь за тебя.

Ребекка взглянула на Лидию с обезоруживающей строгостью и холодом в глазах. Она резко повысила голос:

— Что?! Ты что вообще лезешь в чужую жизнь? Ты у нас тут кто?

— Я не хотела ничего плохого... — заискивающе прошептала Лидия, но жесткое выражение лица Бекс не смягчилось. Она приблизилась к Лидии:

— Всё это неправда! Не пытайся сюда лезть со своими тупыми советами!

Между тем Ашер, внимательно ища новую футболку, понял, что что-то здесь не так. Куда подевалась Реб? Он поначалу не сразу догадался, кто это устроил, но в его голове начало складываться ощущение, что Мейсон замешан в этом.

Пробираясь через кровать, он взял Мейса за шкирку, резко дернул и, шепча сомнительные замечания, сказал:

— В следующий раз, когда будешь проливать на кого-то пиво... Будь аккуратным.

Мейсон, испуганный и растерянный, упал на пол. Ашер крутился, словно в поисках доказательств. Через несколько минут он заметил, что Ребекка идет куда-то одна, избегая взгляда окружающих.

— Эй, стой! — крикнул он, когда догнал её у выхода из заведения. — Ты что тут решила рассказывать всем?

Он в ярости схватил её за руку и резко потянул. Его глаза горели гневом, а голос стал твердым и угрожающим:

— Какого хрена Ребекка! Что ты этим добиваешься?

Ребекка, оскалив зубы, попыталась вырваться, но Ашер был непреклонен. Он стал говорить уже с раздражением и угрозой в голосе:

— Не хочешь говорить — хорошо, я сам всё выясню. Но помни, руку свою снять ты не сможешь, пока не скажешь всё. — Многие резко посмотрели в их сторону и стали свидетелями происходящего, кто-то сразу достал камеры телефона, кто-то сразу шептаться, но Ашера это не волновало. Внутри он был уверен, что это был не случайный конфликт, а тщательно спланированная диверсия. И он намеренно делал всё, чтобы силу чувствовать и вывести правду.

Вечер уже плавно перетек в глубокую, насыщенную ночь. В этот час тёмное небо охватило окрестность, и только слабое мерцание звёзд озаряло тёмные силуэты деревьев за окном. В комнате царила тишина, нарушаемая лишь тихими стоном и шёпотом их дыхания. Кейт, словно одержимая желанием, не могла остановиться — она не скрывала своих чувств, её руки нежно и настойчиво касались лица Деймона, пальцы мягко скользили по его щекам, пробуждая внутри у него волны противоречий. Её губы, встречаясь с его, сливались в долгий, насыщенный поцелуй, наполненный страстью, но одновременно в нём слышалась тень внутренней боли и тоски.

Кейт ласково целовала его уголки губ, исследовала линию его рта, затем скользнула вниз к его шее. Там она оставила мягкие следы своих поцелуев — чуть влажные, чуть напряжённые, как поцелуи человека, ищущего не только физического удовлетворения, а и утешения, спасения. Её движения были полны ласки и искренней жажды прикоснуться, почувствовать его тепло, их слияние казалось почти магическим — как будто они учитывали каждую секунду, каждую тонкую «игру» чувств, которая могла затянуть их глубже, чем казалось возможным.

Деймон, обладая сильным и подтянутым телом, словно магнитом притягивал к себе взгляд Кейт. Широкие плечи, мускулистая грудь и руки, которые он тянулся обнажить — всё это усиливало их ощущение близости. Он аккуратно растегнул несколько пуговиц на её блузке, позволил руке просочиться под ткань, почувствовать её гладкую, тёплую кожу, и невольно вздохнуть, ощущая мгновение, которое казалось одновременно искушением и опасностью. В его взгляде мелькала долгая борьба — понимающе-терзающая тень, которая говорила о прошлых ошибках, о трагедии, которая произошла недавно. Впрочем, они оказались в спальне, где всё выглядело так естественно — тонкая ткань проскользнула по телам, оставляя за собой следы нетерпения и желаний.

Но вдруг Деймон замер. В его глазах вспыхнула тень сомнения. Он почувствовал, что его сердце бьётся быстрее, словно он был в одной руке с чувствами, в другой — с тяжелым бременем ответственности. Он остановился, словно невидимая стена внезапно выросла между ними.

— Кейт... — с трудом произнёс он, его голос звучал тонко, почти шёпотом, — я не хочу торопиться. Мне нужно чуть больше времени...

Кейт, всё ещё страстно и порывисто, не только не остановилась, но и увеличила интенсивность своих поцелуев, словно пытаясь прорваться через его слова и душевный шторм. Она прижалась к нему крепче, её губы целовали его как будто в этом заключена вся их надежда, вся искра страсти, которая помогала ей забыться. — Деймон, — прошептала она, прижимаясь к его губам, — мне всё равно. Всё, что я хочу — это быть с тобой. Просто будь со мной сейчас.

Он, словно внутренний голос зазывая или пресекающий собственные чувства, отстранился, глядя ей прямо в глаза. В его взгляде сияла борьба — страх и желание, сомнение и желание защитить её, свою душу от боли, от повторения ошибок прошлого. Он сделал ещё один шаг назад, дыхание его было тяжёлым.

— Я ценю тебя, — сказал он, — очень сильно. Но сейчас я не могу... я не на той ступеньке, чтобы отвечать на твои чувства так, как ты, наверное, хочешь. Надеюсь, ты поймёшь меня. Мне нужно время, чтобы разобраться в себе.

Кейт ощутила смущение и неловкость, словно холод окатил её внутри. Она тихо опустила руки, отпустила его лицо, и в тишине, покрытой неуловимым оттенком разочарования, пошла вниз по лестнице. В комнате осталась только тень их раздумий, тень незавершённой истории.

Молча они оделись, оставив за дверью спальни тяжёлое, полное чувства напряжение. И вышли по своим сторонам.

Амайя с Ксю и Эбби, словно три тени, тихо шарялись по дому, их шаги были мягкими и острыми одновременно — словно каждый новооткрытый угол мог скрывать что-то опасное или важное. Непрерывное шуршание старых фотографий, тихое шептание голосов прошлого — всё казалось наполненным этим особым ощущением тревоги и невысказанных историй. Кадры на снимках — радостные лица в ярких аттракционах, счастливые семьи на рынке, — растворялись прикиды ручейком загадочности. Лица, кажется, хранили свои тайны, словно играя с ними в прятки.

Пока они сосредоточенно изучали эти образцы жизни, Амайя вдруг взорвалась жалобой, которая этот раз пронзила воздух как ураган:

— Знаете, меня уже достал Лукас. Он не слушает меня, ничего толком не помогает дома, вот просто ни херна от человека не добьешься! — голос её дрожал, почти сломанный, и её глаза наполнялись тоской и разочарованием.

Ксю и Эбби обменялись взглядами, и в их глазах появилась тихая понимание — в этой сложности чувств, в этом клубке недоразумений, они оказались ближе друг к другу, чем когда-либо. Постепенно разговор перешёл в непринужденное, чуть слабое, но очень теплое обсуждение — о людях и судьбах, которые они раньше не замечали так ярко.

Но в этот момент Джейс, механизм подозрения и внимательности, заметил одну фотографию — на ней были вместе Кристиан и Амайя. Лицо его внезапно потемнело, словно его поразила молния — он сжёг взглядом снимок и с раздражением грубо бросил его в Амайю, как будто хотел сломать нить, связывающую её с этим человеком.

— Так значит, мы тут не людей спасаем, а ищем твоего любовника?! — с ехидной насмешкой спросил он, наблюдая, как лицо Амайи становится бледным.

Амайя, с трясущимися губами и глазами, полными слёз, попыталась объяснить:

— Джейс, подожди, пожалуйста, всё не так — я хотела объяснить, честно, ты должен понять...

Но его голос резко, с ехидством, перебил её, его слова ссохлись в воздухе, как нервный преступный выкрик:

— Да я дебил, похоже, по твоему. Думаю почему ты тут носишься, будто мы в какой-то романтической мелодраме? Списал все на давление — это оправдание, но давление у нас

тут у пизды или что? — его лицо было ироничным, а глаза — полными раздражения. — Ты до сих пор о нем мечтаешь? И это после того, что он сделал! А я-то думал, ты помогаешь отцу, честно, а оказывается — ты просто любишь его до сих пор!

Ксю и Эбби замерли, словно их внезапно ударила волна. В этом резком выплеске эмоций они увидели нечто иное — боль, ревность, разочарование, спрятанные под маской злости. Они не знали, как реагировать, их сердца сжались, а тишина наполнила комнату.

Амайя, искренне потрясённая, заикалась:

— Джейс, я честно — я просто хотела объяснить, мне очень трудно... Всё запутано, я не хотела причинять вам боль...

Но он резко, как ржавый нож, перебил её, его голос звучал холодно и колко:

— Ну да, конечно. И когда? Когда бы ты сказала? Когда наконец снова будешь с ним? Да? Говори честно! Я думал, мы команда, а ты тут — вся в этих своих тайнах! — Его глаза пылали и искрились такой яростью, что казалось — вот-вот всё взорвётся.

Он повернулся, бросил нож на пол, резко развернулся, и с отчаянной, почти яростной скоростью вышел из комнаты, оставляя девушек — словно тени, замерших в вакууме — в полном молчании, наполненном тёплой, болезненной тяжестью, которую было трудно распознать, а ещё труднее — забыть.

Эбби, с воплощением решимости, бросилась за Джейсом, хватая его за руку:

— Джейс, стой! Не уходи так! Мы — команда, нам нужно держаться вместе! Пожалуйста!

— Я терпеть не могу, когда меня используют Эбби. — ответил ей брат, даже не повараживаясь к ней.

Но он уже не оборачивался и быстро исчез за дверью, оставляя за собой только эхо его гневных шагов.

Тем временем, Амайя будто разрушилась внутри — рухнула на пол, как хрупкая кукла, и заливалась слезами, рыдая горько и беспомощно. Её тело тряслось, голос срывался в рыданиях, а всё, что казалось важным, — это бегство от этого смертельного напряжения. Ксю осторожно присела рядом, её руки мягко прикоснулись к лениво капающим слезам, искренне пытаясь утешить:

— Амайя, всё будет хорошо, — тихо прошептала она. — Мы с тобой. Ты не одна.

Амайя всхлипнула, собирая воедино разбитые осколки внутри, и со слезами, полными страдания, шептала:

— Я просто... я не знаю, что делать. Всё так запутано, вся эта хрень, и я не могу из нее выбраться...

Ксю посмотрела ей в глаза и спросила:

— Амайя, ты его любишь?

Девушка замялась, глядя в пол, потом вздохнула:

— Я... не знаю. Но точно не хочу, чтобы он умер.

Ксю кивнула, сжимая её руку:

— Это уже многое значит. Ты не одна, мы поможем тебе разобраться.

После того как они услышали зловещие стоны и скрежет, будто кто-то движется по лестнице сверху, их охватил ледяной страх. Амайя с дрожью взяла нож, брошенный ей Джейсом, боясь даже дышать в этот ужасный момент. Они медленно, почти зарываясь в тень, начали медленное восхождение на второй этаж. Каждый их шаг казался словно раздавался эхом в пустом доме — каждое скрипение пола напоминало угрожающий шепот смерти. Они уверены, что кто-то уже мчится мимо них — может, сам Джейс, решивший сыграть ещё одну ужасную шутку, или что-то более зловещее. Ксю, крича в неробстве, зловеще звенит голосом — ей кажется, что в мраке кто-то дышит рядом.

Когда они наконец доползли до двери спальни и осторожно вломились внутрь, там было пусто — никаких признаков жизни, только полумрак и тишина, которая кажется густой и тяже-

лой, словно висит над ними смертельной паутиной. Но внезапно из тени сзади в Амайю идущая тень хватается за ее горло, резко дергая и вырывая из ее рук нож. В руке у фигуры сверкает тесак, кровь на лезвии брызжет каплями, и ужас охватывает их обоих. Они начинают кричать, их крики сливаются в страшный хор страха — ничего не видно, лишь кровавая темень и дикая борьба за выживание.

Амайя, не теряя присутствия духа, ударяет в ногу нападателю, его рев и боль звучат сквозь крики, а затем она пускает в него нож — красная кровь льется на пол, и тварь взрывается зловещим криком. В этот момент злоумышленник кидает нож прямо в их сторону с демонстративным грохотом, словно хочет разорвать их на части. Ксю, заметив, что нож вот-вот попадет ей, рухает на Амайю, её тело падает на девушку, уклоняясь от смертоносной режущей кромки. Маньяк, с кровавой маской на лице, бежит навстречу им — его глаза полны бездушной ярости, а на лице — диковинная маска, за которой скрывается лицо, полное пропасти.

В смертельной борьбе оба падают с лестницы — страшный грохот, кровь, багровые капли разбрызганы по лестнице и стенам. Маньяк становится навстречу Ксю и Амайе, схватывая последнюю зацепку их судьбы. Ксю, сердце бьется с ужасной быстротой, смотрит прямо в его маску, видит глаза — полные безумной пропасти и необъяснимого страха, и осознает, что она видела его в сне, где вечно мертвы смотрели на неё и хотели убить. В панике ей остаётся единственный шанс — она вскидывает перцовый баллончик и распыляет мощный струй, но маска всё ещё скрывает истинное лицо убийцы — кровь, потеки и тени вырастает там, где должен был быть человек.

Но это не спасает — очко страха почти охватывает её, когда маньяк немного отступает, чтобы снова схватить её и Амайю. Он хватит их — его руки выглядят как когти кровавых ножен, а кожа под ним — смертоносная рана, давно открытая смертью. В последней борьбе на грани жизни и смерти, оба падают с лестницы — кровь стекает по их телам, ужасная тишина сжимает пространство вокруг. Маньяк возвышается, готовясь нанести последний смертельный удар — его рука с тесаком поднята высоко, мрачный силуэт нависает над ними.

Но в этот момент, словно по волшебству, распаивается дверь, что ударяет прямо в спину убийце — и с мощным грохотом в комнату влетает Джейс, с битой в руке — он будто призрак ада, его лицо искажено зловещей решимостью. Он сталкивается с маньяком, нанося сильнейший удар прямо по его маске, которая тут же разбивается о землю, открывая кроваво-измараванное лицо убийцы. Стена пламени крови, рваная плоть и страшные звуки борьбы заполняют комнату. Джейс, с криком, наносит еще один, роковой удар, и тварь, наконец, падает, словно ветром сдутая.

Джейс метнулся вперед, бросая на землю свою битую с коротким грохотом, его лицо было искажено острой тревогой и растерянностью. Он крепко хватал девочек за руки, пальцы сжимали их с такой силой, что казалось, вот-вот вывернут их кости. В панике он понёсся через улицу, сердито оглядываясь назад, ведь в темноте уже показался силуэт машин, которые подъезжали к их позициям. Машина остановилась неподалёку, двери распахнулись — и Эби сразу крикнула, указывая им внутрь:

— Долго дрочить будете? НА ВЫХОД!

Ребята бросились внутрь, и внутри ощущался холодный страх, мешанный со своим переживанием. Эби, заведя мотор, тут же тронулась с места, чуть не зажимая поцарапанный руль. Поглядев через боковое стекло, она спросила с напряжением в голосе:

— ЧТО ТАМ НАХЕР БЫЛО?

Джейс вздохнул глубоко, стараясь собраться с мыслями и избавиться от сжатого комка в горле. Он переводил дух, поднимая взгляд на девочек — Все в порядке? Синяки, кровь, порезы? — Его голос звучал более спокойно, чем чувствовал сам.

Амайя дрожащими руками подняла подбородок и закончила — Да, вроде всё нормально. Спасибо, что вернулся... — Она мягко посмотрела на Джейса, пытаясь скрыть свою крайнюю тревогу, прижимая руки к телу, словно искала защиту от невидимой угрозы.

Джейс заметил её сдержанность и мрачно фыркнул — Не обольщайся. Уехал бы, если бы не услышал ваши крики... — В его глазах горел неистовый огонёк, он переводил взгляд с окна на девочек.

Амайя вздохнула, пытаясь вспомнить детали:

— Какой-то псих в маске... Я не успела разглядеть её толком. Было так темно... — Она чуть отступила на сидении, словно закрываясь от страшных воспоминаний.

— Маска птицы, с темными бездонными глазами и клыками, запачканными в крови... Именно такую я видела во сне. Реальным сном или чем-то иным — не знаю. — ответила Ксения, будто под гипнозом, её голос срывался, когда она говорила о видении, её глаза были полны тревоги.

Ксения, находившаяся рядом и слушавшая эту мрачную историю, почувствовала, как у неё сжимается сердце. В растерянности она спросила — Кто-то лицо видел? Может, запомнил хотя бы что-то?

Джейс опустил взгляд, чувствуя, как дрожь пробирается по телу. — Нет, было слишком темно. А она... вся в крови, и я не собираюсь возвращаться туда, чтобы узнавать больше. — Его голос стал тверже, в нём слышалась решимость.

Джейс, чуть надорвённо и сурово, подхватил — Куда вообще едем? — его брови сложились в мрачную линию, он беспрекословно смотрел в окно и жадно отмечал каждую тень.

Амайя, закрывая глаза, нервным движением коснулась пальцами виска, и её лицо искажилось от волнения:

— Самое безопасное — место, где много людей. Там он не появится, или если даже он выживет, там нас точно не найдут. — Она говорила в панике, словно что-то внутри подсказывало ей, что в этой ситуации нужно держаться как можно ближе к толпе.

Эби подняла брови, вглядываясь в дорогу, и спросила с натянутым голосом — Где же тогда самое людное место у нас сейчас? — и все четверо замерли, переглянулись, словно прокручивая в голове варианты.

После короткой паузы Эби, твердая и утвердительная, взяла руководство в свои руки:

— Едем к дому Деймона.

Все сидели в напряжённой тишине, когда машину, быстро набирающую обороты, окружили тени ночи. Они ощущали, что опасность всё ещё не прошла, и даже в людном месте зло всё равно может найти их. Но сейчас у них не было другого выбора — только надеяться, что там смогут найти ответы и укрытие.

Вечеринка кипела вокруг, и музыка грохотала так, что казалось, сама земля под ногами вибрировала. Свет мерцал, создавая причудливую игру теней и ярких пятен на стенах. В центре этого хаоса стояли они — ребята, явно отличавшиеся от остальных своими следами недавней борьбы: кровь на одежде, синяки под глазами, мелкие раны, чуть поблескивающие в тусклом свете. Один взгляд на них — и было ясно, что их вечер начался не так, как у остальных. Но почему-то никто явно не придавал этому значения. Толпа играла, смеялась, пила, — и даже не поинтересовалась их состоянием.

— И что нам теперь делать? — тихо спросила Ксения, пожав плечами, пытаясь избавиться от тяжелого груза на душе. Ее голос немного дрожал, и в его тоне звучала усталость, смешанная с тревогой.

Эбби, стоявшая чуть поодаль и внимательно наблюдавшая за окружающими, ответила с легкой усмешкой, наполненной скрытой решимостью, которой она не особо блистала в подобные моменты:

— Сливаемся с толпой, делаем вид, что ничего не было. Говорю, глаза открыты, — добавила она, глянув искоса на остальных, — ни в коем случае не отходим далеко. Нам нужно сохранять спокойствие и рассудок.

Бомбер Джейса и рубашка Ксении были залиты кровью — яркими пятнами, которые невозможно было не заметить. Амайя, стоявшая рядом, строго посмотрела на них и сказала:

— Снимайте это. Нам не нужны лишние вопросы и взгляды.

Они переглянулись, но возражать не стали. Джейс стянул куртку, оставшись в одной майке с глубоким вырезом, а Ксения сбросила рубашку, под которой оказался короткий топ.

В этот момент к четверке подбежала Сара — еле сдерживая возбужденные жесты, сияя от волнения:

— Вы вообще представляете? Деймон и Кейт уходили наверх в спальню одни! Где вы пропадали? Если заблудились... я ведь не поверю.

Ксения чуть улыбнулась, понимая, что Сара даже ничего не заметила, чуть поучительно и с нотками иронии произнесла:

— Не важно, Сара. Они еще найдут момент как опозориться. Не могли бы они просто потеряться или...?

Джейс, словно предугадав ее вопрос, ухмыльнулся, подловив повод для шутки:

— Ну, может, они наконец нашли друг в друге объект утешения? Им он точно необходим. Ашер тут? Или он тоже еще где-то прячется, как всегда?

Эбби бросила брату укоризненный взгляд, словно намекая, что его попытки отвлечься от темы — не на пользу ситуации. Однако, не пытаясь его остановить, она отвечала спокойно:

— Ты же не хочешь... — сказала она, кивком головы указывая на окружающую толпу, — а нам лучше сосредоточиться на том, что делается на самом деле. Иначе — нам не выбраться из этой жопы.

Джейс пожал плечами, словно признаваясь в чем-то:

— Кто знает, вдруг это наш шанс? — сказал он, кивая на дымчато-неясную сторону помещения.

Общая атмосфера становилась чуть тревожнее, когда они оба исчезли в толпе, оставляя остальных в молчаливом ожидании. Амайя и Ксю просто стояли рядом, наблюдая за сценой с безразличным спокойствием.

— Пойду найду Лидию, — решила вдруг Ксения, слегка наклонив голову к Амайе.

— Я присоединюсь к тебе, — ответила Амайя, взявший короткий вдох, — мне нужно немного передохнуть.

Они улыбнулись друг другу, и каждая направилась в свою сторону, оставляя момент за моментом.

Пока окружающие погружались в попытки заглушить свои внутренние боли — кто алкоголем, кто вниманием, кто надеждой на иллюзорное спокойствие — Лидия почувствовала необходимость найти уединение. Она направилась в туалет, поддавшись желанию на минуту скрыться от всего этого хаоса. Через дверной проём взгляд её наткнулся на Ребекку — ту самую девушку с бледной кожей, покрытой синяками и слезами, которая сидела на полу, сжав колени к груди и беззвучно всхлипывала. Это зрелище сразу же озадачило и тронуло Лидию.

Мягко присев рядом, она осторожно начала разговор:

— Ребекка, — произнесла она тихо, нежно, словно боясь нарушить хрупкое состояние девушки, — что с тобой? Можно присесть?

Ребекка медленно подняла голову, её глаза — полные страха, боли и лёгкой испуга — встретились с её. Глубоко вздыхая, она шепнула:

— Нет, — и в этом коротком слове было столько отчаяния, что сердце у Лидии сжалось.

Однако, несмотря на просьбу, Лидия подошла ещё ближе и села напротив, прямо так, чтобы чувствовать её плохое настроение и лёгкое сопротивление. Её руки опустились влар, она хотела передать Ребекке свою поддержку и теплоту, даже если понимала, что всё, что она сейчас скажет, может лишь усугубить ситуацию.

— Расскажи, что случилось... — мягко попросила Лидия, пытаясь быть безмятежной, чтобы не спровоцировать ещё больший страх или гнев.

Ребекка чуть приподняла голову, а слёзы катились по её щекам, отражая в них всю ту боль и отчаяние, что она пыталась скрывать. В её глазах застыл высокомерный вызов, ни капли доверия и слабости не скрылось за слезами.

— Тебе это нравится, да? Видеть чужие страдания и чувствовать себя лучше... — прошипела она, сквозь слёзы и волосы. Её голос был полон сарказма и злобы, она чуть приподняла голову, чтобы сделать свой взгляд ещё более вызывающим, а лицо необычайно хмурым.

— Чего? — Лидия молча слушала, испытывая внутри себя колкий укол боли. Её сердце сжималось, когда она наблюдала за этой девушкой, которая боролась, чтоб сохранить хоть иллюзию силы, но её слёзы говорили о разрушенной душе. Глядя на неё, Лидия почувствовала, как у неё наворачиваются слёзы, и она, стараясь не расплакаться, просто держала глаза открытыми, чтобы не уронить лицо.

Ребекка продолжила, её голос стал более включённым в поток собственных обвинений:

— Посмотри на себя, — сказала она, тихо, но с холодом, — на эту добродушную девчонку, которая маскируется под наивную и незащитную. Ты считаешь, что можешь помогать всем, потому что тебе кажется, что вокруг тебя всё хорошо? Ведь внутри ты никогда не была такой доброй, как думаешь. Вот скажи честно, ты сама то себя выносишь за этой маской доброй и наивной девчонкой? Даже дети не такие наивные как ты.

Лидия застыла, не в силах ответить, её сердце было разбито. Она смотрела на Ребекку, и в её взгляде больше было жалости, чем злобы. Её рты чуть приподнялись — не из-за сарказма, а потому что она чувствовала, насколько девушка уязвима и одновременно отчаянна в своей агрессии. С маленькой улыбкой говорила Реб, она смотрела, как Лидия наворачивала слезы, как старалась спрятать лицо

— Посмотри на меня, ощути себя в моей шкуре, почувствуй, как это унижительно, когда тебя видят уязвимой. — Лидия, немного колебаясь, посмотрела на Ребекку и ничего не почувствовала, только ноющую жалость к человеку напротив, как та из кожи вон лезет, чтобы сохранить собственное самообладание.

— Посмотри на себя, — почти шепотом произнесла Лидия, — тихая и ломкая, словно стекло, которое разобьется в любой момент. Ты сама себя унижаешь, прячась за своей жестокостью. Но всё равно, — добавила она, чуть сильнее запинаясь, — ты — самовлюбленная стерва, которая хочет казаться сильной. Ты словно подпорченный товар...

Ребекка в ответ взорвалась, её лицо перекошилось в гневной усмешке, и она выпалила:

— Да, я делаю всё, чтобы выжить, держу всех на расстоянии. В отличие от тебя, Лидия, я не бегу плакать к каждому встречному. Я справляюсь со своими эмоциями, даже если приходится идти на ужасные вещи. А ты, — она взглянула искоса, — даже не представляешь, что я могла бы сделать. Ты бы не прожила и дня, если бы все вокруг не вертелись только вокруг тебя!

— Но и ты ведь никогда не бываешь по-настоящему одна, — сказала Лидия, голос её стал мягче, но в нём звучала горькая правда. — Ты держишь всех на расстоянии, создаёшь вокруг себя стену. Но это всего лишь иллюзия...

Лидия замолчала на мгновение, её взгляд потускнел, словно она боролась с собственными мыслями. Затем, с лёгкой грустью и решимостью в голосе, добавила:

— Тогда почему я должна ценить тебя? Если хочешь сохранять вид сильной и уверенной в себе девушки — удачи тебе. Сиди здесь одна.

Она медленно поднялась и, не оглядываясь, пошла вдоль пустынного коридора.

Ребекка осталась сидеть, глядя вслед уходящей Лидии с тоской и растерянностью. Она сама не понимала, почему так резко вспыхнула. Самое мучительное для неё было осознание — Лидия была права. И это осознание жгло сильнее любой боли.

Ребекка дрожала вся, рука её непроизвольно сжалась в тревожном жесте, словно чтобы удержать внутри себя растущую бурю. Внутри нее вспыхнуло что-то невыносимое — словно прорвавшийся поток страха и боли, который она уже давно пыталась подавить. И вот, словно не в силах больше держать все в себе, она набрала воздух и начала говорить, голос её срывался, переходя в истерику.

— Когда мне было всего семь лет... — её голос дрожал, но она продолжала, словно сорвавшись на крик, — мой отец постоянно ссорился с мамой. Он так часто устраивал скандалы, что мне казалось, будто их жизни — это не что иное, как поле битвы... Однажды всё дошло до того, что он просто ударил её головой об шкаф. — её глаза блестели от слез, руки судорожно сжимались, как будто чтобы не упасть в пропасть отчаяния.

Лидия чуть выпятилась в проеме двери, застыв, словно фигура в замершем сне. Она взглянула на Ребекку, внимательно слушая каждое слово, с легким отстранением, пытаясь не раскрывать свою собственную боль. Но в глазах у нее мелькнуло сожаление, и сердце явно сжалось, когда она заметила, как из глаз Ребекки катятся слезы.

— Я тогда еще была слишком мала, чтобы что-то понять. Обычно я старалась быть хорошей девочкой, делать всё правильно, и в тот день... Я, как обычно, чтобы не разочаровывать родителей, решила тайком украсть конфеты из кухни. Вышла тихонько, с улыбкой на лице, думая, что сделаю что-то хорошее. А когда вернулась и увидела маму — без сознания, лицо побледневшее, — в этот момент в моем мире всё перевернулось. Отец посмотрел на меня, будто в нем что-то щелкнуло, он сразу же вызвал скорую... и, казалось, в тот миг он стал совсем другим человеком. Я не могла понять, что происходит, — продолжала Ребекка, взгляд ее пуст и отстранен, словно смотрит сквозь них. — Он давно избивал маму, как ни странно. А эта маска в его лице... Маска сдержанности, стыда, бесконечной фальши — она казалась мне ужаснее всего. Самым отвратительным было ощущение, что всё то зло, что творилось внутри их дома, скрывалось за этой милой внешностью. С тех пор он не ударил мать ни разу.

Лидия медленно подошла ближе, остановилась в стороне и, будто бы избегая собственной ошибки, не стала нарушать границы, понимала, что слишком много боли было между ними. Голос Реб задрожал, когда она произнесла — с тихой, но отчаянной ноткой боли — Больше всего я презирала свою мать.

Ребекка, слегка отворачиваясь, словно пытаясь защититься, быстро перебила — Она могла уйти... Она могла оставить его, ведь потом всё было бы иначе. Но она терпела. Она была... такая же, как ты — Реб подмегнула Лидии — наивной, верящей, что всё наладится. И я тогда пообещала себе — никогда не стану такой. Никогда не стану слабой и зависимой, как она. И вот, смотри на меня — я всё равно оказалась такой же слабой. Это Ашер... Он начал меня бить еще давно.

Пальцы Ребекки нервно сжимались, ее кожа побледнела. Внутри нее боролся отчаяние с чем-то ещё — с гневом, с безысходностью. Она вздохнула тяжело, будто выдыхая всю накопившуюся за долгие годы боль и страх.

— После пожара я думала, что всё из-за того, что он потерял брата, что он просто сломлен и злится. Я надеялась, что всё пройдет, старалась помочь ему, была рядом. Но всё только ухудшалось. Он стал... другим. Социопатом. Он ломает меня — и физически, и морально. Я не могу больше так жить. — Её голос сорвался, и слёзы снова покатались по щекам. — Это уже слишком. Даже для меня.

— Ты сильнее, чем сама думаешь, — тихо сказала Лидия, — как и твоя мать. Она вернула твоего отца, потому что верила, что любовь к тебе сможет его изменить. А что чувствуешь ты к Ашеру? — голос её стал почти шёпотом.

Ребекка, с трудом сдерживая истерику, прошептала:

— Нет, он не изменится... но я люблю его.

Слёзы хлынули потоком, выплёскивая всю боль, которую она так долго прятала внутри.

Лидия обняла её крепко, ощущая, как Ребекка дрожит в её объятиях.

— Я помогу тебе. Мы справимся вместе. — добавила она, пытаясь вселить надежду.

В мире существует пять стадий принятия неизбежного: отрицание, гнев, торг, депрессия и принятие. Но многие считают, что есть и шестая стадия — месть. Именно эту стадию больше всего разделяли дети Грейвсэнд — Джейс и Эббигейл. Они верили в нее с особенной силой. Джейс, в поисках Ашера и Деймона, перемещался по вечеринке, словно охотник, а Эбби, тихо и скрытно, вошла на кухню и начала разливать выпивку в тридцать стаканов. В черных стаканах — ирландский виски, мягкий, чуть сладковатый, с гладким вкусом, напоминающим безалкогольное вино. В белых стаканах — тот же безалкогольный напиток, и предназначены они были именно для тех, кто избегает алкоголя. Проходящая мимо девушка заметила, что Эбби что-то делает, и с недоверием уставилась на нее. Эбби, уловив это, тихо и осторожно подставила палец к губам и шикнула, словно предупреждая, чтобы та не говорила лишнего. Джейс стоял у стены, наблюдая, как Деймон и Кейт тихо и ласково обменивались любезностями. Их улыбки были нежными, а взгляды — полными теплоты. В этот момент к нему подошла Эбби, протягивая стакан. Джейс усмехнулся и, наклонившись к её уху, шепнул с игривой улыбкой:

— Ты же помнишь, нам сегодня нельзя пить.

Эбби слегка толкнула брата в бок и, положив руку ему на плечо, саркастично ответила:

— Какой же ты несчастный алкоголик. Это сок, глупый.

Джейс прищурился, прикрыв наполовину глаза, словно говоря без слов: «Ну да, конечно». Он взял стакан и сделал глоток.

В этот момент их взгляды невольно зацепились за Деймона и Кейт, которые стояли рядом. Деймон нежно и сладко коснулся губами губ Кейт. Джейс с гримасой показал Эбби язык, изображая тошноту, на что она не смогла сдержать смех.

Однако их реакцию заметили и Кейт с Деймоном. Мгновенно обе пары натянули улыбки — немного натянутые, но искренние — и помахали друг другу. Джейс и Эбби ответили взаимностью, скрывая под улыбками лёгкое смущение и весёлое напряжение.

Кейт и Деймон направились к столу с пивом и пуншем, где уже собралось не менее пятнадцати человек. Деймон, растолкав присутствующих, сразу подошел к столику, чтобы начать играть в пив-понг. Он вместе с Кейт одержал победу над парой, и вместе с Кейт — они ликовали. Но тут к ним подошел молодой парень с кудрявыми длинными волосами и его чуть ниже ростом друг с челкой, тоже среднего роста. Джейс подошел, обходя людей вокруг и подкрался к парням сзади:

— Лучше уступите место, если не хотите опозориться.

На их фоне Джейс выглядел намного внушительней, будто бы был 30-летним, и его присутствие сразу было заметно. Деймон и Кейт озадаченно переглянулись: зачем вдруг Джейс решил играть вместе с ними, да еще и против Деймона, подумала Кейт. Ведь Деймон прекрасно понимал, что постоянное соперничество — это у них что-то вроде секса. Пацан в ответ на комментарий Джейса выразил желание поиграть тоже.

— Но мы тоже хотим играть, — тихо, с дрожью в голосе, сказал он.

Джейс усмехнулся им в лицо, произнес:

— О, я понимаю, поверьте, но, посмотрите на них... — он махнул рукой в сторону Деймона и Кейт, а тот, в ответ, подмигнул. — Посмотрите на парня, у него же в генетике прописан алкоголизм, по лицу видно. — И тут же Деймон нахмурил брови.

Кейт засмеялась, прикрыв рот, а Джейс с холодным взглядом продолжил:

— А она — девушка алкоголика. — Теперь в замешательстве уже и Кейт — Сами подумайте, почему... Оу, спойлер, наверное, у них много общего. — Он прошептал это, встав между парнями, демонстрируя свое превосходство. — Так что давай, подожди, когда мы их победим. Возьми своего парня и вразумись, пока не поздно. — Закончил он, похлопав парня по плечам, словно наставляя его.

Кудрявый парень опустил голову. В голове крутился один навязчивый вопрос: «Как он узнал?». Они ведь никогда не афишировали, не держались за руки, не смотрели друг на друга слишком долго. Что их выдало? Мимика? Интонация? Или этот тип просто обладал каким-то чёртовым чутьём? Его губы были плотно сжаты, а взгляд бессмысленно блуждал по полу, пытаясь найти ответ на немой вопрос, который теперь жёг изнутри.

В этот момент Джейс заметил его и нахмурился, его лицо выражало снисходительную узнаваемость. С усмешкой, которая почти скрывалась за напряжением, он резко сказал:

— Да на ваших лицах это написано. Все, давайте, бегом, — его голос был твердым и призывным.

Парень с чёлкой, однако, не спешил уходить. Он остался стоять на месте, словно врос в пол, пока его друг удалялся в тень коридора. Его взгляд медленно, почти осязаемо скользнул по фигуре Джейса — от широких плеч, напряжённых под тканью футболки, вниз к рукам, сжимающим стакан, и обратно к глазам. В этом взгляде не было страха или обиды. Было что-то другое — вызов, смешанный с неприкрытым интересом. Он смотрел так, будто мысленно раздевал его, оценивая каждую линию тела, каждую черту лица, игнорируя только что произошедшее унижение.

Джейс заметил этот взгляд. Его бровь поползла вверх, а в уголках губ заиграла холодная усмешка. Ему не нравились такие игры, особенно сейчас, когда ставки были слишком высоки.

— К тебе особое отношение нужно? — тихо, но чётко произнёс Джейс, делая шаг вперёд. Его голос потерял всякую игривость, оставив лишь сталь. — Вали!

Он деликатно, но уверенно подтолкнул парня в грудь, заставляя того наконец развернуться и последовать за другом.

Джейс повернулся, оценил окружающее суетное движение и взглянул на соперников. Одним взглядом он заметил решимость и напряжение в глазах Деймона, который решил не откладывать и вставил свою реплику:

— Наконец-то нашел себе поклонника, Джейс. Ты хоть собираешься взять его номерок или так и будешь играть один? — его улыбка, ироничная и чуть насмешливая, играла на его лице.

Джейс лишь вздохнул и закатил глаза, медленно оперевшись на стол руками. Деймон вежливо, но твердо продолжил:

— Ты же не собираешься играть с нами в одиночку, правда? Даже ты не справишься, — усмехнулся он.

На этот момент к ним подошла Эбби, у нее в руках был поднос с аккуратно расставленными стаканами. Она вставала рядом с Джейсом, четко понимая ситуацию, и с легкой иронией смотрела на проблему, которую создала Кейт своим присутствием.

— Какого черта? — недоуменно спросили Деймон и Кейт, глядя на стаканы.

Эбби, улыбаясь и мягко перебрасывая волосы за ухо, начала объяснять:

— Ну вот новые правила, мои влюбленные, — начала она, садясь на край стола. — В этих стаканах у меня — высокоградусный виски... — и она бросила взгляд на стаканы, заметив, что в них разное количество цветов: белых и черных. — Если раньше игра была в том, чтобы попасть во все стаканы, то теперь — пара должна быстрее опустошить свои — с иронией говорила Эбби, привлекая к себе всеобщее внимание. Вокруг нее сгрудились люди, полностью поглощенные новой разметкой игры.

Она заметила, что Ашера кто-то внимательно наблюдает — его лицо оставалось мрачным, с постоянным выражением угрюмости.

— То есть, тут всё на скорость, а не на количество? — с подозрением спросил Деймон.

— Верно. Ты ведь не хочешь отказать всем в этом зрелище? — Эбби подмигнула, намекая на давление, которое она оказывала.

Деймон махнул рукой:

— Пфф, конечно нет. Мы вас сделаем! — его голос звучал вызывающе.

Джейс попытался вставить свои слова, но Эбби его опередила:

— Итак, мы выбираем черные стаканы, — спокойно продолжила она, хотя прекрасно понимала, что пить в черных — не то, что надо. Джейс напрягся и выразил это недовольство взглядом: ему не нравился её выбор.

— Еще чего, — вмешался Деймон, — мы были здесь раньше, и мы первыми выберем цвет. — Он поднял руку и приказал: — Черные! — и сразу же поддержка последовала из толпы, которая одобрителем загнула.

Джейс и Эбби обменялись взглядом — они сделали невидимый друг другу жест, словно подчеркивая свою поддержку — их рукасты исчезли под столом в момент, когда игра началась. Подростки в толпе начали кричать в поддержку всем за кого болели.

Первый раунд завершился триумфом Дэйма и Кейт. Они обменялись дружеским хлопком по рукам и, не сдерживая радости, поцеловались прямо на виду у всех присутствующих. Толпа с воодушевлением зааплодировала, ликуя за своих фаворитов. В то же время Джейс и Эбби наблюдали за этим сценой с разной реакцией: Джейс чуть прищурился и закатил глаза, понимая, что пора вмешаться. Эбби, кажется, тоже сдала свои позиции и решила, что пора действовать.

— Слышишь эти голоса, Эбби? — засмеялась Кейт с вызовом, пытаясь задеть противника. — Похоже, тебе и вправду уже не к чему претендовать!

Эбби улыбнулась, демонстрируя уверенность и спокойствие, и ответила, чуть подыгрывая:

— Девочка моя, ты играешь так же плохо, как и целуешься!

Кейт, все еще смеясь, переспросила, прищурившись:

— Властно и страстно?

Эбби, не отступая, с легкой ироничной усмешкой ответила:

— Криво и неуклюже.

Это вызвало смех у Джейса, который рассмеялся, наблюдая за их игрой. Эбби резко бросила мяч и метко попала в цель, вызвав аплодисменты и крики восторга у зрителей. Следующей был ход Джейса, он взял мяч и внимательно нацелился на стаканы, вызывая дополнительный азарт.

— Может, теперь, когда ты уверен в своем капитане, ты будешь больше уделять внимание тренировкам? — с едким тоном спросил Дейм, чтобы немного задеть соперника.

Джейс взглянул на него на мгновение и ответил тонко, с намеком на самоуверенность:

— Ты продержишься ровно столько же, сколько и наверху, скорострел.

Звуки одобрения прозвучали со стороны толпы, и Джейс, сделав выстрел, точно попал в стакан, вызывая овацию. Однако после него Деймон промахнулся, так же как и Кейт. Настала очередь Эбби, и тут Кейт не удержалась и выпалила:

— Я так понимаю, ты уже закончила свой этап святоши? — с иронией заметила она, и толпа мгновенно замерла, догадываясь, что сейчас последует.

Эбби подняла взгляд и, всерьез заинтересованная, спросила:

— Что ты имеешь в виду?

Кейт не осталась в долгу и продолжила:

— Ну, все же помнят, какая ты была до пожара, когда употребляла как зависимая, хот почему как... Может, теперь ты снова... — не успела закончить Кейт, как Эбби, хладнокровно и резко, вылила в ее сторону стакан водки, взятый у парня рядом. Кейт ахнула и закричала, подняв бучу, и мгновенно ушла от стола, оставляя за собой смятение. Деймон охотно пытался уговорить ее остаться, но та настроена была решительно и ушла, не слушая.

— Так, — последовало решение — раз у нас не полный состав, то ты, Дейм, выбываешь, — сказал Джейс с легкой грустью, стараясь перевести внимание на себя, чтобы сестра могла успокоиться.

— Я заменю его, — вставил Ашер, подойдя к игре. — Если я попаду, вы все будете обвинять меня в жульничестве? — спросил он, куря сигарету.

Брат с сестрой, в свою очередь, ответили друг за друга с иронией:

— Нам хотя бы не нужно самоутверждаться, чтобы думать, что мы чего-то стоим.

Эта беседа привела к определенной отчужденности в глазах их соперников, которые заметили, как Джейс и Эбби распоряжаются ситуацией, делая вид, будто они пьяны и совсем не умеют пить. Однако, даже несмотря на это, Деймон и Ашер выигрывали, выпив почти все стаканы, за исключением одного, и были ужасно пьяны. Их состояние такое ужасное, что ещё один стакан, и они бы сразу же рухнули. Всё это создавало атмосферу напряженности, ожидая финального исхода.

Джейс и Эбби, понимая, что даже в этой, казалось бы, безвыходной ситуации им удалось перехитрить соперников, решили сыграть на опережение. Они обменялись хитрыми взглядами и, сдерживая улыбки, уступили победу — пусть теперь соперники попробуют допить оставшийся напиток.

— Что такое, Дейм? — с усмешкой прищурился Джейс, дразня соперника. — Совсем плохо? Даже выпить не можете и осилить нас?

Деймон, стиснув зубы и нахмурившись, принял вызов без промедления. Его глаза сверкали решимостью, но в глубине таилась усталость. Вместе с Ашером они опустошили стакан, словно пытаясь доказать свою силу, но едва удержались на ногах, покачиваясь и тяжело дыша.

Все окружающие заметили, как им стало плохо. Джейс и Эбби, словно мастера игры, мгновенно прочувствовали момент и, не теряя ни секунды, предложили помощь:

— Похоже, вы выиграли, — спокойно произнесла Эбби, её голос был мягким, но в нём звучала уверенность. — Давайте мы вас проводим до спальни, как почетных победителей.

Джейс и Эбби помогли им подняться, видя в каком состоянии находятся проигравшие, осознавая, что настоящая победа ещё впереди — дело осталось за малым.

В отдаленной части квартиры, тускло освещенной мерцающими гирляндами и слабым светом свечей, девушка, пьяная и заблудшая, бродила в поисках туалета. Она отошла от своих подруг на всего лишь минуту, и при этом не могла – или не хотела – понять, какая дверь открыта и ведет ли она в безопасное место. Ее охватило ощущение заблуждения, и вдруг между темными силуэтами, слившимися с тенями, появился тот, кто навис над ней — фигура в мраке. В мгновение ока ее схватили, и нож, как холодный ветер смерти, проникнул в плоть, прорезав дыру. Она изо всех сил пыталась кричать, но голос застрял в горле, а кровь хлынула наружу, капая капельками кровавых пятен на пол.

Когда темный силуэт вдруг отпустил ее, девушка рухнула, дрожа, на пол, вся в крови, со сквозящей болью и последними силами пытаясь пробормотать что-то. Ее глаза сужались, и на последнем издыхании она с трудом добралась до перил — и упала, разбившись на асфальт под столпом зрителей, испуганных и не понимающих, что только что произошло. Крики, паника, хаос — крики громко резали воздух, сочась со звуками разбивающегося стекла. Не успели понять, как кровь закапала на стены, как на лице каждого из присутствующих отражались ужас и безнадега.

В центре хаоса кто-то, словно по команде, нажал кнопку — Деймон хотел преподнести сюрприз, финальный аккорд с занавесом, на котором было написано "Мы — лучшие!". Но поверх этой надписи — кровью, шрифтом, искажающим смысл — было таинственно и зловеще выведено: «За действия есть последствия». В ужасе все бросились искать Лидию, в то время как Ксю и Амайя, стоя в неподвижности, понимали: эта надпись — о них.

Скотт и Сара, полуголые, едва успевающие оправиться от шока, выбегают из спальни на втором этаже. Сара прижалась к груди Скотта, ощущая страх, который сковал их, словно оковы. Лидия и Бекс, появившись из туалета с растерянными лицами, явно не понимали, что происходит. Джейси и Эбби вышли со своими ручками для тату — улыбаясь, будто ничего не случилось, но — взгляд Эбби испуганно метнулся к вывеске, и внезапно у нее началась дрожь. Джейса охватила тошнота, он невольно взял Эбби под руку, сам ощущая, как холод охватывает его тело. Он сосредоточился на Амайе и Ксения — пугающая картина начала медленно складываться у них внутри: что-то очень знакомое, очень ужасное — две давности, казавшиеся лишь мимолетным воспоминанием, теперь возвращались с удвоенной силой.

Толпа начала разбегаться, страх и отчаяние разрывали сердца. Но вскоре стало ясно — кого-то не хватает. В панике, пронзая тишину, раздался крик:

— Мейсон! Мейсон, где ты?!

Голоса множилось, становились всё громче, но ответа не было. Последний раз его видели вместе с Ашером — они уходили вместе, но Мейсон так и не вернулся.

Эти мысли, как раскалённые угли, прокатились по голове Лидии. Сердце сжималось от ужаса и безысходности, а страх обжигал её душу, словно пламя, не давая дышать. Она стояла, окутанная этим внутренним пожаром, понимая, что потеря — не просто слово, а реальность, которая может уничтожить всё, что осталось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.